

По следам Оренбургской зимы: книга поисков

ОТ АВТОРА

Эта книга - пять лет моей жизни. Она недописана, как не закончены и разыскания. Я уверен: настойчивый поиск всегда ведет к находкам. И хочется надеяться, что своей работой мне удастся внести что-то новое в прочтение важных страниц биографии Тараса Шевченко.

О годах ссылки Тараса Григорьевича написано немало. Воспоминаний. Статей. Книг. Но "белых пятен" столько, что надо искать и искать. На страницах своих исследовательских повестей я веду читателей по следам оренбургской зимы Шевченко, раскрываю страницы его дружбы с Желиговским, революционным поэтом Польши, рассказываю о загадке интереснейших шевченковских документов, касающихся орского периода. Скажу сразу - много тут сведений, почерпнутых из книг, и это - закономерно. Но большая часть разделов и глав построена на материалах архивных, вводимых в научный оборот впервые. Именно для того, чтобы добыть это новое, и отправился я в свой поиск. Поиск, который привел меня к только что законченной работе над монографическим словарем "Т. Г. Шевченко и его окружение периода оренбургской ссылки. 1847-1857 гг." (в нем сведения почти о 800 лицах, связанных с поэтом Украины в этот период). Поиск, который сегодня влечет автора к наиболее полному прочтению новопетровских и аральских страниц биографии Кобзаря...

Перед тем, как пригласить вас в книгу, я испытываю душевную потребность выразить свою благодарность тем, чье внимание и чью помощь ощущаю на каждом шагу. Это - коллективы музеев и архивов, особенно Оренбурга, Киева, Ленинграда, ученые, библиотекари, краеведы. Мне дороги советы членов-корреспондентов Академии наук Украины лауреатов Ленинской премии Е. П. Кирилюка и Е. С. Шаблювского, одного из первых читателей и критиков рукописи доктора

филологических наук, писателя, недавно удостоенного Государственной премии СССР, И. Л. Андроникова, зам. директора Государственного Шевченковского музея Г. П. Паламарчук, доктора исторических наук из Ташкента Г. Н. Чаброва, многих и многих других. Сердечное вам спасибо!

204 дня из жизни Тараса Шевченко

Две даты, соединенные тире: I. XI. 1849-23. V. 1850. Между ними почти семь месяцев. Точнее - шесть месяцев и три недели. Еще точнее - двести четыре дня.

204 дня жизни великого человека, известного всем и каждому, почитаемого миллионами.

Имя его - Тарас Шевченко...

Биография Тараса Григорьевича описана в десятках, сотнях научных трудов.

Иные периоды разработаны настолько, что учтена каждая деталь, зафиксирован и осмыслен каждый шаг.

А вот этому не повезло.

Не повезло? Нет, не то! Не те слова, не тот смысл...

Настолько тяжелыми оказались обстоятельства тех семи месяцев, так рьяно тогдашние властители человеческих судеб заботились о превращении гениального поэта в безвестного солдата, что многое, очень многое из его биографии и поныне остается загадкой.

Оренбург. На берегу Урала.

Правда, в советские годы наши представления об этом периоде обогатились несравненно. Особенно расширились они за последние полтора-два десятка лет. Но теперь о днях, месяцах, проведенных Шевченко в Оренбурге, известно до обидного мало.

А можно ли узнать больше?

С такой мыслью и начал я несколько лет тому назад свой путь по следам оренбургской зимы Кобзаря.

Путь, в который сейчас приглашаю вас...

1. ОРЕНБУРГ, 1849 – 1850

Итак, время. Когда происходят интересующие нас события, - поздняя осень 1849 – весна 1850 гг., место их – Оренбург.

Но для путешествующего в глубь истории эти сведения не более чем отправные точки.

Я же хочу просто узнать об оренбурге, увидеть, почувствовать, ощутить его живой – непременно живой облик.

Каким он был в середине прошлого века?

Каким принял шевченко?

Начну со строк из его повести «близнецы».

«...Солнце только что закатилось, когда я переправился через сакмару, и первое, что я увидел, это было ещё розоватого цвета огромное здание с мечетью и прекраснейшим минаретом. Это здание называлось здесь Караван-сарай, мне открылся город,

Оренбург. Дом генерала-губернатора.

то есть земляной высокий вал, одетый красноватым камнем, и неуклюжие сакмарские ворота, в (которые) я и въехал в Оренбург.

На мой взгляд, в физиономии Оренбурга есть что-то антипатичное, но наружность иногда обманчива бывает. И я лучше сделаю, если не буду вам писать о нем, пока к нему не присмотрюся..."

Присмотримся и мы. А в помощь себе привлечем шевченковских современников. И только "титул" Оренбурга этой поры приведу я сам и сразу: уездный город, резиденция штаба Отдельного корпуса и военного начальника края, крепость второго класса.

Но пусть говорят те, которые видели тот Оренбург сами. Представим себе диалог двух старожилов - Н. За-лесова и П. Жакмона. На журнальных страницах они не встретились: записки первого публиковались в 1903 году в "Русской старине"², воспоминания второго - в 1905-м, в "Историческом вестнике"³. Однако и тот, и другой рассказывают об одном - Оренбурге 1849-1850 годов. Так что диалог можно представить без труда.

ЖАКМОН: "...Это был небольшой город, окруженный высоким земляным валом со рвом и четырьмя железными воротами, которые на ночь запирались на замок. У каждого ворот стоял военный караул, а у главных ворот - Сакмарских - был офицерский пост, потому что здесь же в каменном здании помещалось до 300 человек арестантов военно-исправительной роты. Так как ключи от ворот были у караульного

начальника, то в ночное время приезжающие впускались только с его разрешения в город. После пробития вечерней зари часовые на постах перекликались протяжным "слушай", и их в шутку называли царскими петухами..."

ЗАЛЕСОВ: "...В этот год корпусной командир устроил линейным батальонам и казакам маневры: форсировали переправу через Урал, атаковали уральскую рошу. Это, сколько знаю, была первая попытка в такого рода занятиях в Оренбургском корпусе... Здесь кстати заметить, что у тогдашнего нашего начальства был крайне своеобразный взгляд на образование войск, особенно офицеров, от которых, кроме изучения устава, решительно ничего не требовали и даже как-будто боялись, когда у них являлось желание пополнить свои познания".

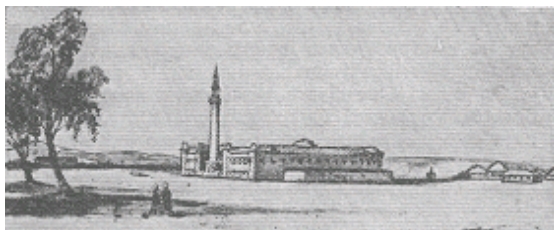
ЖАКМОН: "...Число жителей не превышало в Оренбурге, вместе с войсками, 12 тысяч человек".

ЗАЛЕСОВ: "...Общественные удовольствия шли тоже по-прежнему: избранная публика веселилась в клубах, на балах у начальства и у себя на дому".

ЖАКМОН: "...В те времена Оренбург был ссыльным городом, и в нем насчитывалось несколько сотен ссыльных поляков... Все они были разжалованы в царствование императора Николая Павловича и сосланы рядовыми в оренбургские линейные батальоны и несли строевую службу наравне с прочими нижними чинами, только ночевали не в казармах, а на своих квартирах, что, впрочем, дозволялось им частным образом - с разрешения батальонных и ротных командиров или тайным образом- за плату, с позволения фельдфебелей, наживавших от них большие деньги".

ЗАЛЕСОВ: "...Из внешних обстоятельств, интересовавших общество и несколько нарушивших его обыкновенную жизнь, я могу указать только на четыре. Во-первых, благородные спектакли. Представлений состоялось несколько, их дали после пасхи, и действующими лицами были адъютанты, офицеры генерального штаба, инженеры и дамы высшего круга... Вообще спектакли были новинкою и принесли много удовольствия оренбургскому обществу, за что оно исключительно обязано супруге генерала Обручева, при содействии которой только и можно было устранить обыкновенные в провинции пререкания дам при раздаче ролей; вторым был проезд зимой для наблюдения за набором местного землевладельца, флигель-адъютанта Тимашева, которого приглашали все на балы с целью посмотреть, как танцует он польку, а Обручев измучил до последней степени, возя его по всем заведениям и караулам, чтобы показать существующие у него порядки; третьим были действия и работы на Аральском море и Сыр-Дарье морских офицеров - капитан-лейтенанта Краббе и лейтенанта Бутакова. Молодой, образованный А. И. Бутаков много положил труда и здоровья на исследование Аральского моря и образование Аральской флотилии; Краббе же ухаживал за барынями, рыскал верхом и приезжал единственно для получения награды; и, в четвертых,- привоз в Оренбург, служивший тогда одним из главных мест ссылки, малороссийского поэта Шевченко. С последним мне удалось познакомиться, хотя, к сожалению, ненадолго, ибо Обручев, найдя пребывание его в Оренбурге почему-то небезопасным, отправил Шевченко "в заброшенный в пус тыню Александровский форт, куда даже офицеров посылали в виде особого наказания".

Шевченко - "в четвертых"... Я умышленно дал выговориться почтенным оренбургским старожилам - чиновнику Жакмону и отставному генералу Залесову. Включись в их спокойный диалог тот, о чем приезде мемуарист сообщает после рассказа о "благородных спектаклях" и развлечениях будущего министра внутренних дел Тимашева, тон разговора стал бы иным.

Оренбург. Караван-Сарай

Но Шевченко сказал, и сказал точнее, определеннее, чем оба старожила, вместе взятые.

Это его впечатления, его мысли и чувства передал в своей "Оренбургской мухе" герой "Близнецов" лекарь Сокира.

Самые безрадостные картины вызывали письма Сав-ватия Сокиры из Оренбурга у его родителей и односельчан на Украине.

"...Они видят его, как он идет по большой улице и ему встречаются эполеты да каски, каски да эполеты, казаки да солдаты, солдаты да казаки, даже бабы ходят по улице в солдатских шинелях... Или видят его, как он сидит на горе и смотрит на Урал, и на рощу за Уралом, и за рощей на меновой двор, а за двором степь и степь, хоть и не смотри, далее ничего не увидишь, а он все смотрит да о чем-то думает..."

"...Один вид Оренбурга наводил на него сон..."

Вот он, тогдашний Оренбург со стороны.

...Не многого достиг сей град за сто с лишним лет своего существования.

Но для Шевченко он оказался городом друзей.

2. ДОМ ЕГО ДРУГА

1

Полвека тому назад (было это как раз между пятидесятилетием со дня смерти и столетием со дня рождения Тараса Шевченко) две почтенные организации Оренбурга вступили в оживленную переписку.

Начало ей положило официальное отношение со штампом городской управы.

"Городская дума в заседании своем 21 декабря 1911 года постановила: назвать Канонирский переулок, в который выходит дом Кутина, где жил украинский поэт Т. Г. Шевченко, его именем и прибить на дом медную доску с соответствующей надписью..."

Это сообщение служило вступлением. Суть дела излагалась далее.

"Не зная точно, в каком именно году жил в Оренбурге Т. Г. Шевченко, городская управа о сообщении этих сведений покорнейше просит Ученую архивную комиссию, причем не отказать выработать и соответствующую этому случаю надпись".

Отношение датировано 8 мая 1912 года. Со времени решения думы прошло пять месяцев...

Еще два с половиной месяца спустя, 19 июля, последовало напоминание-"поспешить исполнением отношения".

Но ученые мужи не могли ничего ответить.

Только 11 сентября действительные члены и члены-корреспонденты комиссии собрались для обсуждения поставленного перед ними вопроса.

Собрались - и разошлись. Вместо ответа последовал встречный запрос: о документах, которыми располагают на сей счет сама дума и сама управа.

В следующем письме, посланном в июне - уже не 1912-го, а 1913 года, - черным по белому написано: "Городская управа имеет честь уведомить Архивную комиссию, что собственно в управе не имеется никаких сведений о проживании поэта Т. Г. Шевченко в Оренбурге, в доме Кутиных, но из книги "Галерея русских писателей" под редакцией И. Игнатова, изд. С. Скимунт, видно, что Шевченко проживал в Оренбурге с 1847 по 1857 год".

Переписка продолжалась с тем же "успехом"⁴.

И вот еще одно свидетельство, теперь уже печатное. Это небольшая статья в номере "Оренбургской жизни" за 1914 год:

"Кажется, существует постановление нашей думы о переименовании Канонирского переуллка в улицу Шевченко.

Отчего же и до сих пор на доме, в котором жил поэт, прибита дощечка - Канонирский переулок?.. Не мешало бы городской управе взять на себя инициативу прибить памятную доску к дому, в котором жил Шевченко. Хотя бы этим ознаменовать столетие его рождения".

Тем временем все меньше оставалось людей, которые хранили память о Шевченко. Умер А. Кутин, который не раз видел поэта и мог о нем рассказать. Исчезли бесценные документы.

А стороны продолжали обмениваться запросами-ответами, ответами-запросами.

И табличка с новым названием переуллка, и памятная доска на доме появились через много лет, после Октябрьской революции...

Это и поныне единственная мемориальная доска, связанная с пребыванием Шевченко в Оренбурге.

Единственная, хотя...

2.

В "Летописи жизни и творчества Т. Г. Шевченко" указывается:

"Октябрь, 10. Шевченко, Бутаков и другие участники экспедиции отправились из укрепления Раим в Оренбург-Ноябрь, 1. Шевченко и Бутаков прибыли в Оренбург..."⁶. Утомительным двадцатидневным переходом закончилась длительная - почти полугодовая - экспедиция А. И. Бутакова по составлению карты и описанию берегов дотоле неизведанного Аральского моря.

Экспедиция-подвиг... И командиры, и все ее участники являлись первооткрывателями: они шли в неведомое, на каждом шагу преодолевали препятствия, рисковали жизнью. Но, как писал впоследствии Бутаков, "все удалось нам как нельзя лучше, при неутомимом, исполненном самоотвержения, усердии всех наших сподвижников".

Опасности, лишения трудного похода теперь были уже позади. Работы же его участникам оставалось еще много.

Тем более - Шевченко.

Он был "глазами экспедиции". Множество зарисовок сделал художник, неповторимые детали запечатлел в своих путевых альбомах. По ходатайству Бутакова, его разрешили оставить в составе группы "для окончательной отделки живописных

видов, чего в море сделать невозможно, и для перенесения гидрографических видов на карту после того, как она будет составлена".

Где он поселился?

Этот вопрос немаловажен, и его не обошел ни один исследователь жизни поэта в ту оренбургскую зиму. Но сколько разноречивых толков!

Можно согласиться с тем, что первым пристанищем Шевченко в этот, второй его приезд в Оренбург, стал дом Кутиных. Но лишь на день-два. В дальнейшем он нередко приходил сюда к Федору Лазаревскому. Здесь устраивались дружеские встречи с участием их общих приятелей. Иногда Шевченко оставался ночевать. Провел он тут и ночь после обыска с 22 на 23 апреля. Однако был поэт в кутинском доме лишь гостем.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вчитаться в воспоминания хозяйки дома, которые в свое время записал П. Л. Юдин:

"Ходил он по городу всегда в солдатской шинели и только под низом ее надевал синие шаровары и белую, вышитую на груди и по рукавам, хохлацкую рубаху. Был у него приятель офицер-хохол (имеется в виду чиновник Ф. Лазаревский, который жил у Кутиных - Л. Б.). Шевченко чуть не каждый день навещал его. Вдвоем они коротали зимние вечера за чайком и водочкой. Придет, бывало, он к нам, сейчас шинель долой, повесит ее в передней на гвоздик, расправит свои длинные черные усы, и первый его вопрос в шутовском тоне:

Ой, чи живы, чи здоровы Все родичи гарбузови?"

Кто-кто, а хозяйка не могла спутать два таких различных обстоятельства: жил Шевченко в ее доме или бывал в нем!

(Последующие представители семьи, вероятно не без участия тех, кто к ним обращался, в этом вопросе изрядно поднапутали. Могу упомянуть сообщение С. А. Рыковой (урожд. Путиной), опубликованное в довоенном украинском сборнике "Т. Г. Шевченко в народном творчестве" и перепечатанное в книге "Народ и Шевченко".⁹ Ссылаясь на рассказ матери - тот самый, который мы прочли,- она категорически и безоговорочно утверждает: "Шевченко жил в нашем доме", "Шевченко квартировал у моего дедушки". Не напоминает ли это детскую игру в "испорченный телефон"?

Любопытно, что большинство исследователей вопроса именуют домовладельца Аполлоном Кутиным. Между тем, Аполлон, который действительно жил здесь в это время, находился тогда в весьма юных летах. Хозяином дома являлся его отец - чиновник Михаил Иванович, хозяйкой - его мать Александра Петровна. Установить это мне помогла беседа со здравствующей ныне той же Софьей Аполлоновной Рыковой. Вместе с ней мы посетовали по поводу того, что оказалась утраченной семейная тетрадь-хроника - сначала листы 1849-1850 годов, а затем - вся целиком. Я долго искал некоего Иванова, местного журналиста, который брал эту памятную книжку в середине тридцатых годов, но смог только установить, что искать его бесполезно - старый газетчик В- П. Иванов-Яицкий, который действительно много занимался историей своего края, давно умер и архив его исчез безвозвратно...).

Из дома Кутиных, где Тарас Григорьевич, повторяю, обитал недолго, он перебрался к Бутакову. На этот счет имеется свидетельство М. М. Лазаревского: "... Ш, и его товарищи жили на одной квартире с Бутаковым... По отъезде Бутакова в январе 1850 года в Петербург Шевченко переехал жить на квартиру полковника К. И. Герна..."

Переселение к Бутакову, снимавшему частную квартиру, могло произойти 7-9 ноября, когда командир Отдельного Оренбургского корпуса официально разрешил прикомандировать Шевченко, вместе с Вернером и Залеским, к оренбургской группе Аральской экспедиции.

В своем письме к брату Григорию Ивановичу - письме, посланном из Оренбурга 4 ноября 1849 года,- А. И. Бутаков сообщал:

"Теперь квартира моя представляет настоящую фабрику,- в одной комнате топографы чертят напропалую на трех столах, в другой рисуют виды, а в третьей разбираются геологические и ботанические образцы, и, наконец, в четвертой я сам работаю над своими отчетами или похаживаю с сигарой в зубах и с лапами в карманах от одного стола к другому - важно!".

Планировку квартиры представить себе нетрудно. Но где она находилась - неизвестно.

А с ней связано многое.

Здесь -

...завершены (или созданы заново) десятки видов Аральского моря,
...нарисованы пейзажи степей,
...закрепилась дружба с Алексеем Ивановичем Бутаковым,
...жила большая Тарасова надежда на официальное дозволение рисовать и на удовлетворение ходатайства друзей о производстве его в унтер-офицеры как важном шаге к свободе.

В этом доме пережил Шевченко и новый приговор:

- Высочайшего соизволения не последовало!

Не будь рядом Бутакова, не будь настоящего дружеского окружения, он воспринял бы крушение своих надежд несравненно тяжелее...

"Он... жил сначала вместе с Бутаковым и по отъезде Бутакова в Петербург перешел жить ко мне..."

Это - уже из воспоминаний К. И. Герна¹².

Перемена квартиры? Да. Перемена друзей? Нет!

Хороший русский человек офицер Бутаков передал эстафету дружеской заботы о Шевченко такому же бескорыстному и сердечному русскому офицеру Герну.

3.

Не впервые прохожу я по улице Чичерина. Не раз исхоженная из конца в конец, она, кажется, знакома мне любым своим перекрестком, любым домом. Но теперь глаза видят, замечают, схватывают куда больше. И не случайно - ведь они ищут.

Улицы, как и люди, имеют неповторимый облик и неповторимые биографии. У этой родословная началась два века назад, в начальный период существования города. До нынешнего, советского своего имени, она называлась Гришковской, еще ранее - Косушечной.

Косушечная меня и интересует. По многим свидетельствам здесь находился дом Герна.

Во время экспедиции к Аральскому морю штабс-капитан Герн командовал небольшим отрядом для закладки нового форта на реке Карабутаке.

"После долгой, самой душевной беседы мы с ним расстались уже ночью..." - писал Шевченко в "Близнецах" о встрече, которая состоялась летом 1848-го. Еще тогда почувствовал Тарас Григорьевич, какая хорошая, щедрая душа у нового его знакомого.

...Итак, Шевченко переехал к Герну.

Что известно об этом из воспоминаний и других источников?

"...Поселился... в предместье Оренбурга в доме К. И. Герна..."³.

"...В последний свой приезд из степи я застал Шевченко там же на слободке, во флигеле дома К. И. Герна..."¹⁴.

Наконец, уже знакомое:

"...Он... жил сначала вместе с Бутаковым и по отъезде Бутакова в Петербург перешел жить ко мне..."

Написанные сорок лет спустя воспоминания К. И. Герна исполнены самых искренних чувств.

Нет, я, конечно, не против мемориальной доски на доме Кутиных. Но такой же следовало украсить дом Герна. И притом - с большим основанием: Шевченко жил здесь продолжительное время. Тут же он поселил героя повести "Близнецы" Савватия Сокиру ("... нанял себе маленькую, о двух комнатах, квартиру, как раз против госпиталя, в Старой Слободе").

Для того, чтобы установить памятную доску, нужно совсем немного - знать адрес дома.

Немного?

Бывшая Старая, по другому - Голубиная слободка... Бывшая Косушечная... Против бывшего Неплюевского кадетского корпуса... Более точных сведений не сообщил и П. Юдин, хотя он занимался этим вопросом еще тогда, когда были живы современники Шевченко и даже прежние владельцы дома. "Сгорел во время пожара 1879 года..." Было ли это основанием для того, чтобы не искать? ...Снова и снова прохожу я по улице Чичерина. Улице знакомой и - загадочной.

А что, если...

Оренбургский архив богат, очень богат. Это настоящая энциклопедия прошлой жизни края.

Но, что и говорить, обычными энциклопедиями пользоваться проще. Открой страницу на нужном тебе слове- и читай. Надо узнать больше - обратись к списку печатных источников в конце статьи.

В архиве же... в архиве сведения рассыпаны по сотням фондов, тысячам связок, десяткам тысяч дел.

Где может быть то, что требуется мне сейчас?

...Герн служил в 23-й пехотной дивизии. Входила она в состав Отдельного Оренбургского корпуса. Не отыщется ли в фондах корпусного штаба хоть какой-то документ, зафиксировавший - по тому или другому поводу - адрес квартирмейстера дивизии?

Искать пришлось долго. Но не безрезультатно. Дело, найденное в архиве, имело название: "О дозволении штабс-капитанше Софье Николаевне Герн произвести некоторые переправки в доме ея, состоящем в Голубиной слободке..."¹⁵

Переписка, собранная в нем, началась 15 мая 1846 года, за год до первого приезда Шевченко в Оренбург, а закончилась почти десять лет спустя - в сентябре 1855-го, когда он отбывал ссылку в Новопетровском укреплении.

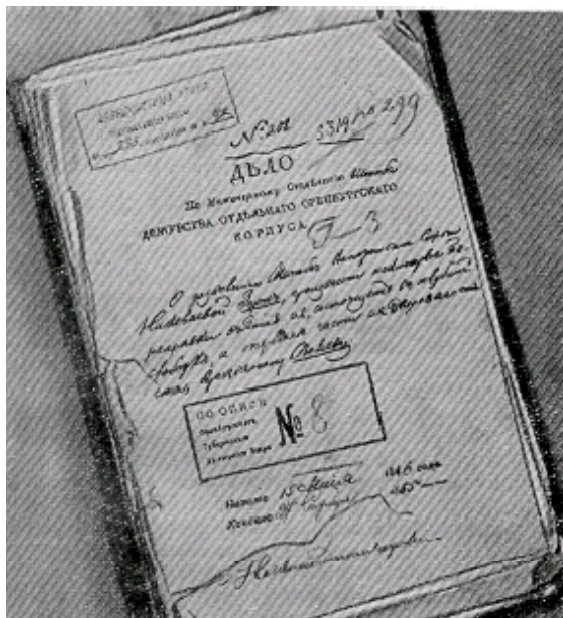
Значит, речь шла именно о том доме, поискам которого я посвятил уже не один день...

Что откроют мне листы этого дела?

...Упоминание о плане встретилось чуть ли не в первом из подшитых к делу документов..

План... О, это почти адрес... Лучшего не приходится и желать... Но есть ли он в деле?

Есть. И не один - три!

На первом и втором - часть девятого квартала Голубиной слободки. Вот усадьба Гернов. По обе стороны - соседи. Среди них люди разных сословий: рядовой инвалидной команды Куликов и купец третьей гильдии Самойлов, мещанин Шварев и отставной солдат Рукавишников. Район, как можно убедиться уже по этому перечню, отнюдь не аристократический. Тут, среди простых людей, Шевченко чувствовал себя, конечно, лучше, чем в кварталах знати.

А вот и третий. В этот, последний лист я вглядываюсь с особым интересом. Подробный план участка штабс-капитана Герна... Прежде всего бросается в глаза рисунок семиоконного каменного дома с колоннами по центру фасада. В эту дверь входил Шевченко... Этим садом любовался... И, хоть здесь не изображена, но живо представляется дорожка, что вела к деревянному флигелю. Вот к этому - в глубине двора, справа, близ линии, которая разделяла владения офицера Герна и купца Самойлова.

"Во флигеле дома К. И. Герна..." - снова и снова всплывают в памяти слова из воспоминаний. Сколько дней и ночей провел он в нем... Сколько дум передумал и стихов сочинил, сколько нарисовал...

Дело "О дозволении штабс-капитанше..." прояснило многое. Но все ли рассказал архив? Не откроет ли он каких-то важных деталей, которые облегчат поиски?

Через два или три дня на стол легла еще одна подшивка бумаг-1852-1853 годов. Это было дело "О неправильной разбивке нового квартала домов в Голубиной слободке напротив дома г. капитана Герна"16.

Оно тоже оказалось полезным. Чем? Опять же - планами.

Если те, найденные первыми, давали представление лишь об одной стороне улицы, причем ограничивали его сравнительно небольшим отрезком, то эти... Вряд ли потребуются объяснения, если сказать: перед глазами лежал план большей части Голубиной слободки с обозначенным на нем домом Герна.

Вот теперь архив можно было оставить без угрызений совести. На место... Снова на улицу Чичерина, которая прежде именовалась Гришковской, а еще раньше, в далеком прошлом,- Косушечной...

Поиск продолжается.

5.

Продолжается...

Но проходят дни, а результатов нет.

Как же так?

Неужто облик этой части города изменился настолько, что не найти ни единой зацепки?..

Обескураженный, зашел я в краеведческий музей. Здесь работает старый мой знакомый Сергей Александрович Попов - историк, археолог, краевед.

- Ищу дом, где жил Шевченко...

- Да вот же...

- Не тот!

- Читал, будто...

- Не отыскивается!

Извлек я из папки фотокопии планов усадьбы Герна и девятого квартала Голубиной слободки, разложил их на столе и стал смотреть на... Попова. А у него глаза зажглись. Только у краеведа, следопыта, искателя могут быть такие глаза. Острые, горящие, живые...

- Карты бы старые...

- Можно и карты...

Мы ползали по картам чуть ли не полдня. По старым, еще более старым и совсем старым. Мы совершали путешествия по лабиринтам улиц, улочек, переулков.

Взгляд - на планы, взгляд - на карты. И недоуменный обмен взглядами.

- Неужели Юдин напутал?..

По всему выходило: напутал. И еще как... Услышал от кого-то, что дом Герна стоял на бывшей Косушечной, не проверил, пустил в печать - и пошло, и пошло это утверждение гулять по страницам.

А дом-то был на... Косой!

На Косой улице, которую позднее переименовали в Архиерейскую, а после революции - в Казаковскую.

-! Пойдем вместе, Сергей Александрович?

- Работа...

- Да ведь это интересно и для музея...

- Пойдем!

6.

- Где-то тут...

Дома, который походил бы на тот семиоконный, с колоннами по центру фасада, нет. Косая, как и Косушечная, во время большого оренбургского пожара 1879 года была объята огнем; дом, как и утверждают биографы, действительно сгорел.

Но где он находился?

На планах, обнаруженных в архивном Деле, сохранился масштаб. Это облегчило поиск. Стало возможным вычислить расстояние до начала усадьбы Герна... до дома... до забора, который некогда отделял это подворье от хозяйства купца Самойлова...

Вот улица, существовавшая и тогда. Теперь она 2-я Суворовская. Сажени не трудно перевести в метры. Мы с Сергеем Александровичем превращаемся в землемеров.

- Новые дома будут строить тут, да? - спрашивают вездесущие мальчишки.

- Всему свое время,- отвечаем уклончиво. А сами продолжаем отмерять метр за метром.

Здесь!

Большой, полуторазэтажный дом, окруженный деревьями...

Казаковская, 43...

Проверить, еще и еще раз проверить!

Но как?

- Рядом с Тернами жили Самойловы...

Конечно, это слишком самонадеянно - рассчитывать, что в соседнем доме нас вдруг встретят потомки прежних владельцев. И все-таки...

... - Ищете кого? Могу показать - я тут всех знаю.

- Самойловых ищем...

- Самойловых? - разочарованно переспрашивает мальчишка.- Таких у нас нету... Во всем доме нету...

В доме, что выходит окнами на улицу, живут люди, переехавшие сюда в недавние годы. Старожилами двора являются только пенсионеры Семеновы, которые занимают маленький флигель.

Стучим к Семеновым. А в голове Самойлов.

- Самойловы здесь живут? - сорвалось с языка как-то само по себе, когда дверь открыла худенькая старушка.

- Тут Семеновы,- мягко поправила она. И, не скрывая удивления, спросила: - А вы отчего мою девичью фамилию вспомнили?

Мария Васильевна Семенова оказалась внучкой того самого Самойлова, что был соседом Гернов. Лет сорок она проработала наборщицей в типографии. Так что общий язык мы нашли сразу. Порывшись в памяти, собеседница вспомнила слышанные в детстве рассказы о том, как и где стояли дома на улице до пожара, кто в них жил. И, представьте, все совпало.

Здесь он жил.

Я смотрю на дом, что передо мною (не тот, а выстроенный гораздо позже), на ограду (тоже несхожую с нарисованной), на деревья (и они не столетние - новые), а вижу особняк Герна, флигель в глубине двора и, сдается, сейчас вот откроется калитка и выйдет он... Шевченко...

Дом стоял на этом самом месте.

Тут Тарасу Григорьевичу всегда были рады.

Карл Иванович был человеком большой культуры и прогрессивных взглядов. В его доме часто собирались хорошие люди разных национальностей. (Сестра Герна, Елизавета Ивановна, была женой чиновника провиантской комиссии Альфонса-Карла Адамовича Кирши, и это способствовало укреплению дружеских связей с поляками, которые обрели "свой дом" не только у Киршей, но и у Гернов.) Можно представить, как много вопросов затрагивалось в беседах, какими бурными они были. Несмотря на строжайший запрет, звучали в стенах дома стихи Шевченко. И те, которые привели его в далекую Оренбургскую губернию, и новые... Среди них - широко известное "Як бы вы знали паньчи"...

Когда б вы знали, барчуки,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали
И бога б зря не восхваляли,
К нам равнодушно жестоки...*

"Живя у меня, он много рисовал, в особенности портреты, и сделал несколько превосходных пейзажей акварелью из привезенных с Аральского моря эскизов; начал масляными красками писать портрет мой и жены моей..."¹⁷

Так свидетельствует Герн.

Флигель его дома на несколько месяцев стал мастерской художника Шевченко.

Сюда же нагрянули с обыском весной 1850 года...

Дорожа честью своего друга, Шевченко раскрыл Герну глаза на низость прапорщика Исаева, который всячески увивался за женой штабс-капитана. Исаев затаил месть и вскоре написал донос: рядовой Шевченко, нарушая "высочайшую волю", ходит в гражданской одежде, рисует и сочиняет. Военный губернатор Обручев, опасаясь монаршего гнева, дал доносу ход.

Много улик могло быть найдено во время обыска, если бы Герн не проведал о нем чуть раньше. Он разыскал Шевченко, и в печь были брошены десятки писем, рисунков, черновиков стихотворений. Стихи, ~написанные его другом в неволе, Карл Иванович спрятал у себя. Тех результатов, на которые рассчитывали доносчик и его покровители, обыск не дал. Тем не менее Шевченко оказался на гауптвахте.

Здесь стоял тот флигель. Он тоже когда-то сгорел и тоже отстроен заново. Сейчас в нем живет простая русская семья Ананьевых. На маленькой полочке - шевченковский "Кобзарь". Среди стихов его - те, которые были написаны на этом самом месте.

Поэт томился в каземате Орской крепости, потом долгие годы находился в Новопетровском укреплении, а исписанные стихами тетрадки - всем известные ныне шевченковские "захалавные книжечки" - оставались в доме Герна почти восемь лет. Тут сохранялись до лучших времен и важные для Тараса Григорьевича бумаги, и альбом акварельных рисунков, сделанных им в Аральской экспедиции.

Герн, его дом навсегда остались в сердце Шевченко.

Однажды с берегов Каспия сюда доставили рисунок песчаного смерча в пустыне Мангышлака. В другой раз из далекого форта Герн получил формы барельефов: Шевченко заинтересовался лепкой и выполнил две композиции.

Он оставался жить в этом доме и тогда, когда был от

него далеко-далеко...

Дома нет.

А стоял он тут.

И будет справедливо, если проходя по этой улице, мы с вами увидим мемориальную доску, а, остановившись, прочтем:

На этом месте находился

дом К. И. Герна, в котором в 1850 году

жил и творил Тарас ШЕВЧЕНКО

3. ГЕРН И ДРУГИЕ

Ну вот мы и знаем, где стоял дом штабс-капитана Герна, где Шевченко прожил три, а то и четыре месяца.

Все? Можно поставить точку? Облегченно вздохнуть?

Но нет находки, которая не таила бы в себе зерна новых поисков...

За многие часы, проведенные сначала на бывшей Ко-сушечной, а потом на бывшей Косой, мне не однажды приходилось рассказывать об оренбургской зиме поэта. Люди помогали искать - я не мог не отвечать на их вопросы.

Раз от разу вопросов становилось больше. И все чаще они ставили в тупик...

- Кем был Гern?

Перебираю известное: квартирмейстер 23-й пехотной дивизии... познакомились в первые дни пребывания Шевченко в Оренбурге... встретились в Карабутакe... в доме его...

Мало! Ведь это о нем Шевченко писал несколько лет спустя: "Поцелуй Карла за меня и скажи ему, что ежели он решится побывать на Сыре, то я пойду за ним на Куань и на Аму, в Тибет и всюду, куда только он пойдет..."¹⁸

Иными словами: хоть на край света.

За кем?

...Формулярный список оказался среди бумаг дела Оренбургского дворянского депутатского собрания "О дворянстве рода Герн", начатого в 1858-м и законченного в 1860 году¹⁹.

Я узнал:

...что был он, Гern, на два года моложе Шевченко; в пятьдесят восьмом ему исполнилось сорок два и, значит, первое их знакомство состоялось, когда Герну едва минуло тридцать...

...что происходил он из обедневших ("имений нет") дворян Витебской губернии; тринадцати лет от роду был записан ("вступил") в службу кондуктором, а в восемнадцать начал действительную...

...что в Оренбурге Гern служил с 1835 года: в возрасте девятнадцати лет он прибыл сюда подпоручиком инженерной команды...

Затем - курс наук в военной академии и снова - Оренбург, Отдельный корпус.

В 1844 году Гern отличился в составлении карт Оренбургского края, а несколько месяцев спустя участвовал в походе против "мятежного султана" Кенисары Касимова.

Следующая запись относится к весне 1847 года.

Той весне, когда Шевченко находился под арестом в каземате III Отделения, а затем, приговоренный к солдатчине, был отправлен и доставлен в Оренбург.

!!!

(Восклицательные знаки я поставил здесь не случайно: эта запись в формулярном списке Герна требует устранить неточность на страницах многих биографических работ).

Итак, читаем:

"1847 г., 15 мая Герн был командирован в Киргизскую степь и находился при командире Отдельного Оренбургского корпуса, выступившем 25 мая из крепости Орской для осмотра укреплений Оренбургского и Уральского и для возведения нового укрепления при урочище Раим на Сыр-Дарье. Во все время похода он исполнял обязанности офицера генерального штаба и все возлагаемые на него поручения; после заложения укрепления на урочище Раим, 15 июня отправился вместе с корпусным командиром на катере вниз по течению р. Сыр-Дарьи до устья для осмотра сей речки, 18 июня на шхуне "Николай" поплыл в Аральское море и на обратном пути следовал от Уральского укрепления через Мугоджар-ские горы...для осмотра местности. Возвратился в Оренбург 12 августа, сделав переход с отрядом в течение 56 дней до 2000 верст".

Для чего я выделил все даты? Только для того, чтобы предупредить последующих биографов от утверждений, будто знакомство Шевченко с Герном - знакомство важное- произошло в 1847 году, в первый день пребывания поэта в Оренбурге.

Неточность возникла из неосторожного мемуарного утверждения самого Герна, который привел обращенные к нему слова начальника штаба: "Вообразите себе, Карл Иванович, какого господина к нам сегодня прислали: ему запрещено и петь, и говорить, и еще что-то такое!.."

"Сегодня" в данном случае воспринимается как 9 июня 1847 года. Именно девятого фельдъегерь Виддер передал доставленного им рядового Тараса Шевченко в распоряжение оренбургских военных властей.

А Герн в это время был где-то на Сыр-Дарье!

Другие подтверждения? Пожалуйста. Датированный 11-м июня 1847 года рапорт управляющему военным министерством о том, что Шевченко "зачислен в Оренбургский линейный № 5 батальон, с учреждением за ним строжайшего надзора", подписан "за отсутствием командира Отдельного Оренбургского корпуса" (это - из самого документа) начальником 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом Толмачевым²¹. Ни 9, ни 11 (и добавлю- позднее, когда Шевченко был отправлен по этапу в Орск) как корпусного командира Обручева, так и сопровождавшего его Герна в Оренбурге не было.

Так что личное их знакомство состоялось гораздо позже. Оно произошло либо в Орской крепости, либо уже на р. Карабутах.

Герн, как записано в его формулярном списке, "1848 г., мая 2-го был командирован в Киргизскую степь для возведения форта между Орскою крепост* ю и Уральским укреплением на р. Карабутах. Поручение это исполнил с особенным усердием и точностью; возвратился в Оренбург 14-го июля того же года..."

В кибитке строителя Карабутацкого форта Карла Ивановича Герна (он со своим отрядом вышел из Орской крепости и прибыл сюда на десять дней раньше основного транспорта) состоялась "долгая, самая задушевная" беседа Шевченко с "единственным (по его же словам в "Близнецах" - Л. Б.) человеком во всем безлюдном Оренбургском крае".

Беседа, которая сблизила этих людей и заложила основу прочной их дружбы в оренбургскую зиму 1849- 1850 годов.

Этой дружбе оба они остались верны на долгие годы. Дослужившись впоследствии до чина генерал-майора, Карл Иванович бережно, как самое дорогое, хранил шевченковские реликвии и добрую о нем память.

Дружба... Она не измеряется количеством фамилий в списке близких людей. Но если составить список друзей Тараса Григорьевича, он наверняка вызовет и удивление, и гордость!

Среди оренбургских друзей Шезченко были люди разных сословий, званий, национальностей.

Свободолюбие - вот что являлось для них общим.

Не в разговорах о свободе - в борьбе за нее проявили себя поляки, которых в Оренбурге в то время собралось особенно много. (Вскользь я о них уже писал; буду писать еще - подробнее).

Боролись за свободу верные сыны России, также ока-завШиеся в этом городе отнюдь не по своей воле. Именно тут сблизился Шевченко с петрашевцами.

То были настоящие бойцы.

...Лазаревские бойцами не были. Их сослуживец Сергей Левицкий - также. Но и братья, и их товарищ по службе приложили много старания, чтобы поднять, особенно поначалу, дух ссыльного Шевченко. Собственный их дух в таком общении не окрепнуть тоже не мог.

Среди архивных материалов мне попала на глаза "Ведомость о молодых дворянах, состоящих на службе в... Оренбургской пограничной комиссии за вторую половину 1847 года"²². Одна деталь не могла не привлечь внимания. Сразу после приезда Шевченко в Оренбургский край мнение начальства и о Лазаревских и о Левицком начало меняться. В названной "Ведомости" поведение Федора Лазаревского сначала было отмечено как "самое лучшее". Но кто-то из обладавших властью с такой оценкой не согласился и ее заменила другая, более скромная: "хорошее". Вместо первоначального "очень хорошо" - просто "хорошо" оказалось против фамилии Левицкого. Крохотная деталь, а все же не бесполезная.

"Он первый не устыдился моей серой шинели, и первый встретил меня по возвращении моем из Киргизской степи, и спросил, есть ли у меня что пообедать. Да, подобный привет дорог..."

Братья Лазаревские (с портрета работы Т. Г. Шевченко]

Это - о Федоре, из письма Шевченко.

"Я жил в Оренбурге вместе с Шевченко и был самым близким ему человеком"

Это - заявление самого Ф. Лазаревского: преувеличенное, но немаловажное.

И хотя после оренбургского ареста поэта Федор Матвеевич был так испуган, что даже делал попытки от "предосудительной дружбы" отмежеваться, но и он, и брат его Михаил сделали для Шевченко так много хорошего, дарили ему свое участие с такой щедростью, что вспоминаем мы их с признательностью.

Впрочем, о Лазаревских еще придется говорить - и о добрых их сердцах, и о заблуждениях.

Сейчас надо переходить к другим.

...Моряки Бутакоз и Поспелов... Матвеев... Экельн... Глебов... Александрийский... Цейзик...

Дружба с Тарасом Шевченко для многих людей, с которыми он общался, стала лучшей проверкой их гражданской честности, гражданского мужества.

Об Алексее Ивановиче Бутакозе - члене Русского географического общества, выдающемся географе и мореходе, о Ксенофонте Егоровиче Поспелове - первом его помощнике, прапорщике Корпуса флотских штурманов, командире шхуны "Николай" написано уже немало. И о них самих, и об их дружеском участии в судьбе Шевченко. Непосредственные его начальники в Оренбурге, они сделали все, чтобы поэт меньше чувствовал тяжесть солдатской доли.

Самых щедрых похвал заслуживает видный оренбургский офицер Ефим Матвеевич Матвеев - сын простого уральского казака. Сколько души вложил он, чтобы облегчить условия существования искренне почитаемого им Тараса Шевченко...

Да, среди тех, с кем свела поэта жизнь в ту трудную зиму, доброжелателей оказалось больше, чем недругов.

... - Вас по-прежнему интересуют друзья Шевченко?- как-то спросила меня Евгения Сергеевна Шестако-ва, заведующая читальным залом Оренбургского архива.

- Очень!

- И они здесь? - указала она на кипу дел, что высилась на моем столе.

- На каждой странице...

Это было, конечно, шуткой. Но я не столь уж погрешил перед истиной...

Разве не имеют отношения к тому, что меня волнует, вот эти официальные бумаги?

"Дежурный штаб-офицер штаба Отдельного Оренбургского корпуса, свидетельствуя свое совершенное почтение... его высокоблагородию Павлу Николаевичу, имеет честь препроводить переписку о производстве подполковника Матвеева в полковники..."

"Правитель канцелярии г. Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, свидетельствуя свое совершенное почтение его высокоблагородию Льву Филипповичу, имеет честь уведомить..."

Как не заинтересоваться этими казенными посланиями²⁵, если и авторы писем, и упоминаемый ими Матвеев- люди, которые принимали в судьбе Шевченко самое живое участие? Нам вовсе не безразлично, кем являлись Павел Николаевич (Глебов) и Лев Филиппович (Экельн). Нам просто необходимо знать и имена-отчества, и служебное положение, и многое другое, относящееся к близким и далеким спутникам опального поэта. Без этого трудно разобраться в его переписке, в мемуарных источниках, в отдельных фактах биографии. Ведь еще буквально

несколько лет тому назад о том же Льве Филипповиче писали, что это "лицо неизвестное", что имя его "не посчастливило расшифровать", и - непонятными оставались некоторые строки шевченковских писем. А разве не интересно, что Павлу Николаевичу Гле-бову, тому самому правителю канцелярии, было всего двадцать пять, что к этому времени он закончил Императорское училище правоведения и уже отслужил в Петербурге и Киеве (местах тоже шевченковских)?²⁶ Все это важно...

О М. С. Александрийском как о человеке прогрессивных взглядов достаточно убедительно говорит его же письмо к Шевченко, отправленное 16 августа 1843 года из Орской крепости на Аральское море.

"Новостей много, очень много,- делился он своими мыслями,- но так как они отнюдь не Орские, а политические и вдобавок европейские, а не российские только, то излагать их со всеми подробностями я не берусь; скажу однако ж главную тему их: хочется лучшего!.. Это старая песня, современная и человеку и человечеству,- только поется на новый лад - с аккомпаниментом 24-х фунтового калибра!"²⁷

Речь шла о революции в Европе.

Ф. М. Лазаревский писал об Александрийском: "Несмотря на свои 40 л., это был лучший представитель молодого поколения сороковых годов"²⁸.

Теперь я знаю об этом человеке больше.

Лазаревскому он показался старше своих лет. В 1847 году, к которому относятся его воспоминания об Александрийском, тому было всего тридцать семь.

Не гладким, укатанным путем шел по жизни сын священника.

Отец прочил его на свое место. Но ученье в Вятской семинарии юноша оставил. Он предпочел Казанский университет. Потребовалось распоряжение свыше, чтобы неудавшийся семинарист был принят "на казенное содержание в отделение врачебных наук". В 1833-м пройдя полный университетский курс, Александрийский получил звание лекаря первого класса и назначение на службу в Оренбург. С первых лет врачебной практики он проявил себя вдумчивым, ищущим специалистом. Результатом наблюдений, сделанных во время степных походов, явилось его сочинение "О действии жаров на организм пехотинца".

До встречи с Шевченко Александрийский совершил и "поиск в Хиву", и "поход в отряде, бывшем при прекращении беспорядков, возникших между государственными крестьянами Челябинского уезда"...

Но ко времени их знакомства медицину он оставил-- перешел на службу в Пограничную комиссию. В Орской крепости находилась его резиденция "попечителя прили-нейных киргизов". Как писал, продолжая ранее приведенные строки, тот же Лазаревский: "...наш Кобзарь был принят у него в доме не как солдат, а как самый близкий знакомый, наравне с другими гостями". Впоследствии, в Оренбурге, они могли встречаться и у Лазаревских, и у Гернов, и, наконец, у самого Александрийского, который имел здесь собственный дом.

Такие подробности я почерпнул из личного дела Михаила Семеновича Александрийского, которое хранится в фонде Войсковой врачебной управы Оренбургского казачьего войска

...Находки различны. Открытий нет, да я на них, честно говоря, и не рассчитываю. Но когда дело касается такого человека, как Шевченко, важна каждая, даже малейшая деталь.

Дело канцелярии Оренбургского генерал-губернатора "Об отправлении в Варшавский музей тигровой чу-челы"³⁰ привлекло мое внимание только своим необычным названием. И, признаюсь, выписал я его из хранилища лишь любопытства ради. Но простое любопытство вскоре уступило место живейшей заинтересованности. Уступило, как только на глаза попалась знакомая фамилия: Цейзик.

Эту фамилию нам часто приходится встречать в шевченковских письмах из Новопетровского. Почти в каждом из них упоминается о "милом и добром" Михаиле Цейзике. По всему судя, он относился к числу самых близких друзей Тараса Григорьевича.

А известно об этом человеке совсем мало: аптекарь, фотограф-любитель - и все.

Но что общего между делом "о тигровой чучеле" и другом Шевченко?

Ответ дает уже первый лист, подшитый в старой архивной папке. Это - докладная записка самого Михаила Цейзика, "содержателя вольной аптеки", генерал-губернатору Безаку. Написанная в 1860 году, записка ставит вопрос о том, чтобы чучело одного из убитых "в оренбургской киргизской степи" тигров было "для пользы науки" переправлено в Варшаву. Автор обращения, объясняя свое участие в этом деле, сообщает об осмотре "Варшавского музея" в 1857 году "с директором оного г. Яроцком (бывшим моим профессором)", который проявил живой интерес к породам степных зверей и уполномочил Цейзика некоторые из них приобрести и переслать. Ходатайство получило поддержку. При участии Цейзика лучшее из чучел вскоре было отправлено.

Конечно, это самый рядовой факт русско-польских научных контактов, существующих с давних времен. Однако к тому, что мне было известно об оренбургском аптекаре ранее, из собранной в деле переписки прибавились новые черточки. Образование получил в Варшаве... Имел широкий круг научных интересов... Не чуждался краеведения... Наконец, пользовался правом выезжать на родину... Как не возникнуть мысли о том, не через него ли поддерживали ссыльные поляки - друзья Шевченко и друзья Цейзика - связь с землей польской, с оставленными там товарищами...

Тут мне хочется сказать свое слово по поводу загадки, давно уже волнующей исследователи.

В комментариях к одному из писем Тараса Шевченко, где он, как и в предыдущих, шлет искренние, горячие приветия "Михаилу", автор примечаний Л. Ф. Кадацкая заявляет: "Кто такой Михаила - до настоящего времени существуют различные соображения. Одни исследователи считают, что это польский ссыльный Белицкий, другие называют Белинского, также как-будто польского ссыльного, фотографа-любителя, еще другие - Ходоровича и, наконец, Цейзика, сосланного поляка, аптекаря в Оренбурге. Однако из письма Бр. Залеского к Шевченко от 8 июня 1856 г. выплывает еще одна загадочная фигура - Михаил Игнатъев, о котором в письме упоминается как о фотографе-любителе. На его имя Залеский просил Шевченко адресовать свои письма: "Пиши ко мне на имя Михаила: Михаилу Игнатъеву" (см. "Письма к Т. Г. Шевченко", стр. 86). Таким образом, вопрос о том, кто такой Михаил, требует еще дополнительного изучения. Вполне возможно, что в разных письмах Шевченко к Залескому и Залеского к Шевченко упоминаются разные личности с одним общим именем Михаила".

Дополнительное изучение, новые поиски и впрямь необходимы- хотя бы для того, чтобы полнее представить себе Цейзика. Однако читая, перечитывая письма Шевченко и к Шевченко, я все более убеждаюсь, во-первых, в единстве "Михаила", а, во-вторых, в том, что носил он фамилию Цейзик.

Подтверждений хватит на отдельную главу или статью. Да хоть такое... В ноябрьском (1856 года) письме к Залескому Шевченко вновь упоминает Михаила. "Пиши Михаилу и его сначала поцелуй, а потом попеняй за непростительную лень, если это лень только..."

Ни в мартовском, ни в майском, ни в августовском и сентябрьском своих письмах Залеский о Михаиле не говорит ни слова. Но вот в письме от 5 ноября 1857 года мы читаем: "Михаила был в этом году в Варшаве с женою и посетил даже меня в Рачкевичах. Он недавно возвратился в Оренбург и верно потому ты не получил от нею ответа" 33. Фамилии нет и здесь. Ну и что же? У нас ведь есть уже дело "о тигровой чучеле", а в нем совершенно ясно сказано, что именно в 1857 году и именно Цейзик ездил в Варшаву. Вот когда это дело пригodiлось по-настоящему!

Оленька - дочь аптекаря Цейзика (с рисунка Б. Залеского)

- Погодите,- слышу я голоса памятливого читателя и придирчивого шевченковеда,- а что скажете о Михаиле Игнатъеве?

Скажу одно - Игнатъева не было, не существовало. Был тот же Цейзик, "Михаил Игнатъев" - он, и только он,

"Пиши ко мне на имя Михаила: Михаилу Игнатъев у..."

Шевченко ранее не переписывался с Цейзиком; отчества его он мог не знать или не запомнить; Залеский, человек предусмотрительный, старается оградить друга от неловкости. И вот - это: "Михаил Игнатъев".

- Значит, отчество? А чем докажете?

Докажу документом. На сей раз - несколько строк в метрической книге Оренбургской римско-католической церкви: запись о том, что 9 июня 1854 года у дворянина Михаила Игнатъева Цейзика и его супруги Юлии Викентьевны скончался

пятимесячный сын Игнатий-Иван.

"Загадочной фигуры" - Михаила Игнатьева - нет...

...Друзья Тараса, русские, поляки, украинцы, я думаю о вас с глубоким уважением.

4. РИСУНОК С НАТУРЫ

Этот рисунок шел к нам чуть ли не целое столетие.

Созданный в один из дней конца 1849 - начала 1850 года, он впервые увидел свет в 1911-м, в Кракове, и только десятки лет спустя, уже после второй мировой войны, возвратился на свою родину.

Т. Г. Шевченко среди ссыльных поляков (с рисунка А. Ф. Чернышева)

Ничего не скажешь - путь оказался не близким.

Если же говорить о "прочтении" рисунка, то его не закончили до сих пор³⁵.

Но давно уже приобрел он силу документа. Любой труд о жизни Тараса Шевченко в ссылке без этой зарисовки кажется отнюдь не полным.

1.

Их - одиннадцать: Бронислав Залеский, Юлиан Ковальский, Александр Чернышев, Томаш Вернер, Евста-фий Середницкий, Людвиг Турно, Александр Попель, Станислав Доморацкий, Людвиг Липский, Тарас Шевченко, Балтазар Колесинский.

Впрочем, нет - их двенадцать.

Двенадцатый - художник Алексей Чернышев.

Мы художника не видим. Но во всем здесь ощущаешь его пристальный взгляд, его безошибочное понимание характера и сути разговора, я бы даже сказал - живое в нем участие...

...Прежде всего: где происходит встреча? Где эти люди собрались?

"Официальное" место исключается. Кроме казачьего офицера Александра Чернышева, родственника и друга художника, все на рисунке - ссыльные.

Дом Герна? В таком случае на рисунке был бы сам Герн - близкий ко многим полякам и, тем более, к Шевченко.

Дом Киршей? Однако оказался бы нарисованным Кирш.

Дом Кутиных? Благонамеренный домовладелец не потерпел бы подобного схода, а Лазаревский к полякам относился неприязненно.

Дом Чернышевых?

Это вернее всего.

Алексей Чернышев ввел Шевченко в свой дом вскоре после первого появления его в Оренбурге. Ввел на правах давнего знакомого по Академии художеств.

Семья была большой, отличалась простотой нравов и гостеприимством. Много в судьбе Алексея, его братьев Константина, Владимира и Матвея напоминало Тарасу Григорьевичу судьбу собственную.

(В Оренбургском архиве мое внимание привлекло дело "Об исключении из батальона военных кантонистов сына унтер-цейхвартера Чернышева Алексея для поступления в Академию художеств"³⁶. Потребовались весьма веские доказательства непригодности его к службе "по слабости здоровья", чтобы военное министерство разрешило отчисление талантливого юноши из кантонистской службы и ему предоставилась возможность получения художественного образования. Братья же, тоже способные живописцы, в полной мере вкусили "прелести" жизни кантонистов; их таланты не только не получили развития, а и зачахли вовсе).

Шевченко здесь были рады всегда. Он приходил сюда как в родной дом. Особенно - когда приезжал Алексей Филиппович.

После 1847-го он появился в Оренбурге в 1849-м.

К тому времени в его положении произошла существенная перемена. Еще не закончив академического курса, двадцатипятилетний Чернышев был приглашен ко двору - обучать рисованию детей самого императора.

Но в родной город он приехал прежним. Неизменными остались и его симпатии. Больше и чаще всего художника видели в кругу ссыльных.

Тарас Григорьевич, его друзья приходили к Чернышеву домой совершенно запросто. И допоздна не прекращалась беседа - то жаркая, с острыми столкновениями мнений и взглядов, то неторопливая, раздумчивая, как на рисунке. В эту беседу включались и "вольные" - запечатленный здесь казачий офицер Александр Чернышев и оставшийся за тесными рамками группового портрета художник Чернышев Алексей, последователь Федотова и Венецианова, по словам Стасова - "истинный и симпатичный талант".

Да, скорее всего, рисунок сделан именно в доме Чернышевых.

...Однако пройдемся "по лицам".

От первого и дальше...

Бронислав Залеский закурил и присел на стул. Но по всему видно - разговор его интересуется. Гаснет сигарета в мундштуке, разгорается огонек в глазах...

Он моложе многих - ему нет еще и тридцати. А за плечами уже, по меньшей мере, двенадцать лет участия в революционном движении.

За "прикосновенность к делу о тайном обществе" студента Дерптского университета Залеского еще в 1838-м выслали в Черниговскую губернию. Несколько лет спустя он был прощен и "освобожден из-под надзора с возвращением на родину". Но напрасными оказались надежды властей на то, что юноша образумился. Нет! Едва осмотревшись, он вновь бросился в водоворот событий - включился в подготовку Познаньского восстания. Это привело его в тюрьму, а затем - в солдаты.

В Оренбург Залеского доставили в один из последних мартовских дней 1848 года. Вскоре он стал видной фигурой в местном кружке политических ссыльных, среди которых уже тогда было много поляков.

Залеский оказался среди тех, кто всячески старался не дать товарищам погрязнуть в мелком озерце мещанских интересов, поддерживал в них воинственный, боевой запал.

Не приходится удивляться, почему впоследствии так быстро сблизились сын Украины Шевченко и польский патриот Залеский: их соединило деятельное свободолобие.

Сближение - как, впрочем, и знакомство - произошло сразу после возвращения экспедиции А. И. Бутакова с Аральского моря. "Узнав, что во 2-м батальоне есть умеющий рисовать рядовой Бронислав Залеский, 1-писал командиру корпуса Бутаков,- имею честь всепокорнейше просить прикомандировать его на время ко мне, в помощь рядовому Шевченке, для отделки гидрографических видов берегов Аральского моря..."³⁷ Просьба была встречена благосклонно. С этого времени началась совместная работа, а там и дружба Шевченко с Залеским. Дружба верная, крепкая, настоящая...

...Юлиан Ковальский, на рисунке второй, на какое-то мгновение от разговора отвлекся. Может, насторожился... Ведь именно после одной из подобных встреч - там, у себя на родине - и предстал он перед судом. "За участие в сборищах, имеющих целью собрать шайку и вступить вооруженными в Галицию для поддержания восстания против правительства",- гласил приговор, по которому его сослали в солдаты. Правда - "без лишения дворянского достоинства". Теперь он, как и Залеский, являлся рядовым во втором линейном батальоне.

...Задумался Александр Чернышев - единственный на весь этот кружок "свободный человек". Или принял позу, глядя, как рисует его двоюродный брат?.. Он тоже был художником - и притом не без способностей. Алексей в свое время перенял от него немало. (Говорили, что когда в 1833 году Оренбург посетил Пушкин, Чернышев-старший не только видел его, но и рисовал - сделал портрет великого поэта). Но художественного образования ему получить не удалось. Он продолжал служить в казачьем войске, рисованием занимался как любитель и по-хорошему завидовал Алексею Филипповичу, который в то время с увлечением собирал материалы для двух больших картин.

...В центре - пятеро. В чем-то живо убеждает товарищей Попель; внимательно слушают его Вернер, Серед-ницкий, Турно и Доморацкий.

Обращенный к Попелю острый взгляд Залеского, внимание, с которым слушают его другие, уже сами по себе служат характеристикой этого человека.

Нам известно о нем немного. Знаем, что среди ссыльных поляков он был ветераном: в Оренбург его сослали по делу польского революционера Шимона Конарского, и произошло это еще в 1839-м. В глазах тех, кто, как Залеский или Шевченко, приехал сюда в сорок седьмом или сорок восьмом, уже сам факт десятилетнего пребывания здесь являлся подвигом. И к голосу, к доводам Попеля они не могли не прислушиваться...

В отличие от жестикулирующего Попеля Вернер со скрещенными на груди руками может служить олицетворением спокойствия.

Томаша Вернера Шевченко звал на украинский лад - Фомой. Их - геолога и художника - свела и подружила долгая, тяжелая походная жизнь на Аральском море. Можно согласиться с теми, кто высказал предположение, будто Вернер был одним из первых поляков, с которыми Тарас Григорьевич близко познакомился в оренбургской ссылке. Как и во время экспедиции, тут, в Оренбурге, они продолжали дружить. И не исключено, что Томашу Шевченко был обязан большой, искренней радостью знакомства с целой группой революционно настроенных поляков...

Середницкий чем-то похож на Шевченко. Вероятно, такими же "казацкими" усами... Евстафий был его земляком - родился на Киевщине. Но в то же время он чувствовал себя и земляком Попеля: оба поляки, оба проходили по одному делу. Небезынтересно - и немаловажно - заметить, что Середницкий, прожив в Оренбурге лет восемнадцать (до 1856 года), так и не снискал доверия властей. В разрешении на его выезд указывалось: "с учреждением надзора по новому месту жительства",...

Имя Людвиг Турно (мы продолжаем знакомство с теми, кто изображен Чернышевым) множество раз упоминается в шевченковских письмах.

Сын участника восстания 1830-1831 годов, он как бы принял от своего отца эстафету борьбы за свободу, равенство, братство. Но активная его деятельность была недолгой. В том же году, что и у Шевченко, ее прервали жандармы. За "намерение присоединиться к краковским мятежникам" Турно отдали в солдаты. И не просто в солдаты, а Отдельного Оренбургского корпуса, служба в котором являлась особенно тягостной.

Глядя на рисунок, невольно думаешь: Людвиг Турно известен пока Шевченко не более чем большинство других. Но мы знаем: впереди много дней и ночей, которые они проведут вместе в горах Кара-Тау, в экспедиции по розыску месторождений каменного угля, и потом, в Новопетровском укреплении, Тарас Григорьевич будет с неизменной нежностью вспоминать об этом человеке.

Я иду дальше...

Дальше - Доморацкий. Его обрекли на солдатчину с иной формулировкой: за связь с прибывшим из-за границы эмиссаром польских повстанцев Мыслиборским. Но разве в формальном поводе суть? Суть в том же действенном стремлении к свободе, которое объединяло разных по прежним занятиям, по возрастам и характерам людей.

Еще два поляка, оживленно разговаривающие меж собой, - Людвиг Липский и Балтазар Колесинский.

Липский попал сюда из Варшавы. В 1844 году его, судейского чиновника, отдали в солдаты за "ведение разговоров против правительства, чтение запрещенных книг, получаемых из-за границы, и раздачу таковых другим для чтения и распространения демократических правил".

"Балтазар Балтазаров сын Колесинский" родился в 1818 году в дворянской семье Виленской губернии. Был он небогат: родовое имение насчитывало двадцать пять крестьянских душ. Учился в Виленском благородном пансионе. По окончании юношу определили писцом в комиссию по ревизии действий Гродненского дворянского депутатского собрания. С работой своей Балтазар справился и пошел "в гору". За назначением в Гродненскую казенную палату "на вакансию журналиста" последовал перевод на должность помощника контролера, а затем - контролера. Двадцати трех лет от роду Колесинский был произведен в коллежские регистраторы и переведен в Лидскую дворянскую опеку - сначала секретарем, а позднее, по выборам дворянства, "питейным депутатом". В 1846 году он стал губернским секретарем.

Но вот -1848 год, февраль. И в послужном списке появляется нечто совершенно иное;

"По конфирмации г. главнокомандующего действующею армиею, высочайше утвержденною 12 февраля 1848 года, оказался виновным в сообществе с лекарем Рениером и слушании злонамеренных наставлений против правительства, в покупке у него и чтении запрещенных сочинений, в знакомстве с приезжавшими из-за границы эмиссарами, в принятии одного из них у себя на квартире, изъявлении желаня способствовать мятежу, если бы он вспыхнул в западных губерниях,- лишен чинов и дворянского достоинства".

В этой записи сказано не все. Лишения "чинов и достоинства" властям показалось мало. Колесинский был "определен на службу в Отдельный Оренбургский корпус батальон № 5 рядовым",..

Биографы утверждают, что знакомство Шевченко с Колесинским произошло в Орской крепости. Брать это предположение под сомнение оснований нет. Но ясно их орское знакомство, если тогда и состоялось, было весьма кратковременным. Оно могло произойти лишь в самые последние недели перед отправкой Шевченко в составе экспедиции на Аральское море. Только в середине февраля начался путь Балтазара на восток. В условиях зимы он потребовал не менее месяца. Так что тесная связь двух изгнанников - украинского и польского - относится уже к оренбургскому периоду их жизни. Шевченко прибыл в Оренбург в ноябре 1849 года. Колесинского перевели сюда раньше - в апреле. В одном городе они находились всю зиму.

Шевченко на рисунке - между Липским и Колесинским. Он поглощен своими мыслями, он весь в раздумье. Чуть склоненная голова, едва притушенный взгляд... Думается, что Тарас Григорьевич лишь ненадолго отвлекся от разговора с друзьями - и отвлекла его она, "святая муза", с которой истинный поэт не расстанется несмотря ни на что. Какие строки рождались в его голове в эти мгновения? О чем?

И снова, снова хочется перечитать все им написанное. Все, под чем в "Кобзаре" стоит пометка: "Оренбург, 1850".

Не одна бесценная строка возникла во время таких встреч...

Сам художник, Тарас Григорьевич, без сомнения, не мог не заинтересоваться тем, что же вышло из-под карандаша его друга Чернышева. Но ни в Орскую крепость, ни в Новопетровское укрепление рисунка он взять не мог.

Только несколько лет спустя стал Шевченко обладателем дорогого для него рисунка.

Откуда такой вывод?

Прочтите письмо, отправленное им Брониславу Зале-скому с берегов Каспийского моря:

"Добрый мой друже! Получил я с твоим последним письмом сердцу милые портреты. Бесконечно благодарю тебя; я теперь как бы еще между вами - и слушаю тихие задумчивые ваши речи..."

Между вами... Ваши речи...

Кто станет возражать, что такие слова, такие мысли могут родиться именно при виде группового портрета?

Да и вероятно ли, чтобы Залеский мог собрать и переслать одновременно фотографии или зарисовки каждого из весьма значительного числа их общих с Шевченко оренбургских друзей?

Наконец, дополнительная деталь.

"Если бы мне еще портрет Карла,- читаем в том же письме далее,- и тогда бы я имел все, что для меня дорого в Оренбурге..."¹⁰ Карла Ивановича Герна на рисунке Алексея Чернышева нет.

Все это и приводит к выводу, что в самые тяжкие для Тараса Григорьевича годы рисунок русского художника согревал его душу светлыми, дорогими воспоминаниями.

Не приходится сомневаться: во взглядах Шевченко и его польских друзей были расхождения, притом существенные. Конфирмованные дворяне далеко не во всем могли согласиться с революционером из крепостных, как и он не всегда принимал горячие, но часто лишённые реальной почвы, доводы свободолюбивых поляков.

Однако на многих фактах можно убедиться, что не было у них непреодолимых разногласий, когда речь шла об освобождении крестьян и наделении их землей, об отмене телесных наказаний, об укреплении единства славянских народов.

Напрасно националисты пыжились доказать, что тесная связь гения Украины с сынами Польши была рождена какими-то "польскими происками". Не "происки", а бескорыстная дружба породила их отношения.

И до последних дней своей жизни принимал Шевченко близко к сердцу судьбы тех, с кем его соединила оренбургская зима, до роковой години в шестьдесят первом рос круг его польских друзей.

Главенствующее положение в этом кругу занял со временем Зыгмунт Сераковский - человек, всего себя посвятивший борьбе против крепостничества и самодержавия, высоко ценимый Мадзини и Гарибальди, Герценом и Чернышевским. ...Их - одиннадцать.

Двенадцатый - Алексей Чернышев, оставивший нам бесценный по своей достоверности и выразительности рисунок-документ, рисунок-памятник.

Всматриваясь в него, снова и снова думаешь о том, что сто с лишним лет тому назад Шевченко и его польские друзья закладывали основы крепчайших уз, соединивших сегодня русский, польский, украинский и другие братские народы в единую, дружную семью...

5. ЖИВЫМИ ГЛАЗАМИ

В небольшом коллективе обувной фабрики друг друга знают хорошо. Вероятно поэтому мое появление не осталось незамеченным. А так как я угодил в обеденный перерыв, то сразу же оказался в окружении большой группы рабочих и работниц.

- Вы к кому?

Первым побуждением моим было сказать, что к директору.

К директору я за минуту до этого и держал путь.

Но почему, подумалось вдруг, директор должен быть осведомлен в интересующем меня вопросе больше, чем каждый из этих людей и, тем более, все они вместе?

- Здесь был костел,- проговорил я.

Выражение любопытства сменилось на лицах обувщиков другим - недоумения, удивления.

Честное слово, многие из окружающих даже не представляли, что означает произнесенное мною слово!

- Гм, вспомнили...- усмехаясь, сказал пожилой вахтер, который провожал меня от проходной.- Да костела уж лет тридцать в помине нету. Из-за отсутствия... Отсутствия желающих молиться,...

- А вы что, помолиться пришли? - с нарочитой серьезностью спросила меня краснощекая девушка, завязтая, наверное, хохотунья.

- Нет,- разуверил я,- костел интересуется меня совсем по другой причине. Дело в том, что здесь правил службу ксендз Зелёнка...

- Ну и что?

- А на том месте, где стоим мы с вами, он, возможно, беседовал со своим другом. С Тарасом Григорьевичем Шевченко...

И сразу наступила тишина.

Нет, у-Тараса Шевченко ксендзы симпатий не вызывали.

Несытые ксендзы, магнаты Нас разлучили, развели...

Самыми нелестными эпитетами наделены в его революционной поэзии те, кто сеял рознь между братскими народами.

Но чуть ли не в каждом письме из Новопетровского укрепления мы находим сердечные, трогательные приветы и поцелуи "отцу префекту".

Написано это той же рукой. И тоже о ксендзе.

...Они познакомились в Оренбурге.

Шевченко был здесь новичком, Зелёнка - старожилом.

Подобно тому, как 9 июня 1847 года "фельдъегерь неудобозабываемого Тормоза" доставил сюда Тараса Григорьевича, так за четырнадцать лет до этого был привезен в далекий, захолустный город на берегу Урала Михаил Фадеевич (в монашестве Кандид) Зелёнка.

Его выслали из родных мест после разгрома польского революционного восстания 1830-1831 годов за то, что он, являясь священнослужителем, вступился за своих учеников, которые оказались под следствием по делам политическим.

Человек высоких моральных устоев, друг честных людей, патриот, Зелёнка был горд разделить участь лучших сыновей Польши.

...В оренбургском архиве (на фабрику я пришел прямо оттуда) мне удалось познакомиться с делом "О присылке на жительство в Оренбург префекта бывшей Гродненской гимназии ксендза Зелёнки и об определении его католическим священником в Оренбургский корпус".⁴¹ Между начальной и конечной датами на архивной папке - двадцать семь лет. Более четверти века, прожитого в степном краю...

Родился он далеко отсюда. Происходя из небогатых виленских дворян, Михаил Зелёнка, первоначальное образование получил в уездном училище, а затем, одновременно, прошел и высший семинарский, и университетский курсы. То было уже в годы монастырской его жизни.

Однако монашеское облачение не отдалило Зелёнку от людей, от народа.

Это особенно проявилось после назначения его преподавателем в уездное училище, а тем более с переводом в гимназию.

В ту самую Гродненскую гимназию, которая в бытность Зелёнки префектом, инспектором, превратилась в один из крупных очагов свободолюбивых дел, мыслей,

идей. Ту, где бурлила жизнь, где молодежь спорила о будущем и готова была пойти ради него на плаху. Ту... Хотя все ясно и без дополнительных пояснений. Достаточно вспомнить несколько слов на самом архивном деле: "бывшей Гродненской гимназии". Тогда же, когда действовавшая гимназия стала бывшей, закончилась и деятельность в Гродно иеромонаха Зелёнки. Его повелели "удалить в одну из отдаленных губерний империи под строгий надзор".

И скоро начался для него длинный, трудный путь на восток.

...Вот что предшествовало появлению этого человека в Оренбурге. Такова была предыстория. Я рассказал ее сразу, как бы опережая вопросы, которые могли задать люди во дворе обувной фабрики.

Часть бывшего костела "вошла в производственный комплекс".

Так выразился тот же вахтер. И в том, что утверждение его было правильным, убеждало описание костела, найденное мною в одной из исторических заметок "Оренбургского листка".

"Здание костела - каменное, четырехугольное, продолговатое и довольно высокое, с железной крышей в два ската,- давала зарисовку газета.42 - Алтарная часть здания полукруглая, с такою же крышею. Окна узкие и высокие. Верх здания, снаружи, украшен только колокольнею, построенной над передней частью онаго, Низкою и четырехугольною с полуплоской трехскатной крышей. Крестов на здании два, из коих один - над алтарем, а другой - над колокольнею".

Крестов, само собой разумеется, теперь не было. Не оказалось украшения - колокольни. Не соответствовал описанию фасад: большими и отнюдь не узкими окнами смотрит на улицу фабричный корпус. Язык не поворачивается назвать его пристройкой. Куда вернее сказать, что к этому новому зданию пристроилось старое. Вот оно - "четырёхугольное" и "продолговатое", вот где была алтарная часть - "полукруглая с такою же крышею".

Эти стены видел Шевченко, стоя на крыльце дома Кутиных, что был (и поныне стоит) как раз напротив. В эти окна он поглядывал, стараясь увидеть знакомую фигуру ксенда-друга.

...Скоро хватились в столице: Оренбург полон ссыльных поляков и туда же отправлен еще один, притом опасный. Какая оплошность! Какой риск!

Но Зелёнка добрался до нового своего места жительства уже поздней осенью, к тому же больным. И, опасаясь нежелательной реакции, губернатор Перовский не решился воспользоваться данным ему дозволением переслать неблагонадежного ксендза в какую-либо другую губернию. Он был взят под строгий полицейский надзор, однако в Оренбурге оставлен.

А два года спустя, когда Зелёнке предоставили возможность переехать поближе к родным краям, он "не изъявил согласия", иначе говоря - отказался.

Человек еле сводил концы с концами, долгое время был официально не у дел, но чувствовал свою необходимость людям, оторванным от отчизны, и не мог с ними расстаться,

Только через несколько лет, в 1839-м, последовало "монаршее соизволение" на утверждение Зелёнки ксендзом Оренбургского корпуса. К тому времени он давно уже был для многих польских изгнанников признанным "духовным отцом". Губернаторы - сначала Перовский, затем Обручев - в официальных донесениях свидетельствовали, что Зелёнка "приобрел доверенность и расположение поляков, пользуется там общим хорошим мнением".

Тем не менее, характеризуя его как "кроткого", "надежного" и "ни в чем неблагонамеренном не замеченного", начальники губернии смотрели на Зелёнку с опаской.

В специальном выпуске трудов Оренбургской ученой архивной комиссии - книге о жизни Зелёнки в Оренбурге* - ее автор Н. Модестов сделал, кажется, все для того, чтобы сгладить острые углы взаимоотношений и создать видимость теснейшего союза между местным начальством и опальным ксендзом. Но и он не смог не привести один "случай", правда, с самого начала придав ему оттенок курьезности:

"Однажды оренбургскому губернатору В. А. Обручеву донесли, что в местном костеле по вечерам виден огонь и что там собираются на тайные сходки ссыльные поляки. Получив это донесение, В. А. Обручев в сопровождении плац-майора Халецкого и полицмейстера полковника Демостико нагрянул внезапно вечером к костелу и, заметив там свет, тотчас потребовал ксенда Зелёнку и приказал ему отворить костел. Когда вошли во внутренность его, то в нем никого не оказалось, и В. А. Обручеву пришлось извиниться перед ксендзом Зелёнкой за излишнюю поспешность: не трудно было убедиться в том, что свет в костеле происходил от лучей заходящего солнца, ударявшего прямо в разноцветные стекла окон алтаря".

Конечно, в том, как эта история закончилась, элементы курьеза усмотреть не трудно. Но приведенный здесь эпизод к разряду анекдотичных, как пытался сделать Модестов, не отнесешь. В выделенных мною "нагрянул", "потребовал", "приказал", в самом факте личного участия генерал-губернатора в такой "операции", в том, что она имела место вообще, проявилось истинное отношение к Зелёнке. Отношение, в котором сплелись желание воспользоваться влиянием духовного наставника поляков и жгучая боязнь этого влияния.

Сходки поляков, которые так хотелось накрыть Обручеву с его приспешниками, привлекали, как вы уже знаете, внимание и Тараса Шевченко.

К этому кругу был близок и ксендз Зелёнка...

...Всякий раз, когда я веду свой поиск, в памяти моей возникают рабочие и работницы, окружившие меня тогда во дворе обувной фабрики, их живые глаза.

Хозяева новой жизни хотят знать прошлое.

6. "НАДОБНО ЗНАТЬ..."

Я иду дальше. Но вдруг...

...- Не верю. И все-таки -не верю!

- Не верите? Чему?

Моя соседка по тихому обычно читальному залу архива удивленно подняла голову.

- Тому не верю (я встал и подошел к ее столику), что Шевченко легко сблизился с тайными советниками и губернаторами, что он был принят... вот, послушайте... "как свой человек в высших сферах оренбургского населения".

- Тарас Шевченко? А кто пишет?

- Его почитатель и близкий знакомый Федор Лазаревский...

Девушка, с которой я так неожиданно поделился своими сомнениями, была удивлена. Но... ее занимала совсем другая проблема, кажется из древней истории, и она тут же вернулась к лежавшему перед ней фолианту.

А я продолжал думать над своим...

Воспоминания Ф. М. Лазаревского, впервые опубликованные почти семьдесят лет тому назад, на протяжении десятилетий служат едва ли не главным источником наших представлений об оренбургском периоде жизни Шевченко. Их перечитывают, перепечатают, цитируют. От них идут в поисках. На стороне Лазаревского - авторитет свидетеля и участника событий. О многом мы знаем только благодаря ему.

Однако в последние годы шевченковеды все чаще стали приходить к выводу: обращаться с этим мемуарным источником, при всей его бесспорной ценности, надо осторожно. Политические взгляды, интересы, убеждения Шевченко и Лазаревского были слишком уж разными. Чуждой мемуаристу, противной ему оказалась, например, дружба украинского поэта с сосланными в Оренбург поляками. А нужно ли теперь доказывать, что, не поняв их дружбы, нам не почувствовать, не понять и атмосферы, в которой находился Кобзарь?

В этот вопрос определенная ясность уже внесена. Отношения же Шевченко с высшими сферами губернского общества иной, чем у Лазаревского, трактовки не получили поныне.

А все-таки, чем подкрепить свое "не верю"?

Искать подтверждения сомнений в других воспоминаниях? Известные ничего об этом не говорят. Новые? За сто лет после смерти Шевченко выявлено и учтено, кажется, все. Находки, конечно, возможны, но...

А что, если, выражаясь языком военной науки, применить "обходный маневр"? По возможности глубже познакомиться с теми, о ком пишет Лазаревский? Может быть, именно здесь отыщется разгадка того, как Шевченко пришел в дом к генерал-губернатору Обручеву, отчего так непринужденно чувствовал себя в обществе тайного советника и барона Майделя...

...Обручева Шевченко не жаловал. Отзывы о нем в дневнике и письмах поэта самые нелестные. Немало неприятностей доставил Тарасу Григорьевичу "корпусной ефрейтор".

И тем не менее он бывал в губернаторском доме, писал портрет супруги главного начальника края.

Супруга Обручева... Что известно о ней?

Погрузившись в комплекты "Оренбургских губернских ведомостей", я не раз встречал сообщения о "благотворительной" деятельности высокопоставленной светской дамы Матильды Петровны. В уже цитированной статье из газеты 1889 года, в которой рассматривалась история католического костела в Оренбурге, проскользнуло упоминание о дружеских отношениях бывшей губернаторши, лютеранки по вероисповеданию, с польским священником Зелёнкой.

О, это важная деталь! Зелёнка, ссыльный поляк, пользовался уважением Тараса Шевченко, ссыльного украинца, и сам был ему добрым приятелем. Впрочем, о нем я уже рассказал. А здесь... здесь надо использовать внезапно найденную нить. Ведь она может привести к тому, что ищешь...

Когда старые газетные комплекты были водворены на полки, мне захотелось снова заглянуть в уже знакомый выпуск трудов Оренбургской ученой архивной комиссии - сочинение с длинным названием: "Бывший префект Гродненской гимназии, иеромонах Доминиканского ордена Кандид Зелёнка в Оренбурге".

Страница за страницей, и вот... "Особенно большую благотворительную деятельность проявил Зелёнка, хотя и под чужим флагом, во время управления краем

Влад. Аф. Обручева... Всем известно... что жены главных начальников в провинции чрезвычайно любят брать на себя, хотя бы не имели ни малейшего понятия о деле, роль попечительниц бедных того края, которым управляет муж; так было и здесь. Но супруга генерала Обручева слишком высоко была поставлена для того, чтобы лазить по грязным лачужкам и удостоверяться в бедности просителя, ее нервы не выносили вида разных страданий, которым преимущественно подвергается бедное человечество; наконец, она сама не могла производить лично всех выдач и собирать деньги, не знала, как вести счет и проч., а потому на первых же порах ей понадобился человек, который сумел бы все это сделать и вместе с тем вселить в бедных городских жителей убеждение, что ангелом-хранителем их служит исключительно супруга Главного начальника. Для подобных условий подходящим лицом в Оренбурге только и мог быть один Зелёнка, пользовавшийся уже и прежде... репутацией общего благодетеля, и потому выбор генеральши, конечно, остановился на нем; она и взяла его в секретари по делам бедных..."

Зелёнка - Обручева,.. Зелёнка - Шевченко... Не отсюда ли - приглашение в губернаторский дом? Не тут ли корни знакомства?

Солдафон Обручев не мог быть доволен тем, что в его доме нарушалась "высочайшая воля": "бывший художник" брал в руки кисть. Но он рисовал супругу губернатора; ей, "покровительнице обездоленных", это льстило; и генералу оставалось только терпеть. Хотя... терпение не было слишком долгим. При первой же возможности, первом поводе Шевченко оказался лишенным даже той куцей, прозрачной свободы, которой пользовался, а вскоре попал в каземат Орской крепости. Обручев, как мне представляется, отправил его туда без всяких угрызений совести, с каким-то облегчением...

Вот и вся эта "дружба".

...Ну, а Майдель? - слышу я голос-вопрос, голос-напоминание.

Помню, помню...

"Важный туз" - называет доктора Майделя Лазаревский. "Надобно знать,- пишет он,- что тайный советник барон Майдель был породистый аристократ и вращался в самых высших сферах губернской знати". Но,- продолжает автор воспоминаний,- "я воочию убедился, что мой Тарас и там был свой человек".

Из губернаторского дома - на бал к породистому аристократу. Чем не светское времяпрепровождение? Что другое оставалось Лазаревскому, как не сделать вывод: "Образ жизни его ничем не отличался от жизни всякого свободного человека. Он только числился солдатом, не неся никаких обязанностей службы. Его ,что называется, носили на руках".

В общем, все вокруг хороши и все как нельзя лучше.

Да так ли это?

Майдель - медик. Обстоятельство немаловажное: самая гуманная профессия налагает свой отпечаток на человека, который ей служит. Она делает его более открытым, демократичным, душевно щедрым. Однако доктор, описанный Лазаревским, особой симпатии не вызывал. Не врач - барин, не служитель людям - туз.

Что могло сблизить таких различных, даже противоположных людей, как Шевченко и Майдель?

Не один день приносили мне из хранилищ архива описи всевозможных фондов, дела и снова дела. Тысячи листов - и хотя бы упоминание о нем. Честно скажу, появилось даже сомнение в его существовании вообще.

Но такой был, такой существовал.

Я сказал это со всей определенностью, когда увидел перед собой "Формулярный список о службе и достоинстве войсковой врачебной управы Оренбургского казачьего войска младшего лекаря фон Майделя".

Когда составлен? В 1843-м. Значит, за шесть лет до знакомства с Шевченко он служил только младшим лекарем. До тайного советника далеко. Какую поддержку, какие связи надо было иметь, чтобы вознестись так быстро и так высоко! Конечно, родовитому барону...

Но что это?

Петр Фридрих, Астафиев сын, фон Майдель... Двадцати трех лет... Из дворян... недвижимого имения не имеет... По окончании курса медицинских наук казенным воспитанником...

О баронском достоинстве - ни слова. На "породистость" и "аристократизм"-ни намек. Беспоместный дворянин, не имевший средств, чтобы платить за ученье... Как далеки эти сведения от тех, которые сообщает Лазаревский!

Окончив в том году, когда составлялся формулярный список, курс медицинских наук Дерптского университета, фон Майдель был определен на службу в войсковую врачебную управу.

Следующая запись, тожз 1843 года, оказалась последней. Она сообщала, что по распоряжению военно-медицинского департамента состоялся перевод молодого лекаря в штат Оренбургской пограничной комиссии.

Шесть лет... Как узнать о них? Как получить точные сведения о Майделе 1849-1850 годов? Тех лет, к которым относится знакомство с ним Шевченко.

Новые поиски и... новый документ. На этот раз - "О службе врача Оренбургской пограничной комиссии доктора медицины фон Майделя"⁴⁶.

К ноябрю 1849 года, когда список был составлен, Майдель добился многого.

Заняв вакансию врача Пограничной комиссии, он взялся за серьезное изучение местных болезней. В послужном списке есть запись о длительной его поездке по степи. Собранный материал лег в основу научной работы. В двадцать восемь лет врача из далекой провинции утвердили в ученой степени доктора медицины.

В тяжелом сорок восьмом Майдель совершил настоящий врачебный подвиг, показал истинную самоотверженность в борьбе с охватившей Оренбург холерой.

"В разгаре болезни докторов не было возможности дозваться, горожане положительно были брошены на волю божию и лечились одними домашними средствами, из коих главное составляла перцовка...

Отрадное исключение из всего докторского персонала Оренбурга составлял молодой гражданский врач, прозванный населением "ангелом-хранителем", доктор Майдель. Он день и ночь разъезжал по больным, не отказывая в просьбе даже самого последнего бедняка, и сплошь лечил недостаточных людей на собственный счет".

Это свидетельство современника, очевидца. Оно почерпнуто мною из уже цитированных в самом начале воспоминаний Н. Г. Залесова.

Вот с кем познакомился Шевченко в Оренбурге - с многообещающим молодым ученым и талантливым, беззаветно преданным своему делу врачом.

Нелишне заметить, что фон Майдель пользовал поэта и как медик. Об этом сообщал сам Шевченко, когда 1 июля 1850 года ему учинили допрос на гауптвахте Орской крепости.

Да, но... "важный туз", "тайный советник", "барон"... Откуда они, такие сведения?

На этот вопрос я ответить не могу. Лазаревский писал свои воспоминания через тридцать, может, даже через сорок лет после описываемых событий. Возможно, ему изменила память... Не исключено, что титулы пришли к Майделю в будущем...

А не объясняется ли все проще? Проще и - сложнее? Тем, что мемуаристу хотелось во что бы то ни стало утвердить свое, во многом необъективное, мнение.

Записки Федора Лазаревского содержат в себе много ценного. В них - живые штрихи оренбургской зимы Тараса Шевченко. Но когда автор начинает смотреть на жизнь сквозь розовые очки, мы вправе, мы должны говорить: "Не верю".

И искать. И идти к правде.

7. ПОРТРЕТ ОТСТАВНОГО МАЙОРА

"К шевченковскому юбилею. Известный земский деятель и член 1-й Государственной думы В. А. Племянников жертвует в Третьяковскую галерею акварельный портрет отца своего - отставного майора А. В. Племянникова, писанный в 1850-1851 гг. в Оренбурге ссыльным Т. Г. Шевченко..."

Академический указатель литературы о жизни и творчестве великого украинского поэта помог мне отыскать в комплекте "Русских ведомостей" эту крохотную заметку без подписи.

Что я хотел из нез узнать?

Хоть что-нибудь о Племянникове - "Племянникове А. В."

"Что-нибудь" - но, конечно, больше, чем вычитал... ...Царский указ, отсылавший Шевченко рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, строго-настрого повелевал: "С запрещением писать и рисовать". Тем не менее, вопреки безжалостному приговору, он продолжал творить: и пером, и кистью.

В оренбургскую зиму 1849-1850 гг. Тарас Григорьевич работал над окончанием видов Аральского моря, а, кроме того, создал целую галерею портретов.

Не все портреты, написанные тогда, Можем мы увидеть сегодня в Государственном музее Т. Г. Шевченко и других собраниях. До сих пор не установлено местонахождение портрета Томаша Вернера, доброго его друга; "туманом неизвестности" окутана история "Портрета неизвестной в кресле" и "Автопортрета в белой фуражке"; никто не знает, куда девалось изображение П. Обруче-вой - супруги генерал-губернатора. Судьба портрета Карла Герна и его жены, в доме которых Шевченко жил, загадки не представляет: незаконченная работа была брошена в огонь перед обыском.

Галерея поредела... Но для вывода об оренбургском взлете Шевченко-портретиста достаточно и тех работ, что до нас дошли.

О художественных особенностях каждого портрета пусть говорят специалисты-искусствоведы. Меня портреты кисти Шевченко интересуют, прежде всего, как документы. Неоспоримые документы, расширяющие представление о круге знакомств Шевченко в ту оренбургскую зиму.

Кто эта женщина, запечатленная с такой любовью?

Елена Павловна Бларамберг была женой квартирмейстера войск в Оренбургском крае. Известен он не только по официальной своей должности, а и как талантливый математик, неутомимый картограф. О семье - и, конечно, о ее хозяйке -

мы можем судить также по тому, что здесь получили первоначальное воспитание два даровитых деятеля русской культуры - известный в свое время композитор Павел Бларамберг и довольно интересная писательница Елена Бларамберг (по мужу - Априлева, литературный псевдоним - Е. Ардов).

Казашка Катя (с работы Т. Г. Шевченко)

Портрет дает возможность сказать, что Шевченко, находясь в Оренбурге, в эту семью был вхож.

Очередь за красавцем-офицером. Первый владелец портрета Николай Исаев - он же здесь и изображен - позднее, уже в 1862 году, находясь в Полтаве, сделал на обороте надпись: "Рисовал Тарас Шевченко в Оренбурге в феврале 1850 года". На мой взгляд, это и есть тот самый прапорщик, по доносу которого весной пятидесятого на Тараса Григорьевича обрушились новые беды. "Смазливенький прапорщик", "юный Адонис", "хоть и плюгавенький, да офицер" - так характеризует Исаева Федор Лазаревский. В известных нам воспоминаниях он называет и фамилию, и звание, и приметы этого низкого, с "маленькой душонкой", человечка, который, будучи уличен в любовной интриге с женой Герна, отомстил своему разоблачителю Шевченко самым гнусным образом. В феврале Исаев позировал, гордясь тем, что с него пишет портрет такой известный художник, а двумя месяцами позднее, в апреле, автор портрета стал для него не более чем "нижним чином",

А теперь - Племянников.

...Еще в 1833 году канцелярией Оренбургского генерал-губернатора было заведено дело "По прошению крестьян Петрова, Демидова и других о жестоком обращении с ними помещика Племянникова"⁴⁹. Речь шла о Племянникове Николае Федоровиче, истязателе крепостных, растоптавшем и загубившем многие судьбы. Но именно из этого дела получил я первое, так сказать, документальное представление о том, кого изобразил Шевченко. Он оказался двоюродным братом этого самого изверга и... мало чем от него отличался. Бузулук-ский уездный предводитель дворянства

писал, что если Андреем Васильевичем Племянниковым пока и не совершено действий, "превышающих власть, законом предоставленную помещикам", то таких "превышений" не долго ждать, а посему Племянникова А. В. следует считать "заслуживающим необходимых мер к обузданию строптивого характера".

Дело тянулось долгие годы, было исписано множество Листов, но ограничились "внушением", причем не слишком строгим.

И вот - новое дело: "О жестоком обращении с крестьянами майора Племянникова".

"Крестьяне майора Племянникова,- читаем мы в одном из подшитых здесь документов,- вывели жестокое обращение с ними в том, что он наказывает их розгами безвинно, бьет своеручно кулаками и арапником, не позволяет распоряжаться собственностью крестьян, производит с них поборы, как-то барана, гуся и проч., и принуждает работать на него з воскресные дни".

Свои показания крестьяне дали под присягой. Сомневаться в их правдивости не приходится.

Портрет Е. П. Бламберг (с работы Шевченко]

Отрицал вину только один человек - сам Племянников, Он обрушил на жалобщиков поток обвинений: и в воровстве, и в грубости, и в пьянстве, и в неповиновении. А в письме на имя губернатора Обручева выставил себя таким смиренным, таким униженным, что дальше некуда.

Прошение его - десять страниц мельчайшего почерка- было написано 18 ноября 1849 года. Я подчеркиваю эту дату не случайно. Она, в определенной степени, объясняет, каким образом мог встретиться бузулукский помещик Племянников с художником из крестьян Шевченко. Когда "обиженный землевладелец" приехал "искать защиты", Тарас Григорьевич уже обосновался в Оренбурге, вел работу по оформлению морских видов, а, одновременно (в одних случаях - из уважения, в других- для заработка), писал портреты. Друзья знали, что он нуждается в средствах и

старались отыскать заказчиков состоятельных. Так, скорее всего, и появился перед ним А. В. Племянников. От него самого, да и от знакомых своих из среды чиновников, Шевченко мог узнать, что собой этот человек представляет. Не жертву козней, не оскорбленную добродетель - жестокого барина писал сын крепостного и сам в недавнем прошлом крепостной.

(Как, в заключение, не сказать, что дело решилось отнюдь не в пользу крестьян? Их самих обвинили во всех грехах и - "не сочли нужным подвергнуть имения опекунскому управлению". Проще говоря, крепостник снова взял верх,)

...Да, с разными людьми довелось встретиться Тарасу Шевченко в Оренбурге. Самыми разным"...

Каждый день приносил с собой новые встречи и знакомства, новые впечатления.

Портрет Н. Исаева (с работы Т. Г. Шевченко)

Портрет А. В. Племянникова (с работы Т. Г. Шевченко]

8. В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

В юбилейном справочнике Академии художеств за 1914 год поименно назван каждый, кто закончил ее за целых полтора века.

И не только самую Академию, а и состоявшие при ней художественное училище, педагогические курсы.

Есть среди названных и Хлебниковы.

Вот живописец Хлебников Анемподист... Вот другой- Александр, скульптор...

Однако это, конечно, не те: родились они лет на восемьдесят раньше.

Но, быть может, человек, который меня интересует, был вольнослушателем или по какой-то причине не закончил?

Такие в справочник не попали.

Источник сведений о них - архивы.

..."В материалах... фонда Академии художеств... имеются сведения о Хлебникове Александре Петровиче, бывшем вольнослушателе Академии с 1885 по 1887 г., и о Хлебникове Владимире Николаевиче, тоже вольнослушателе, поступившем в Академию в 1891 году".

Снова Хлебниковы, а нужного нет и тут. Эти - на двадцать пять-тридцать моложе.

За ответом научно-библиографического архива Академии художеств СССР последовал еще один - из Центрального государственного исторического архива. Он отличался лаконизмом и категоричностью: "В фонде 789... сведений об оренбургском художнике Хлебникове не обнаружено".

Никаких следов... Ничего...

А разве в этом обидном "ничего" не таятся зерна истины?

В чем она? Да в том, что Хлебников, которого я ищу, в Академии художеств не состоял.

Значит, заветная мечта его не сбылась.

Не осуществилось и желание Шевченко.

...Оренбургская зима... Эта, как и все другие, была с буранами, с морозами, непривычными для тех, кто родился и вырос на Украине. Но после всего, о чем я уже рассказал, вы без труда поймете: не только пронизывающими ветрами да леденящими холодами вошла она в сердце поэта, а и живым теплом дружбы. Этим - прежде всего!

И вот зима закончилась.

Закончилась доносом, обыском, гарнизонной гауптвахтой, ожиданием новой встречи с уже проклятой им Орской крепостью.

В один из этих дней - последних дней в Оренбурге - и познакомились два простых человека - прославленный народом Тарас Шевченко и безвестный юноша-самоучка Хлебников.

(Я подчеркиваю это, чтобы внести поправку в широко известные, интересные и добросовестные воспоминания К. И. Герна⁵¹, который отнес знакомство Шевченко с Хлебниковым к более позднему времени - дням "пред отправлением в Новопетровск". На мой взгляд, достаточно внимательного прочтения сохранившихся документов и писем друзей, чтобы убедиться: несколько месяцев спустя, когда Тараса Григорьевича переводили из Орской крепости в Новопетровскре укрепление, он задержался в

Оренбурге лишь на какие-то часы; к тому же был он весь окровавлен, так как на пути сюда, в Губер-линских горах, его разбили - и едва не убили его - лошади.

Встреча могла произойти, скорее всего, сразу после 1,2 мая 1850 года, когда поэт, после трехнедельного пребывания на гауптвахте, ожидал этапа в Орскую крепость).

Жил Хлебников...

Но к чему здесь предположения? Не все ли равно, жил он в Голубиной слободке (что всего вероятнее) или где-то в другом месте?

Узнал о нем Шевченко... От кого - гадать тоже бесполезно. Во всяком случае - от друга.

С другом он и поделился радостью "открытия".

Об этом мы знаем по уже упомянутому свидетельству Карла Ивановича Герна; чуть раньше я его лишь уточнил.

Жаль, но ГERN весьма краток. Он сообщает, что Шевченко, "сидя уже под арестом на гауптвахте, узнал о существовании в Оренбурге бедного мещанина Хлебникова с необыкновенным дарованием к живописи; добрался до него, удостоверился в действительно замечательных способностях этого молодого человека, и, отъезжая, передал его на мои руки".

Под пером романиста несколько десятков слов могут быть развернуты в большую и яркую повесть. Меня же этот простой, ничем не обрамленный факт волнует в том виде, в каком я его узнал впервые. Еще бы - преследуемый, гонимый украинский поэт и художник перед тяжким походом в этапной колонне и новыми испытаниями в Орском каземате думает о другом человеке, тоже бедняке, тоже талантливым, и вниманием своим как бы благословляет его на творчество. Авось он будет счастливее "крестного"!

...Счастье оказалось призрачным. Но об этом разговор еще пойдет.

А пока... вы ведь не поверите, что я так и не пытался доискаться, кем "тот Хлебников" был?

Правильно - я искал. И надо сказать, что Хлебниковы в архивных бумагах попадались довольно часто. Но то не совпадал возраст ("молодой человек"), то не сходилась сословная принадлежность ("мещанин"), то совсем иным оказывался имущественный ценз ("бедный").

Первым попал на заметку "Хлебников Николай, 12 лет". Не удивляйтесь - запись была сделана в 1842 году и, значит, к пятидесятому возрасту его подошел к двадцати. Тут же, в "Книге по запису учеников, поступивших в Оренбургское уездное училище"52, против фамилии Хлебникова указывалось и на его мещанское звание, и на то, что курс училища им был окончен в 1849-м.

Знакомый Тараса Шевченко стал для меня Николаем.

Условно, с оговорками и сомнениями, но - Николаем.

А в это же время...

Двумя или тремя неделями раньше я написал письмо в Киев, в Музей Т. Г. Шевченко. И вот прибыл ответ: ничего, кроме рассказанного Герном, о Хлебникове неизвестно, однако в составе альбома Обручевых, который хранится в музее, есть работа с надписью "Рис. пор. Хлебников".

(Талантливая работа! Даже небольшая по размерам фоторепродукция позволяет убедиться в этом. Передо мною - старый бухарец с живыми,

выразительными глазами. Живет, "дышит" каждая черточка его лица, каждая складка одежды. Острый взгляд, уверенная рука у автора этого, единственного известного, его произведения. Отыскать, увидеть бы другие! Где они? Может быть, найти еще удастся...)

"Но сомнительно,- делилась мыслями заместитель директора музея Г. П. Паламарчук,- относятся ли воспоминания о дружбе Шевченко с Хлебниковым к поручику Хлебникову, так как К. И. Герн говорит не о военном,

Старый бухарец (с работы Н. П. Хлебникова]

а о мещанине Хлебникове, который стал учителем рисования в Оренбургском уездном училище".

На этот счет у Герна, действительно, кое-что есть. "К сожалению,- писал мемуарист, продолжая свои воспоминания,- мы могли помочь Хлебникову только материальными средствами: он впоследствии был освобожден мещанским обществом, сделан учителем рисования а уездном училище и с горем пополам существовал, поддерживая крайне бедное свое семейство".

Да, тот ли?

Перелистывая сотни формулярных списков, я не раз встречал в них записи: "дворянин", "мещанин" и т. д. А это были списки о "службе и достоинстве" людей с воинскими званиями. Значит, даже будь он поручиком, Хлебников в глазах горожан, тем более в своем городе, мог пребывать не только в военном, но и в мещанском сословии. Такова была сила традиции.

Вот над другим различием - в роде занятий - подумать следовало более. И особенно после того, как оказались просмотренными многочисленные книги из архивного фонда уездного училища, а Хлебникова в списках учителей рисования обнаружить не удалось.

В задумчивости листал я печатные справочные книги Оренбургской губернии за пятидесятые-шестидесятые годы. Не могу даже определенно сказать, что

искал Хлебникова. И все-таки, когда знакомая фамилия встретилась,⁵³ невольно остановил на ней внимание. Николай Петрович!.. Поручик!..

Николай Петрович Хлебников служил в Оренбургском губернском батальоне. Батальоне, который имел мало общего с регулярным войском, а выполнял лишь вспомогательные функции. В силу этого в нем находились люди самых различных специальностей. Художники - в их числе. Ведя преимущественно оседлый образ жизни, они имели возможность совмещать свои основные служебные обязанности с работой по гражданской части - например, с уроками рисования...

Но это - догадки, если хотите - домысел.

Что о Хлебникове знаем мы еще?

"...Во время последней бытности моей в Оренбурге, осенью прошлого (1860) года, я видел Хлебникова и узнал от него, что он успел наконец собрать несколько деньжонок, чтобы отправиться в Петербург и там с помощью Тараса поступить в Академию художеств.

Застал ли бедный человек этот Тараса еще в живых и что с ним делается, и как он успел себя пристроить, я не знаю, потому что не получил от него обещанного письма из Петербурга. Если он у вас не был, то отыщите его, пожалуйста. Могу вас уверить, что покойник принимал в нем самое искреннее участие; и, помогая этому несчастному бедняку, мы исполним заветную мысль Тараса, и он нам за это с того света спасибо скажет..."

Это из тех же воспоминаний К. И. Герна, которые написаны и публикуются как письмо к Михаилу Лазаревскому.

Ни М. М. Лазаревский, ни другие авторы воспоминаний о петербургском периоде шевченковской жизни о Хлебникове не сообщают ни слова.

Добрался ли он до Петербурга? Нашел ли Шевченко? Кто знает...

Известно только, что в Академии художеств, в Высшем художественном училище и на педагогических курсах при Академии такого не было.

С этого я свой рассказ начал, этим и закончу.

Увы, счастье оказалось призрачным, мечта осталась неосуществленной. Мечта безвестного Хлебникова и его великого друга...

Но когда думаешь о Шевченко и о той поре его жизни, как не вспомнить встречу, что произошла в один из последних дней пребывания поэта-революционера в Оренбурге?..

9. ДВЕНАДЦАТЬ СТРАНИЦ

Я не пишу монографию о жизни и творчестве Тараса Шевченко - просто иду по следам его оренбургской зимы.

Многое, наверняка, останется незамеченным, и критикам будет в чем упрекнуть: "недооценил это", "упустил то".

Да, кое-что недооценил (главным образом из того, что было переоценено ранее). Да, что-то упустил, ибо, как известно, "не объять необъятное".

Но при всем "немонографическом" характере моих поисков не могу я "недооценить" и "упустить" того, что известен, дорог нам Шевченко, прежде всего как поэт.

Я кладу на стол "Кобзаря". О каждой из этих страниц написаны десятки и сотни других - с анализом содержания и формы, ритмики и словаря, образов и рифм.

Мне не хотелось бы повторять и повторяться.

Другое интересует меня, другое ищу. о

Другое!..

...Вам, конечно, известен рассказ Ираклия Андроникова "Загадка Н. Ф. И." Чудесный рассказ о том, как в результате долгих, кропотливых и увлекательных поисков исследователя три десятка разрозненных, разобщенных лермонтовских стихотворений предстали перед читателем в виде цельного стихотворного дневника юношеской любви поэта.

Поэтический дневник...

Его я хочу найти и в стихах Тараса Шевченко. В тех, которые написаны в Оренбурге.

Их - двенадцать. Одиннадцать стихотворений и одна поэма - "Петрусь".

Не много? Действительно, меньше, чем написано, скажем, на Кос-Арале. Но глубоко заблуждается тот, кто считает, будто оренбургская зима отмечена спадом его поэтической активности.

Нет, нет и нет!

Какое-то время после приезда в Оренбург - месяца два, не более - Шевченко новые стихи не записывает. Это объясняется, очевидно, многими причинами: напряженной, всепоглощающей работой над аральскими рисунками, переменой обстановки и желанием больше быть на людях, наконец - острой тревогой в связи с новыми надеждами на облегчение судьбы, возможно, даже помилование.

К поэзии он возвращается в тяжкие для него дни, когда едва проглянувшие лучи свободы снова были затянuty густым мраком безнадежности.

"...Мне отказано в представлении на высочайшее помилование!- писал Тарас Григорьевич княжне Репниной 1 января 1850 года.- И подтверждено запрещение писать и рисовать! Вот как я встречаю Новый Год!"

В эти-то горькие дни и начинает он свою четвертую - оренбургскую - "захалавную книжечку":

Считаю в ссылке дни и ночи -

И счет им теряю.

О господи, как печально

Они уплывают!

А года плывут меж ними

И тихо с собою

Доброе они уносят

И уносят злое!..

И не спросят, все уносят В дальнюю дорогу! Не молись, твоя молитва Не дойдет до бога.

Особенно тяжелой, особенно долгой кажется поэту неволя. Если считать с 5 апреля 1847 года - дня ареста Шевченко на переправе через Днепр, возле Киева - шел третий год его невольничьей жизни. Он же пишет о уже идущем четвертом годе подневольного своего существования:

Год четвертый - та же доля, То же горе знаю...

Несказанной горечи полно это стихотворение-стон, стихотворение-раздумье. В каждой строке - кровь и слезы. Но только ли сетования, только ли жалобы звучат

здесь? Нет уже у изгнанника слов и слез, нет ничего - даже бога, нет "никакой отрады для сердца и взгляда",

Жить душа твоя не рада, А жить надо, надо.

Жить, чтобы еще, быть может, увидеть родной край, чтобы поделиться "словами-слезами с дубровами зелеными, с темными лугами".

Ну, а если дожить до этого не суждено:

...мои слезы

Родимому краю

Передай,- ты видишь, боже!

За него страдаю!

Может быть, мне на чужбине

Лежать легче будет,

Если там, на Украине,

Меня вспомнят люди!

Светлее становится на сердце, когда на смену острой печали приходит надежда, что если даже придется сложить голову на чужбине, стихи его "когда-нибудь к себе на Украину путь найдут... и чистой росой падут на сердце молодое".

Так может ли он замолчать? Нет!

Пусть как будет, так и будет. Хоть плыть опять, хоть ковылять, Хоть муку крестную принять Мне доведется, все же буду Страницы тихо вышивать. *

Этими словами - уже не печальными, не горестными, а исполненными жизнеутверждающей решимости - закончил поэт свое первое стихотворение, написанное в Оренбурге.

В 1858 году, уже в Петербурге, переписывая невольничьи стихи в "Большую книжку", Шевченко существенно переработал - и, прежде всего, значительно сократил - это свое стихотворение. Во втором варианте оно известно гораздо больше, чем в первоначальном. Но если вести речь о поэтическом дневнике, то открывает его именно то, что написано в 1850-м. Это - развернутая запись о душевном состоянии, мыслях и чувствах, тревогах и надеждах.

Новое стихотворение - новая страница в своеобразном дневнике поэта.

...Сергей Петрович Левицкий, чиновник Пограничной комиссии, приятель Шевченко еще с первого приезда его в Оренбург, собирался в дальнюю дорогу: в Москву, а затем в Петербург. С его поездкой Тарас Григорьевич связывал новые свои надежды: Левицкий мог встретиться с друзьями поэта и передать им то, чего нельзя было доверить почте. Тем не менее разлука с одним из немногих земляков-украинцев, да к тому же близким по мыслям, по духу, весьма его удручала.

Незадолго до того-в конце декабря - на несколько месяцев отправился в степные укрепления Федор Лазаревский... С болью душевной, с тоской думал Шевченко о том, что предстоящей весной снова не миновать Раимского укрепления ему...

И вот - прощальная встреча, последние песни на родном языке:

Запели мы и разошлись Без горьких слез, без слова. Сойдемся ли мы снова, Чтоб снова песни полились? Сойдемся, может...но какими? И где? И запоем о чем? Не здесь и, верно, не такими! И не такую запоем!..

Некоторые исследователи связывают это стихотворение с польскими друзьями поэта, пытаются даже рассматривать его в связи с рисунком Алексея Чернышева- чуть ли не как поэтическую подпись-подтекстовку.

Но если вполне подходят к этому уже приведенные строки, если нельзя дать точного адреса последующим:

И здесь невесело певали, И здесь печально время шло, Но как-то все-таки жилось,- Здесь мы хоть вместе тосковали,
то уж последние не оставляют сомнения, что поэт обращается именно к землякам:

...Веселый вспоминая край,
И Днепр могучий, крутогорый,
И молодое наше горе!..
И молодой наш грешный рай!*

Вот почему и связываю я это стихотворение с определенным событием: разлукой с украинскими друзьями.

Событием, которое произошло в первые дни января 1850 года.,.

... "Не молилась мать за сына..." - третья запись в оренбургской тетрадке - как нельзя лучше перекликается с мыслями и чувствами, выраженными поэтом в письмах к О. М. Бодянскому и В. А. Жуковскому⁵⁶. Первое написано 3 января, второе датируется менее точно: "около 10-го".

Тяжело переживая отказ в облегчении его участи, он снова и снова - в разговорах с друзьями, в письмах, в стихах - возвращается к тому же - мечте о свободе, о тихом уголке на Украине, о Днепре широком:

...А я ведь не казны богатой Просил у бога! Только хату, Лишь хатку мне б в родном краю, Да два бы тополя пред нею, Да горемычную мою, Мою Оксаночку...

Но негромкая грусть, тихая мольба-мечта вдруг взрывается гневным залпом:

Ты, господи, панам богатым Даешь сады в своем раю, Даешь высокие палаты, Паны ж - и жадны и пузаты - На рай твой, господи, плюют, А нам и глянуть не дают Из маленькой убогой хаты.*

Тут уж не грусть, не мольба, не только свое личное. Тут протест, обвинение. Обвинение богу и панам.

(Не все создаваемое поэтом можно "привязать" к определенному событию и определенному месту. Это было бы профанацией поэтического труда, поэтической мысли. И мне хочется возразить авторам монографии "Тарас Григорьевич Шевченко", выпущенной Киевским государственным университетом, которые яано неудачно связали приведенные выше строки с . имеющимися воспоминаниями о том, что с крыльца дома Кутиных поэт видел польский костел и чудесный тенистый сад при нем. Из этого делается вывод - вроде бы закономерный - что созерцание этого сада, этого здания и натолкнуло поэта на раздумья о социальной несправедливости. Ассоциация более чем сомнительная. Особенно если помнить, что костел и сад при нем были в представлении Шевченко неотделимы от Зелёнки и множества польских свободолюбцев, с которыми он поддерживал дружбу. Уместно сказать, что в то время, когда слагалось стихотворение "Не молилась мать за сына...", Шевченко у Кутиных не жил, сидеть на крыльце не позволяли морозы, а сад был отнюдь не тенистым - стояла довольно суровая зима).

..."Привязке" поддается не все. Тем более не нужна она, когда речь идет о единственной "оренбургской" поэме. Основа у нее - фольклорная. История о том, как панская дочь, ставшая генеральшей, полюбила крестьянского парня, а ненавистного мужа отравила, как чистый и честный Петрусь стал жертвой этой любви, известна по

старым народным песням. Но то, что в песнях лишь слегка очерчено, Шевченко сумел развернуть в широкое полотно большой художественной силы, глубоко трагического звучания. Человечен образ несчастной женщины, насильно отданной замуж за богатого старого генерала. Не прихоть барской - потребностью молодого, горячего сердца является для нее любовь к недавнему подпаску. Не могут не взволновать нас ее переживания, ее борьба с собой перед тем, как она решается на крайнюю меру, на акт отчаяния - отравление постылого мужа. Петрусь в поэме - как бы на втором плане. Его образ нарисован более эскизно. Однако как поднимается, как вырастает юноша из народа, когда принимает на себя вину молодой вдовы! Сколько благородства в нем, добровольно одевшем на себя кандалы!

Поэма кажется неоконченной, ей не хватает заключительного авторского аккорда. Такого же сильного, ударного, как в "Наймичке", "Неофитах" и других поэмах Тараса Шевченко. С последней записанной строкой не закончились его раздумья. Дочитав до конца, продолжаешь жить в мире шевченковских образов, шевченковских мыслей, и перед глазами - он сам. С взглядом, устремленным за окно, где бушует зима - уральская, что сродни сибирской... С раскрытой тетрадкой, в которой только что заполнил несколько страничек... Как радостен, как прекрасен день, увенчанный поэмой!

... Можно ли представить себе дневник духовно богатого человека без мыслей о литературе, без впечатлений о прочитанном? В поэтическом дневнике оренбургской зимы, как и в том, который Шевченко вел в последние годы своей жизни, есть прекрасные строки о Поэзии и Поэте. Я написал эти слова с больших букв потому, что речь идет о Лермонтове.

Не длинной оказалась опись вещей и книг, изъятых у Тараса Григорьевича во время апрельского обыска и ареста. Но среди них было два томика лермонтовских сочинений. Их прислал друг Шевченко - великий актер и человек большой души М. С. Щепкин. - Адресовались они в Орскую крепость, но прибыли туда уже после того, как поэт был в составе экспедиции отправлен на Аральское море. Может, книги нашли его там; может, были переданы полтора года спустя. Ясно одно, в Оренбурге стихи Лермонтова стали любимыми книгами украинского поэта.

Первая часть стихотворения "Мне кажется,- но сам не знаю...", навеянного чтением поэзии Лермонтова, исполнена обличительной силы. Это злая, гневная сатира на богачей - погрязших "в мерзкой луже", с "набитыми утробами", тех, по чьей вине "слезы реками текли, а кровь - морями". По-шевченковски страстно и своеобразно звучит его обвинительная речь. А вот и обращение к русскому поэту:

...Где ж ты,
Пророк, что сделался святым,
Великомученик? Ты с нами,
Ты, присносуший, всюду с нами
Витаешь ангелом святым.
Ты с нами говоришь, не споря,
Тихонько-тихо... про любовь,
Про бесталанную, про горе,
Или про бога и про море,
Про даром пролитую кровь
На плахах злыми палачами.
Заплачешь горько перед нами -

И мы заплачем... Ведь жива
Душа поэта - и, святая,
Она горит в его речах,
И мы, читая, оживаем
И слышим бога в небесах.

Душа поэта-пророка сродни его собственной. Много прекрасных, возвышенных ответных чувств вызывает в нем чтение Лермонтова. И Шевченко не может не высказать свою благодарность тому, кто порадовал его в ссылке- Михаилу Семеновичу Щепкину:

Тебе спасибо, друг мой бедный, За то, что лепту разделил Единую свою...
Пред небом Ты много, много заслужил. Ты переслал ко мне в неволю Поэта нашего...
На волю Ты будто двери отворил!*

Двери на волю... Не было для него слов более высоких!

... "Читательский формуляр" Шевченко до нас не дошел. Известно только, что читал он много, очень много. Книгами его снабжала библиотека штаба 23-й дивизии; он брал их у оренбургских друзей и получал от тех, которые были далеко.

Не все прочитанное вызывало такой восторг, как стихи Лермонтова, как "Мертвые души" Гоголя, как лучшее в "Современнике".

Многое рождало глухое раздражение. И, прежде всего, идиллическое восхваление деревенской жизни - "деревенского рая", как представлялась эта жизнь иным сочинителям.

Рай... Знают ли они, писаки из помещичьих сынков, как тяжела доля тех, кто кормит всю эту свору господ? Понимают ли весь ужас, всю мерзость горького, нищенского крестьянского существования? Нет, он не может читать все это поэтическое сюсюкание! В печку, в огонь!.. Да ведь не он один прочел то, что здесь напечатано. А, может, кто и позерил?

Когда б вы знали, барчуки, Где люди плачут от тоски, То вы б элегий не писали И бога зря не восхваляли, К слезам бездушно жестоки. За что, не знаю, называют Там в роще хату тихим раем: Я в хате мучился и рос, И горечь самых первых слез Я там изведal. И не знаю, Такое есть у бога зло, Чтоб в эту хату не пришло? А хату раем называют!*

Строка за строкой шли на бумагу. Выстраданные, разящие слова выстраивались в колонну - одно к одному, ряд к ряду. Рождался ответ на "пейзанские" стишки далеких от жизни сочинителей.

Я не знаю, какого числа это произошло. Знаю одно: в тот день поэзия обогатилась изумительным стихотворением. Кажется, все, что наболело, накипело за годы, нашло здесь свое выражение, получило выход к людям.

Проклятие помещикам... Проклятие несправедливости... Проклятие богу...

Ему запретили писать. Но он пишет и будет писать. Будет - до последнего вздоха!

...Следующее стихотворение - и на память снова приходит тот же рисунок Чернышева: Шевченко среди польских друзей.

Накануне, быть может, в тесном дружеском кружке шел разговор о прошлом. Тут не обходили острых вопросов. И не раз то одному, то другому вспоминались случаи из жизни - сегодняшней и былой. Случаи ни революционным полякам, ни ему, украинцу, не радостные.

Теперь он писал об этом в стихотворении, начатом словами: "Бывает, в неволе мечтать начинаю..."

Будто живой, вставал перед глазами казак, который сжег и свой дом, и свою дочь, только бы отомстить нагрянувшим на хутор полякам-грабителям и насильникам.

Тот казак погиб в бою. Но и из темной могилы слышал Шевченко его слова: Не знаю, как теперь живут Поляки-братья с казаками. Мы жили с ляхами друзьями, Покуда Третий Сигизмунд в союзе с лютыми ксендзами Нас не поссорили... Вот так Случилось то несчастье с нами! *

Несчастье не может быть вечным. И, как в свободу, верил Шевченко в дружбу. С людьми всех наций, с честным человеком всей земли. Верил - и говорил. Как на этой, седьмой, странице своего оренбургского поэтического дневника. Как много раз до и после...

...Любовь!

Его сердце знало и горе, и ненависть, и любовь.

Не случайно ей посвящено так много прекрасных слов, строк, страниц шевченковской поэзии.

О "своей Оксане" он вспоминал и в Оренбурге.

Здесь, в этом городе, ему довелось еще раз испытать искреннее сердечное влечение.

И станом гибким и красою

Пренепорочно-молодою

Я старый взор свой веселю.

Бывает так, что я смотрю,-

И - дивно! - как перед иконой

К тебе свою молитву шлю.

О ком эти строки?

Думается, что о Забаржад.

Ее имя нам открыл Ф. М. Лазаревский. Вспоминая дружеские вечеринки, он писал, что с поэтом бывала "неизменная подруга Тараса - татарка Забаржад, замечательной красоты".

Больше мы не знаем о ней ничего.

Хотя... кое-какие сведения можно почерпнуть из самого стихотворения.

Сирота... Одинокая... Молодая, даже очень молодая...

Шевченко, которому тогда едва исполнилось тридцать шесть, считает себя рядом с ней совсем старым, Его отношение к юной подруге - благоговейно-целомудренное. Любовь к Забаржад - ближе к отцовской. И по-отцовски тревожится он о девичьей красоте, девичьей судьбе.

Где тот, кто на тебя повеет Отрадой в горести, в беде? Кто охранит тебя, согреет Огнем сердечным? Кто он? Где?

Болью отдается в сердце поэта мысль о том, что она может быть несчастной, что и сама безвременно увянет, и дитя ее, когда станет матерью, "не в бархате" будет, что может девушка оказаться среди "людей бездушных", "у глухо замкнутых дверей".

...Вот так же иногда тобою, Тобою, сердце, молодую, Свой старый взор я веселю. На стан твой гибкий я смотрю, Молитву богу посылаю, Я небо за тебя молю...

*

Есть, значит, в "оренбургском дневнике" и страница любви...

...Добрые знакомые всячески старались скрасить тягость его жизни. Шевченко приглашали на вечера, он был желанным гостем во многих домах.

Не простой зарисовкой одного из таких вечеров, но тоже стихотворением-раздумьем является то, которое в первом русском переводе Николая Курочкина получило название "Бал".

Бал? А, собственно, почему - бал? Легкая фантазия переводчика... И не одного - многих: уже названного Н. Курочкина, более позднего - Ф. Сологуба, современного - Н. Ушакова. Все они, по традиции, переводят слова "музыка грае" одним и тем же сочетанием "оркестр играет". А коль оркестр - значит, бал...

Так или иначе, ллузыка, однако, не приносит поэту веселья. "Алмазом ясным, дорогим сияют очи молодые, блестят надежды золотые в очах веселых", а ему неуютно, нерадостно: годы проходят, а мечта о счастье не сбывается.

...И все хохочут, все смеются,

И все танцуют. Только я

Гляжу, и слезы тихо льются.

О чем, о чем же плачу я?

О том, быть может, что тоскливо,

Как день дождливый, сиротливый,

Минула молодость моя. *

Сколько было у него таких горьких "балов"...

Страница десятая. Одиннадцатая... Двенадцатая...

Раздумья... непрекращающиеся раздумья...

"Вот такая моя доля мерзкая! Я, встав раненько, расположился писать вам письмо это; только расположился, а тут черт несет ефрейтора (разумеется, нанятого; чтобы давал знать, ибо я живу теперь не в казармах): пожалуйте к фельдфебелю. Пришлось письмо оставить, а сегодня почта уходит. Так и этак умолив фельдфебеля, вернулся я домой и принимаюсь снова, а время уже около часа, потому извините, если не все расскажу..."

Это - из письма на Украину, давнему другу Лизогу-бу. Дата - 14 марта. И тут же - "Оренбург".

"Он только числился солдатом, не неся никаких обязанностей службы. Его, что называется, носили на руках".

А так вот представлял положение "рядового Шевченко" Федор Лазаревский.

Даже друзьям не мог поведать Тарас Григорьевич всех своих печалей, всех тревог. И только в стихах договаривал то, что оставалось невысказанным в живом разговоре. Только в стихах давал он волю тому, о чем не мог написать в письмах.

Многое до нас не дошло - и из тех бесед, и из тех писем. К кому обращается Шевченко в стихотворении "Неволя, или горе злое..."? Кто знает! Но до чего же должно было накопиться, если решился высказать упрек, да еще какой, тем, которые вложили ему в руки поэтическое перо!

Теперь иду я без дороги,

Без троп проторенных... А вы

Удивлены, что спотыкаюсь,

Что вас и долю проклинаяю.

И плачу тяжко, и, как вы...

Души измученной чуждаюсь,

Своей неправедной души! *

Почта, которая отправлялась из Оренбурга два раза в неделю, увозила его письма друзьям-доброжелателям, но ничего утешительного с собой не приносила. Надежда на облегчение участи едва-едва тлела:

Какого дьявола я трачу Бумаги столько, перья, дни! А то, бывает, и заплачу, Да как еще! Но не одни Дела мирские тут причиной; Я плачу, словно старичина, Который, выпив, слезы льет, Что в мире сиротой живет.**

А в следующем - уже ирония. До боли горькая ирония. Ирония над собой, над своими собственными идиллическими мечтами:

Все снится мне: вот под горою Белеет хатка над водою, В тени под вербами стоит.

И все я вижу: дед сидит Совсем седой и забавляет Дитя кудрявое...*

Так и звучит недосказанное: не ласкать ему, в неволе поседевшему, "дитя кудрявее", не слышать счастливого смеха, не думать о "доле злой", "печалях" и "врагах", как о далеком прошлом.

А все ж снится. А все же думается. Он не может, не имеет права поддаться унынию!

...Вот и вся его "захаяльная книжечка".

Четвертая в неволе... Поэтический дневник той зимы...

В тетрадке есть чистые странички. Дневник остался неоконченным. Немало листков полетело в огонь, когда, предупрежденные о близком обыске, Шевченко с друзьями торопливо жгли все, что могло повредить дальнейшей их судьбе.

И все-таки дневник есть, существует, говорит.

Говорит живым голосом Тараса Шевченко.

НЕСКОЛЬКО СТРОК под КОНЕЦ

Не все, далеко не все загадки раскрыты. Не раз еще придется к ним вернуться, чтобы узнать неизданное, дополнить неполное, прочесть непроченное.

Я хочу знать о Шевченко больше, хочу знать все. Это важно не для меня одного - для каждого, кому он дорог. А дорог поэт миллионам и миллионам - на Украине, в России, в Казахстане, в Польше, во всем мире.

Да, много еще предстоит искать, много надо найти и узнать. Но как не порадоваться уже известному? Как, узнав, не поделиться с друзьями?

Поделиться -

чтобы всем стало ясно, какой богатой духовной жизнью были наполнены дни приговоренного к творческой смерти Тараса Шевченко...

чтобы во всей полноте представить себе круг его верных друзей и по-настоящему ощутить, почувствовать, осознать животворную, вдохновляющую силу истинной дружбы...

чтобы ярче увидеть, каким большим, хорошим, красивым человеком, каким надежным другом был он сам...

И я счастлив, что пошел по следам его оренбургской зимы.

ПОБРАТИМЫ

Дай бог, чтобы все люди были тан но-ротно близки мвиду собою, нам мы с мим', тогда бы на земле было счастье.

Т. Г. Шевченко (о Э. Жвлиговском)

ГЛАВА ПЕРВАЯ или рассказ об одном переполохе

1

Поездка наделала шуму.

- Как? Кто позволил? На каком основании?

- Преступное легкомыслие! Халатность! Безобразия!

Возмущению не было предела.

Оно бушевало в присутственных местах.

Оно захватило петербургский свет.

Оно разъярило самого императора.

А вызвал весь этот шум, этот переполох и гнев небольшой, незначительный, на первый взгляд, повод - пересылка в Оренбург двух опальных лиц.

Лицами теми были русский князь Сергей Трубецкой и польский поэт Эдвард Желиговский.

2.

Повесть моя - о Желиговском... Желиговском и Шевченко... Но здесь упомянут Трубецкой, и начинать придется с него.

Жизнь родовитого князя была достаточно подвержена штормам.

Сын одного из приближенных Александра I, влиятельного царского генерал-адъютанта, он с самого своего рождения принадлежал к высшему кругу российской знати. На восемнадцатом году жизни юный камер-паж стал корнетом-кавалергардом. И сразу его увлек, захватил бурный водоворот жизни "золотой молодежи". Ее похождения не всегда были безобидными. Однажды в день рождения нелюбимого полкового командира кавалергарды устроили его "похороны" - с факелами, с пением и всеми прочими атрибутами этой церемонии. Трубецкой оказался одним из зачинщиков и был наказан переводом в гусары. Впрочем, не надолго. Сильные заступники помогли ему вернуться в свой кавалергардский. Однако сдержаннее, осторожнее юноша не стал. Каскад шумных историй, венцом которых явился скандальный роман с фрейлиной двора Мусиной-Пушкиной, закончился в конце концов отправкой его на Кавказ.

Несколькими годами ранее Трубецкой неволью оказался свидетелем интриг против Пушкина; брат был другом Дантеса, в доме плелись сети клеветы, и он, чуждый этим грязным проискам, но бессильный им препятствовать, не мог не видеть того, что какое-то время спустя привело к гибели гения русской поэзии.

На Кавказе Трубецкой стал сослуживцем, приятелем Лермонтова. Он видел, как травили и другого великого поэта земли русской. На его глазах произошла ссора Лермонтова с Мартыновым. Мало того, Трубецкому довелось быть одним из секундантов на дуэли у Машука.

На следствии участие его в дуэли удалось скрыть. Тем не менее год спустя он был переведен в другой кавказский полк, а еще через год вышел в отставку.

Это произошло в 1843-м... А восемь лет спустя., 6 мая 1851 года генерал-лейтенант Дубельт Доложил царю о том, что накануне вечером у сына коммерции советника Жадимировского была похищена жена и что похитителем является князь Сергей Трубецкой. Поиски развернулись немедленно. Отряды погони отправились в сторону Одессы, в наспразлении Тифлиса. На границе были выставлены усиленные наряды. Губернаторы, полицмейстеры, жандармские чины сбились с ног. Еще бы - за "операцией" следил саллодержец!

Отыскивали беглецов месяц спустя на Кавказе. Распоряжение царя было категорическим: "Его прямо сюда в крепость, а ее в Царское Село, где и сдать мужу".

Из Алексеевского раиелина Петропавловской крепости бывший штабс-капитан вышел лишенным всех званий и достоинств, семь с лишним месяцев спустя. Вышел, чтобы быть отправленным в Петрозаводск - "под строжайший надзор, на ответственность батальонного командира".

На севере рядовой Трубецкой дослужился до унтер-офицера. Но производство - оно давало известную свободу - было оговорено условием: его переводили в один из оренбургских линейных батальонов. "Туда, где есть случай к делу", - собственноручно начертал Николай, мастак по части каверзных резолюций¹.

...Трубецкой снова отправился в путь, теперь уже на восток.

3.

На восток, в Оренбург, был определен и рядовой Же-лиговский - человек иного характера "преступлений".

На год моложе Трубецкого (тот родился в пятнадцатом, он - в шестнадцатом), Желиговский не имел на семейном своем гербе ни княжеской, ни другой пышной короны. Семья его принадлежала к тем, которых обошло и богатство. Фольварк Марьянполь, где будущий поэт родился и провел детство, являлся одним из небольших поместий на Виленщине.

Девятнадцати лет Эдвард стал студентом. В Дерптском университете он не только познакомился с учением Гегеля и Фейербаха, но и впервые почувствовал себя годным для больших дел. Вместе с земляками - Залеским, Подберезским - молодой человек вошел в состав тайной студенческой организации. И- начал писать. Рождался поэт Антоний Сова...

Известность пришла к нему с "Иорданом". Драматическая фантазия, одноименная с главным ее героем - эмиссаром "Молодой Польши", разошлась быстро, и вскоре потребовалось повторное издание. К тому времени Желиговский написал и вознамерился издать вторую часть поэмы. Тут-то власти и всполошились.

"Сочинение это, написанное звучными и хорошими стихами,- доносил в декабре 1850 года виленский генерал-губернатор,- исполнено разных темных намеков и рассуждений, доказывающих неблагонамеренный образ мыслей автора, давно уже возбудившего на себя подозрения и состоящего под надзором полиции. По дошедшим до меня сведениям, означенное сочинение произвело сильное впечатление на молодежь как в здешних губерниях, так и в Варшаве..." Почти одновременно стал известен ряд "неблагонамеренных" сочинений Р. Подберезского, В. Полубинского, де-Штринг, и это послужило основанием для вывода о существовании "тайного литературного общества с политической целью".

На "Иордана" и другие крамольные произведения был наложен строжайший запрет. На Желиговского (как и трех других, названных выше, сочинителей) обрушилась кара.

Под конвоем жандармов Желиговский был доставлен в Петрозаводск. Вместе с ним прибыли предписания: "под надзор полиции...", "без указания срока..."

Срок петрозаводской его жизни растянулся почти на два с половиной года. Без службы, без средств к существованию, он пребывал в самой настоящей нужде. "Политически неблагонадежный" - и перед ним закрывались двери всех мест, где могли бы пригодиться его знания.

Справедливости ради надо сказать: когда Желиговский обратился с ходатайством об отправке в Оренбург, где он мог бы поступить на службу и лечиться кумысом, решительных возражений не последовало. Оренбург и Петрозаводск, Оренбургская и Олонецкая губернии, как места ссылки, расценивались одинаково.

У него самого, однако, взгляд на сей счет был иным...

Но - о Желиговском еще будет рассказано, и немало. Разберемся и в планах его оренбургских. Сомневаться не приходится - ехал поэт туда с б-о-о-льшими надеждами.

И, конечно, он никак не предполагал, что уже сама поездка наделает столько шуму, а планам его повредит основательно.

Не могли предвидеть, какую бурю вызовет "неосмотрительный" их поступок, и сами олонецкие власти.

Соединяя Желиговского и Трубецкого на время переезда с берегов Онежского озера к берегам Урала, они руководствовались, пожалуй, одним-единственным соображением: экономии на прогонных.

Но отчего загорелся сыр-бор?

Оказалось ущемленным недостаточно знатным соседством княжеское достоинство Трубецкого? Чтобы отказаться от такого предположения, достаточно сказать, что спутник князя происходил из семьи дворянской, был человеком образованным, а к тому же даровитым поэтом.

Поэтом... Польским поэтом... Поэтом революционно-демократических устремлений... Не здесь ли нужно искать разгадку причин возникшего в верхах переполоха?

Царская десница Николая I не дрожала, подписывая приговоры поэтам-вольнолюбцам. Это он усугубил страдания автора "Кобзаря", собственноручно начертав: "Под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать". "Трибунал под председательством самого Сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора",- с острой болью писал в своем Дневнике Тарас Шевченко. На Николае, на его монаршей совести была кровь Пушкина и кровь Лермонтова.

Как же было царю не встревожиться, узнав, что человек, знакомый со всей подноготной тразли русских гениев, секунданта Лермонтова (для кого-кого, а для него это тайной быть не могло), много дней находится наедине с автором возмутившей власти поэмы, да еще -из бунтарей-поляков? В пути - "по подорожной и без провожатого"- они, конечно, не молчали. Значит - разговоры на запрещенные темы, значит - возможность огласки сведений, явно опасных.

Дело Трубецкого было, как говорится, "шито белыми нитками". И впрямь, каждый ли поверил, что монарх взял на себя личное руководство преследованием

беглецов, а затем решение их участи только во имя поддержания "семейной морали"? Угас ли - всячески и настойчиво подавляемый - шепоток о том, что, дескать, он, Николай, ополчился против князя, оскорбленный глубоко личным - тем, что красавица Жадимировская его высочайшему вниманию предпочла любовь подданного? И вот все то, что тщательно скрывалось, вытравливалось, могло лишиться покрова тайны, получить распространение, попасть на перо неблагонамеренного, политически опасного сочинителя. Чего уж более?!

Желиговский приехал в Оренбург 24 июля 1853 года. И сразу же оказался в центре крутого бумажного водоворота...

ГЛАВА ВТОРАЯ, содержащая десять листов переписки и десять строк комментария

1.

2 сентября 1853 года

Секретно

Господину исправляющему должность Оренбургского

и Самарского генерал-губернатора Дошло до высочайшего сведения, что с размалеванным в 1851 г. из отставных штабс-капитанов к рядовые Петрозаводского гарнизонного батальона и переведенным в мае сего года, по производстве в унтер-офицеры, в Отдельный Оренбургский корпус Трубецким, 24 минувшего июля прибыл в Оренбург из Петрозаводска какой-то сосланный польский уроженец, занимающийся литературою и находящийся с Трубецким в дружеских отношениях.

По всеподданнейшему докладу, что этот польский уроженец должен быть дворянин Эдвард Желигозский, которого в мае же нынешнего года разрешено было перевести на жительство из Петрозаводска в Оренбургскую губернию, государь император, между прочим, высочайше повелеть соизволил: Желиговского перевести в другое место, а не в самый Оренбург; с допустивших беспорядок строго взыскать.

Сообщив начальнику Олонецкой губернии о взыскании с допустивших беспорядок в отношении Желиговского, я покорнейше прошу Ваше превосходительство, во исполнение означенного высочайшего повеления, сделать распоряжение об отправлении Желиговского на жительство в Вятскую губернию, начальнику коей вместе с сим сообщено об учреждении за ним полицейского надзора.

Министр внутренних дел генерал-адъютант Бибииков.

2.

Копия

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Прибывший в г. Оренбург из Олонца польский уроженец Эдвард Желиговский поступил в конце августа сего года в мое пользование с явлениями холеры довольно сильными; кроме того, даже с первого взгляда нельзя было не заметить на лице его какого-то особенного отпечатка давнего и глубокого страдания организма. Припадки холеры хотя не были допущены до полного ее развития, но в той мере, как прекратились все прежние припадки, показались новые и не менее важные, указывающие уже на сильно развивающийся тиф, которым он, Эдвард Желиговский, и по настоящее время одержим... Даже теперь еще силы больного и болезнь в таком состоянии, что не могу признать его вне опасности - равно и время, когда можно

надеяться на его выздоровление, определить с точностью еще трудно, но с вероятностью полагаю, что достаточно не более одного месяца, ежели новых осложнений в его болезни не будет... В чем по долгу службы и чистой совести удостоверяю. Г. Оренбург, 17 сентября 1853 г. Подписал Оренбургского батальона военных кантонистов старший лекарь надворный советник Геппен.

3.

26 сентября 1853 г. Секретно

Господину министру внутренних дел

...Ваше высокопревосходительство изволили от 2-го сентября за № 134 объявить исправляющему должность Оренбургского и Самарского генерал-губернатора высочайшую государя императора волю: Желиговского перевести в другое место, а не в самый Оренбург...

Немедленно по сему исполнения не могло быть сделано по случаю тяжкой болезни, в коей находится в настоящее время Желиговский, как Ваше высокопревосходительство изволите усмотреть об этом из прилагаемого свидетельства медика о состоянии его здоровья, а потому я вынужденным нашел оставить Желиговского в Оренбурге впредь до выздоровления.

Долгом считая сообщить о сем Вашему высокопревосходительству, имею честь присовокупить, что, принимая во внимание удостоверение врачей о том, что употребление кумыса было бы весьма полезно для поправления здоровья Желиговского, чем между тем не может воспользоваться переводом его из Оренбургской губернии, что высочайшая воля последовала в той силе, чтобы не оставлять Желиговского в самом г. Оренбурге, я полагал бы возможным перевести его в г. Уфу.

Но как Ваше высокопревосходительство изволили уже сделать распоряжение об отправлении Желиговского в Вятскую губернию, то предварительно имею честь сообщить о предположении моем на Ваше усмотрение...

Генерал-адъютант Перовский.

4

Секретно

29 сентября 1853 г.

Господину исправляющему должность Олонцкого гражданского губернатора

В последствие отношения ко мне Вашего превосходительства за №№ 3293 и 4435, имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что переведенный из Петрозаводска в здешнюю губернию дворянин Эдвард Желигозский по прибытии в г. Оренбург в конце прошлого года июля месяца подвергнут мною полицейскому надзору.

Подписал генерал-майор Балкашин и скрепил управляющий канцелярией Попов.

Секретно

6 ноября 1853 г.

РАПОРТ

Находящийся в г. Оренбурге под надзором полиции дворянин Эдвард Желиговский при требовании с него прогонных денег, выданных ему из казны на

проезд от Петрозаводска до Оренбурга, в количестве 97р. 81 1/2 к. серебром, отозвался, что, по случаю большого расстояния от имения его, сношения с ним продолжаются почти два месяца, а поэтому он находится теперь в невозможности уплатить требуемых с него денег.

Городничий (подпись)

17 октября 1853 г. Секретно

Господину Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору

Вследствие отношения Вашего высокопревосходительства от 26-го минувшего сентября, имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что я не встречаю пре пятствия дозволить назначенному к высылке в Вятскую губернию дворянину Эдварду Желиговскому остаться на жительстве в Оренбургской губернии, с переводом его только, согласно последовавшему о нем высочайшему повелению, из самого Оренбурга в Уфу, или другой какой-либо город по Вашему избранию.

Министр внутренних дел генерал-адъютант Бибииков.

16 ноября 1853 г.

Его благородию господину частному приставу 2-й части

Вследствие распоряжения его превосходительства господина исполняющего должность Оренбургского и Самарского генерал-губернатора от 12-го ноября за № 128, Секретно объявленного мне при надписи господина Оренбургского городничего от 14-го ноября за № 3182 о немедленном выезде моем из г. Оренбурга в г. Уфу, если состояние здоровья мне это дозволяет, честь имею дать сию подписку в том, что хоть и чувствую облегчение в болезни моей, но еще, по случаю расстроенного здоровья, дороги в Уфу в настоящее время совершить вовсе не могу; как только же, по совету медиков, мне возможно будет предпринять такую дорогу, я немедленно об этом извещу Оренбургскую градскую полицию. При сем прилагаю свидетельство пользующего меня медика.

Эдвард Желиговский

8.

21 января 1854 г.

Секретно

...Р апорт

Находящийся в Оренбурге по высочайшему повелению под надзором дворянин Эдвард Желиговский, получив ныне от болезни облегчение, предполагает выехать в город Уфу...

Городничий (подпись)

4 февраля 1854 г.

Господину исправляющему должность Оренбургского и Самарского генерал-губернатора

...Имею честь донести, что дворянин Эдвард Желиговский прибыл из Оренбурга в город Уфу 28 генваря...

Гражданский губернатор (подпись)

Десять листов из дела "О переводе в Оренбургскую губернию на жительство состоящего в г. Петрозаводске под надзором полиции дворянина Желиговского"3...

Я отыскал его в Государственном архиве Оренбургской области и сразу окунулся в атмосферу той мрачной поры. Отыскал - и открыл для себя страницы жизни вольнолюбивого поэта Польши.

Того, кого другом и братом называл сам Шевченко.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, начинающаяся с письма Тараса Шевченко

Я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что, получив подорожную из Оренбурга в Уфу, немедленно явлюсь за моим прибытием к тамошнему местному начальству.

Эдвард Желиговский
21 января 1854 г.

1.

"Мне давно хочется завести переписку с Совой, но не знаю, как и начать. По-польски я писать не умею, а по-русски как-то неловко, но на всякий случай сообщите мне его подробный адрес. Будешь писать ему, кланяйся и целуй его за меня..."

Первое из дошедших до нас шевченковских писем с упоминанием Сове-Желиговского в собраниях сочинений датируется приблизительно: 1853-й, сентябрь-ноябрь.

Шевченко писал Залескому. Писал с Мангышлака.

К пятьдесят третьему, к июлю (Желиговский, напомним, приехал в Оренбург именно в июле) Тарасу Григорьевичу пришлось уже изведать и бесконечную муштру в Орской крепости, и долю матроса на суровом Арале, и гауптвахту "степной столицы" - Оренбурга, снова Орскую, только теперь ее каземат, и, наконец, Новопет-розское - богом и людьми проклятое место.

(Мне довелось перебраться в Оренбургском архиве горы дел, и сейчас вспоминается одно: с перепиской о просьбе государственных крестьян Самарской губернии Захара Севастьянова и Егора Гриднева позволить им переселиться на Мангышлакский полуостров. Из канцелярии генерал-губернатора просителям ответили, что их желание удовлетворено быть не может, так как "тамошняя местность решительно не способна ни к хлебопашеству, ни к скотоводству и вообще, кроме рыбного промысла и торговли, не представляет поселенцу других способов существования и то лишь при довольно значительных первоначальных с его стороны денежных пожертвованиях".5)

Вот здесь, на этом диком полуострове, уже третий год тянулись безрадостно-унылые дни поэта.

Сюда с одной из "оказий" и доползла-доплелась до него весть о приезде в Оренбург Эдварда Желиговского.

Не один год иду я по следам Шевченко, и путь этот удивительно богат встречами.

Особенно радостны встречи с его друзьями - теми, с кем сблизился он в самое мрачное, самое тяжелое для него время.

О многих мне уже довелось рассказать.

Желиговского я выделил по разным причинам.

Во-первых, среди польских соизгнанников Шевченко он был единственным поэтом - товарищем по музе.

Во-вторых, у их дружбы сложилась судьба необычная.

Многие годы они знали друг о друге, прислушивались к рассказам общих знакомых, заинтересованно следили за делами литературными, но встретиться не могли.

Перебирать возможные места или даты несостоявшихся встреч этих двух людей, думается мне, ни к чему.

Давно уже опровергнуто мнение, будто личное их знакомство произошло в конце 1849 года в Оренбурге; и хоть к этой версии (несмотря на полное ее неправдоподобие) нет-нет да и возвращаются - вытаскивать ее "на свет божий" явно ни к чему.

Встреч личных у них не было ни до сорок девятого, ни до пятьдесят третьего.

Были более важные: у Желиговского - с "Кобзарем", у Шевченко - с "Иорданом".

Где Шевченко впервые услышал эту поэму? От кого? Когда?

На Украине или уже в ссылке - в Оренбурге, в Орской?

От Николая Гулака - приятеля украинского? От Бронислава Залеского или Оттона Фишера-первых польских знакомых на берегах Урала?

Из всех этих вопросов - где? от кого? когда? - наиболее определенно можно ответить только на последний. Когда? Не раньше 1846-го - только тогда "Иордан" вышел первым изданием. Скорее же всего, в 1847-м - тогда-то "драматическая фантазия" получила особенно широкое хождение.

Над Желиговским начали собираться первые тучки - предвестницы будущих бед. Над ним же, Шевченко, уже разразилась гроза, и открыл собой сорок седьмой печальный счет годам его невольничьим.

Есть все основания сказать: "Иордан" для поэта Украины на долгое время стал неотъемлемой приметой... приметой и спутником... года его ареста и ссылки.

Иордан, эмиссар "Молодой Польши", во многом был сродни шевченковским мятежным героям.

Конечно, такой не мог бы сказать: "Я резал все, что паном звалось". Он не дорос до активных действий, он пока не боец в полном смысле этого короткого и очень емкого слова. Но он будет бойцом, будет революционером. Вот как честит паразитов-шляхтичей: "Христиане только на словах". Вот как рассуждает: "Когда крестьянин перестанет быть нашей собственностью, что тогда станет со всею шляхтой? Тогда для шляхты наступит конец..." И страстно утверждает: "Нет, так далее жить нам нельзя!"

Это голос Иордана и голос самого Желиговского. Он понял: "Да, поэзия должна стать иной, должна выхолотить со своей нивы сорняки, должна, наконец, трезво посмотреть себя, избавиться от обычной туманности..."

Шевченко пришел к этому давно и в стихах поляка почувствовал биение сердца близкого себе человека.

...Вам теперь, конечно, понятно, почему, идя по следам Шевченко и встретив на этом пути Желиговского, я решил рассказать о нем отдельно.

Но вернемся к письму, с которого глава началась. "Мне давно хочется завести переписку с Совой..." Слово "давно" выделил я сам.

И впрямь - понятие это весьма растяжимое: десять лет... пять... три... просто месяцы...

В моем представлении возникновение такого желания связывается с долгими душевными беседами Шевченко с Брониславом Залеским во время геологической экспедиции летом 1851 года.

Залеский был давним и добрым приятелем Желиговского: вместе они учились в Дерпте, вместе участвовали в тайном обществе студентов, вместе мечтали о будущем.

В начале 1851-го Желиговский оказался в Петрозаводске. За "Иордана". За участие в прогрессивной печати. За желание издавать новый демократический журнал. Иными словами - за вольнолюбие.

Один из деятельных участников оренбургской политической колонии поляков, Залеский такого рода новости узнавал быстро. Несмотря на рогатки, между ссыльными шла постоянная переписка. И, живя все лето в одной палатке с Брониславом, Шевченко, само собой разумеется, не мог не быть в курсе событий, о которых знал его друг.

Вполне естественным представляется мне желание ссыльного-ветерана, каким стал к тому времени Тарас Григорьевич, написать ссыльному-новичку, чтобы выказать ему свое участие, свою дружбу.

Письмо тогда написано не было. Теперь, по прошествии времени, узнав от того же Залеского о переводе Желиговского в Оренбург, Шевченко думает о не начатой переписке с сожалением. Но и нынче он колеблется, раздумывает: написать? подождать, пока Желиговский напишет сам?

"...На всякий случай сообщи мне его подробный адрес..., Будешь писать ему, кланяйся и целуй его за меня..," это "будешь писать" говорит о многом, Шевченко успел узнать, что в Оренбурге польский изгнанник не оставлен, что его перевели дальше, в Уфу!

Письмо министра иностранных дел Бибикова с решением по этому вопросу имеет дату: 17 октября. В канцелярию Оренбургского генерал-губернатора оно прибыло к 25-му. На берег Каспийского моря весть дошла неделю или даже две спустя, так что Шевченко мог написать свое письмо не ранее ноября.

Выходит, дата его - "сентябрь - ноябрь" - уточняется.

Не ранее ноября... Это если отталкиваться от распоряжения Бибикова. "Будешь писать ему, кланяйся..." Шевченко знает, что Желиговский уже в Уфе. Значит, он отвечает на неизвестное нам письмо Залеского, написанное после того, как новый изгнанник проследовал во "второй город" губернии.

Вспомним, когда это произошло.

Выехал из Оренбурга 21-го, прибыл в Уфу - 28-го.

Не в ноябре и не в декабре - в январе.

Не в пятьдесят третьем - в следующем, 1854-м.

Почему же письмо отнесено к переписке 1853 года?

"В оригинале даты нет,- читаю в примечаниях к новому, юбилейному изданию шевченковских произведений.- Датируется на том основании, что переписка Шевченко с Бр. Залеским началась в 1853 г. после совместного участия в Каратауской экспедиции на полуостров Мангышлак, а также на основании содержания письма и, в

частности, просьбы Шевченко написать письмо Аркадию Венгжиновскому. В письме, датированном "1854. Генваря", Шевченко уже благодарит за письма Венгжиновскому, стало быть, данное письмо написано в 1853 г. Сентябрь - ноябрь обозначается на основе слов Шевченко: "Благодатное лето прошло..."

Ежели бы не было других примет, могли послужить и эти. Но разве о лете вспоминают только осенью и забывают зимою? Разве, поблагодарив "за письма к Аркадию", нельзя попросить друга написать ему снова?

Не очень убедительно.

Более веским кажется мне другое: "Я вчера только узнал от Мостовского, что Колесинский в Оренбурге..." Веским от того, что Балтазар Колесинский (один из тех, кто изображен на известном рисунке А. Чернышева) мог прибыть в Оренбург - после отлучия при Ак-Мечети - лишь в самом конце 1853 года. А Шевченко откровенно сожалеет, что узнал о перемене в жизни друга с опозданием.

Ну, и вывод?

Письмо написано в начале 1854 года - не в январе даже, а в феврале.

Из переписки 1853-го его пора исключить.

Зато эпистолярное наследие следующего, пятьдесят четвертого окажется богаче. И кое-что станет на свое место...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ или спор о "трех людях"

Литература о Желиговском чрезвычайно скудна. Несколько названий на польском, русском и белорусском языках исчерпывают весь список.

Наиболее заметные статьи появились в связи со 150-летием со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Я имею в виду статью Э. Мартыновой и А. Мальдзис "Шевченко и Желиговский" в минском сборнике 1964 года,⁶ а также статью Н. Мещерского "Тарас Шевченко и Эдвард Желиговский" в журнале "На рубеже".

Бесспорно, исследователи из Белоруссии подняли гораздо большие пласты материала. Они выезжали в Польшу и там, в Кракове, разбирали личный архив Желиговского. Они прочли в оригинале произведения польского поэта - прочли и проанализировали. Им удалось раскрыть перед нами весь путь этого человека. Подробнее о нем не писал пока никто.

Н. Мещерский столь широкой задачи перед собой не ставил. Но немало нового сказано и им. Как не заинтересоваться упоминанием о деле Желиговского в Государственном архиве Карельской АССР, касающемся жизни его в Петрозаводске? Или историей "битого" олонецкого губернатора Писарева, с которой автор статьи связывает возникновение замысла шевченковской поэмы "Сатрап и Дервиш"? К сожалению, взаимоотношения Шевченко и Желиговского раскрываются им лишь на основе цитат из уже известных писем, без попытки пересмотреть традиционный взгляд на содержание переписки.

А пересматривать надо.

Первое из опубликованных писем к Залескому, как оказалось при более тщательном его прочтении, написано не в сентябре - ноябре пятьдесят третьего, а в январе- феврале пятьдесят четвертого. И, выходит, оно - не первое! Первое это то, которое Шевченко сам пометил январем 1854 года. Значит, первые из известных нам

слов Тараса Григорьевича о Желиговском: "Иордана" и Сову я знаю, как твое сердце..."

Что касается строк, продолжающих эти, то толкование их занимало (и занимает) многих.

"Иордана" и Сову я знаю, как твое сердце, и, спасибо трем людям, теперь уже не в Петрозаводске, которые знали меня лично и не забыли меня, а тому, что остался один из трех, посылаю сердечный поцелуй, а тем, которые знают меня не лично и вспоминают обо мне, тысячу кровосердечных поцелуев и братскую любовь".

Эти строки пытался прояснить сам Бронислав Залеский.

Комментируя их много лет спустя, он в какой-то мере передал содержание им же посланного на Мангышлак сообщения о жизни польского поэта в Оренбурге. "Желиговский, приехавший из Петрозаводска на Онеге,- читаем мы в комментариях-воспоминаниях Залеского,⁸ - рассказал, что трое старых знакомых Шевченко много ему (Желиговскому - Л. Б.) говорили о нем с большой любовью. Это доставило большую радость несчастному пустыннонику".

Но и здесь лишь намек - ничего определенного.

Н. Мещерский старается его расшифровать, думает над ним, ищет разгадку; и я понимаю, каких трудов стоит каждый шаг, скольких усилий он требует.

Не все предположения можно принять даже для начала. Называются, например, высланные в Петрозаводск Липпоман и Макаров ("...эти лица, без сомнения, могли рассказывать Желиговскому об украинском поэте"). Могли, не спорю. Но Шевченко пишет о тех, которые знали его лично, а и с Липпоманом, и с Макаровым знакомство состоялось много позже. И даже то, что в Петрозаводске Липпоман был соседом Андрузского - на самом деле с поэтом знакомого - положения не меняет.

А вот с мыслью об Андрузском, как одном из трех в Петрозаводске, которые Шевченко знали и не забыли, не согласиться нельзя.

Георгий Львович Андрузский был членом Кирилло-Мефодиевского братства. Его знакомство с Шевченко произошло в 1846-м, во время учения в Киевском университете. Под влиянием революционной лирики Кобзаря и сам он начал писать стихи - горячие, бунтарские. Достаточно прочесть написанное еще перед арестом его стихотворение, обращенное к Шевченко, чтобы стало ясно: любовь к своему великому знакомцу, преклонение перед ним поселились в сердце этого человека навсегда.

Дальнейшая биография Андрузского известна в самых общих чертах, да и нет в ней сейчас особой надобности. Важно то, что в начале пятидесят четвертого он был уже не в Петрозаводске. Стало быть, есть еще одно подтверждение: речь в письме идет о нем.

Других,- которые бы, как Андрузский, знали Шевченко лично, и как он же, из Петрозаводска к тому времени выехали,- назвать пока не удастся. Искать их, уверен, надо в архивах олонечских властей, в дебрях полицейских дел.

Есть еще одно имя, которое называет Н. Мещерский, и называет первым: Василия Михайловича Белозерского, тоже члена Кирилло-Мефодиевского братства.

Соглашаясь с таким утверждением, хочется внести уточнение - Белозерский это тот, кто "остался один из трех" и кому Шевченко посылает в письме свой "сердечный поцелуй".

Из чего это вытекает? Да из того, что еще из Уфы продолжали идти к Белозерскому в Петрозаводск письма от Желиговского. Обстоятельство, на мой взгляд, достаточно убедительное.

Я разбираю очень важное письмо и потому не позволяю себе торопиться. Поспешный вывод - не самый надежный.

Не очень давно мне удалось прочесть новую книгу В. А. Дьякова "Тарас Шевченко и его польские друзья".⁹ Я внимательно слежу за работами этого исследователя, они скрупулезны и вдумчивы. Но что это? Приведя "ребус, над решением которого шевченковеды долгие годы бьются безуспешно" (так он характеризует все то же место из письма Т. Г. Шевченко), автор вдруг отказывается от всяких аргументов и сразу переходит к выводам: "Назвать точно этих лиц пока нельзя, но можно предполагать, во-первых, что речь шла преимущественно, а может быть и исключительно, о поляках, во-вторых, что в их число должен быть включен Ромуальд Подберезский... Подберезский дружил с Желиговским и высланный в Архангельскую губернию по одному с ним делу в 1854 г. еще оставался там".

Почему только "о поляках"? На каком основании - Подберезский? Конечно, было бы удачей заполнить недостающую клеточку этой фамилией (кстати, Подберезского называют и белорусские исследователи). Если говорить отвлеченно, его "кандидатура" вполне подходит: и личное знакомство с Шевченко, и личная дружба с Желиговским. Но ведь Пинега не Онега, а Архангельск не Петрозаводск. В уме держать можно, утверждать - нельзя. А продолжать поиск - обязательно...

О чем мне хотелось бы, в связи с этим же письмом, сказать еще? О последних строках того же "ребуса". О строках, которые обходят почему-то все: "...а тем, которые знают меня не лично и вспоминают обо мне, тысячу кровосердечных поцелуев и братскую любовь".

Кто они? Кому посылает любовь и поцелуи Шевченко? Для меня это, прежде всего, сам Желиговский. Для меня это и его друзья, в том числе не знакомые с Тарасом Григорьевичем лично, но, бесспорно, о нем наслышанные, - князь Сергей Трубецкой и поэт Александр Жемчужников.

Трубецкой и Жемчужников снимали в Оренбурге одну квартиру. Желиговский, как приятель Трубецкого, был вхож к обоим. Судьба высланного на берега Каспия певца Украины не могла быть безразличной ни тому, ни другому. Впоследствии братья Жемчужниковы станут его искренними друзьями.

...Мы часто ссылаемся на письма Шевченко и его друзей, извлекаем цитаты (чаще всего одни и те же), толкуем их (слишком доверяясь традиции), но редко, очень редко даем себе труд прочесть известное как бы заново, отказаться от прежнего толкования, поспорить с предшественниками и с самим собою, сказать свое. И это - мешает. Мешает идти дальше.

ГЛАВА ПЯТАЯ с некоторыми подробностями предположениями о днях оренбургских

1.

В январе 1854 года закончилось кратковременное пребывание Желиговского в Оренбурге.

Впрочем, полгода - срок не столь уже малый. Тем более, когда оказываешься в городе с бьющей ключом политической мыслью.

Политической мыслью?.. Это о тогдашнем Оренбурге?!.. Нет, я не оговорился. Далек от столиц, по казенному унылый, город на берегу Урала нес в себе активный заряд общественной мысли.

Сотни ссыльных, проезжая через Оренбург или оседая в нем на годы, отовсюду приносили с собой неостывший накал идейных споров, отзвуки подавленных восстаний и отнюдь не развенчанные мечты о свободе, о борьбе за нее - борьбе до победы.

Участники студенческих обществ... Те, кто вел пропаганду в армии... Петрашевцы...

Но особенно много было поляков. Мысленно переносясь в пятидесятые годы, я представляю себе русский город Оренбург одним из центров бурлящей, бушующей Польши. Парадокс? Истина! Настолько большая сложилась тут польская колония. Так много - "по милости государя" - собралось в здешних казармах и в здешних учреждениях "переведенных" или просто высланных из Царства Польского.

Смело можно сказать - Желиговский стремился сюда не ради кумыса. В этом случае его не могла бы опечалить перспектива службы не в Оренбурге, а в Уфе: кумысом был богат и север губернии.

Его привлекала возможность быть в большом кругу друзей - людей общих с ним устремлений, общей судьбы.

Он знал об их жизни многое: между Петрозаводском и Оренбургом издавна установилась живейшая переписка. Да и без писем каналов взаимной информации существовало немало.

Когда интересуешься - знаешь...

2.

Зыгмунт Сераковский... Ян Станевич... Людвиг Турно... Юлиан Ковальский... За каждым из этих (да и только ли этих?) имен была не очень к тому времени долгая, но насыщенная делами жизнь патриотов.

А проявить им себя было суждено еще больше - особенно Зыгмунту.

Он, которому предстояло стать одним из вождей национально-освободительного движения, признанным и прославленным героем восстания 1863 года, в Оренбурге являлся душой кружка единомышленников, душой всей колонии политических ссыльных.

К приезду Желиговского за плечами Сераковский было уже пять лет службы в оренбургских батальонах - сначала солдатом, затем унтер-офицером. Мангышлак... Уральск... Оренбург... Жизнь провела его через суровые испытания, но не растоптала, не согнула.

С давнего времени вошли в историю "великомолочные вечера" у Сераковского. За недостаточностью средств гостеприимный хозяин, вместо вин и закусок, ставил на стол кувшин молока. Но какая разница, что стоит на столе, если горят сердца и о многом надо подумать, высказаться, посоветоваться, поспорить? Сколь бы остры они ни были, споры не только не отдаляли изгнанников, но, напротив, все крепче их соединяли. Эти люди стали силой, которой вынуждены были опасаться даже высшие губернские власти.

Никаких документов у меня на сей счет нет, однако я утверждаю: Желиговский на "великомолочных вечерах" бывал.

Не быть он просто не мог.

3

Не мог!

"...Везде в духе религиозной таинственности проявляются намеки на возрождение Польши и авторы... стараются возбудить надежду на какую-то предстоящую этому краю лучшую будущность, осуждают упадок духа и недостаток сочувствия к! общему делу в своих соотечественниках и гласом пророческим требуют от НИХ терпения, усилий и деятельности... Сочинители проповедают о необходимости исправления нравов, о просвещении крестьян и сближении с ними помещиков, отклоняют от вступления в государственную службу и во многих местах излагают мысли и понятия настоящего коммунизма".

Относится это к "великомолочным вечерам", к разговорам, которые там велись? Выражает суть споров, потрясавших небольшую квартиру Сераковского? Конечно!

Цитата извлечена из уже известного нам донесения виленского генерал-губернатора в связи с делом о "неблагонамеренных сочинениях", изданных Эдвардом Же-лиговским, Ромуальдом Подберезским и Владиславом Полубинским. "Иордане" - прежде всего.

Так возможно ли, чтобы автор нашумевшей поэмы, человек, в прогрессивных кругах известный, вдруг оказался в стороне от поборников польского национально-освободительного движения?

Это было бы необъяснимым.

...Ежели б удалось найти дом, где жил Сераковский, и стало возможным прикрепить к его стене памятную доску, я настоял бы на том, чтобы в мраморе высекли не только имя Зыгмунта, но и имена других участников "великомолочных вечеров". В их числе - непременно - Желиговского.

Многих памятных мест мы не знаем.

Где, например, жил в Оренбурге русский поэт Александр Жемчужников - один из создателей знаменитого Козьмы Пруткова?

Вопрос не отвлеченный. Его имя я упоминал в предыдущей главе. Хочу вернуться к нему еще раз. К нему и - Трубецкому.

Вот отрывок из записок старожилы И. В. Чернова: "При В. А. Перовском находились художник и карикатурист Грановский, член географического общества Небольсин, составивший подробное историко-географическое исследование Оренбургского края, полковник генерального штаба И. Ф. Бларамберг, составивший для военно-топографического отдела самую подробную карту Оренбургского края и принадлежащей к нему части Киргизской степи. Но душою общества был родной племянник В. А. Перовского - Александр Михайлович Жем-чужников. Ни одно празднество и ни одна холостая пирушка не обходились без него и без сосланного в Оренбург князя Трубецкого..."

Другая выписка - из газеты конца прошлого века: "Во время пребывания своего в Оренбурге А. М. Жем-чужников постоянно нуждался в деньгах, несмотря на то, что получал их от отца и от дяди - графа Перовского. Нередко случалось, что у него и его сожителя князя Сергея Трубецкого, сосланного в Оренбург рядовым за увоз жены петербургского сахарозаводчика Жадимировского, по несколько дней не было ни дров, ни свечей, ни денег".

Для меня это достаточные засвидетельствования факта дружбы поэта Жемчужникова и секунданта Лермонтова.

Дружеские отношения Трубецкого и Желиговского, отмеченные и олонецким губернатором, и самим министром внутренних дел, не могли оборваться с приездом в Оренбург.

Двери квартиры Жемчужникова и Трубецкого наверняка не раз открывались навстречу Желиговскому.

Это примечательно само по себе. Это вдвойне примечательно тем, что в далеком степном городе сошлись двое завтрашних друзей - Шевченко и тот, кого дарил своей симпатией Лермонтов. А если вспомнить нежную и верную шевченковскую любовь к русскому гению... Да, примечательно весьма!

Оренбург дарил Желиговскому встречи... знакомства... друзей...

Он приехал сюда в дни, когда русские войска вплотную подошли к Ак-Мечети, и вскоре стал свидетелем общего ликования в связи с тем, что "неприступная" ко-кандская крепость оказалась поверженной.

В штурме ее участвовали многие из ссыльных. Под пули их посылали охотно. Да и сами они на горячие дела шли без колебаний. Опальные дворяне за отличия в боях могли заслужить хотя бы низший, но офицерский чин, а это открывало перспективу выхода в отставку и отъезда на родину. Ради такого права, считал каждый, стоило подвергать себя опасности. Для чего жить, если насильственно отторгнут от родных краев, от близких людей, от настоящих дел?

Из Ак-Мечети вернулся Бронислав Залеский. Он рассказывал много интересного-и о экзотике мест, в которых довелось побывать, и о трудностях похода, и о героизме участников штурма. Неплохой рисовальщик, Залеский открывал свои альбомы, и его живые зарисовки еще более усиливали впечатление.

Бронислав - однокашник в Дерптском университете, товарищ по тайной студенческой организации Ш. Конар-ского и Ф. Савича - стал для Желиговского самым близким другом. Другом, а во взаимоотношениях с Шевченко - безукоризненно-надежным связным.

Сколько будем писать о дружбе поэтов Украины и Польши, столько раз помянем мы добрым словом Залеского - верного спутника их обоих.

Друзья, настоящие друзья помогли Желиговскому побороть тяжелую болезнь.

"В 1853 г. Оренбург посетила азиатская гостя - холера... Люди умирали..."

Это свидетельство того же старожилы Чернова.

("Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова" многое дают для характеристики города и края в те годы; к сожалению, книга эта шевченковедами не используется).

Холера свела бы в могилу и Желиговского. Но друзья в Оренбурге смогли быстро организовать медицинскую помощь, и жизнь его удалось спасти. Не одну неделю находился он на волоске от смерти, не одну неделю затем шло трудное выздоровление, и не будь моральной и материальной поддержки, дружной и заботливой семьи ссыльных,- исход был бы роковым.

В стихотворении "Больной", рожденном в Оренбурге, Желиговский писал: "Все мне помощь несут без меры".

"В сожженные губы вливают надежду и я воскреснуть должен",- вспоминал он долгие, тягостные дни своей болезни и тут же называл имена некоторых из тех, кто своей заботой вырвал его у смерти: аптекаря Цейзика, хорошо известного нам по письмам Шевченко, врача Геппена, польского ссыльного (тоже медика) Ярошевича.

Друзья спасли его.

Друзья сделали все, чтобы Желиговский остался среди них, в их семье.

В этой семье часто и хорошо говорили о Шевченко.

Вестей с Мангышлака ждали с особым нетерпением, письма читали вслух, новости переживали вместе. Он был здесь своим, дорогим и близким человеком.

И все ближе становился Шевченко Желиговскому. Ближе и понятнее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой продолжается публикация документов выделены два подлинных письма Эдварда Желиговского из Уфы

Генерал-адъютанту В. А. Перовскому, Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору

Ваше высокопревосходительство!

∴ По причинам, хорошо понятным каждому человеку, которому известно Ваше имя, я осмеливаюсь обратиться к Вашему высокопревосходительству.

Изгнанный из родных мест за свои произведения, до этого одобренные цензурой, я в течение четырех лет перенес всевозможные бедствия, которые и сейчас преследуют меня, как ссыльного. В довершение моих несчастий, в прошлом году я потерял отца и с ним вся моя семья лишилась своего главы. Нашего маленького состояния, полностью разоренного, едва хватает, чтобы содержать старую несчастную мать.

В течение четырех лет моей ссылки, несмотря на высочайшее разрешение и некоторые привилегии, которые мне даются как имеющему диплом кандидата, я не мог нигде добиться места и поэтому был приговорен к физической и гражданской смерти. Несчастье усугубилось тем, что я потерял свое здоровье. В Уфе я также не сумел получить места.

Находясь в крае, где Ваше высокопревосходительство является главой, я решил обратиться к Вам. Позвольте сказать Вам слово искреннее, которое исторгается из глубин моей души. Создавшееся положение является для меня плачевным и морально убивает. Трудно представить себе, что я пережил и переживаю после того, как всю жизнь старался чему-нибудь научиться, привык к жизни интеллектуальной, в лучшем обществе, а теперь, когда чувствую в себе силы быть полезным для добрых дел, не имею никаких возможностей для этого и провожу свои дни в болезненном застое, обрекающем меня на гибель.

По причинам, которые уже высказаны, я осмеливаюсь просить Ваше высокопревосходительство предоставить мне возможность встретиться с Вами, чтобы Вы стали моим судьей. Если я могу рассчитывать на сочувствие в несчастье, которое переживаю, если достоин чести, которой у Вас спрашиваю, и заслуживаю Вашего доверия, то именем провидения прошу о сказанном.

Имею честь пребывать в глубоком уважении

22 сентября 1854 г. Эдвард Желиговский

(Перевод с французского.)

Письмо по назначению дошло - в противном случае его не было бы в уже знакомом нам деле губернаторской канцелярии.

Но... аудиенции не последовало. О ней в последующих бумагах-ни слова. "Доверием" генерал-губернатор не удостоил. Ответом- тоже...

3.

Докладная записка

В январе месяце 1851 года я был выслан из г. Вильно в Петрозаводск, под надзор полиции, за сочинение мое на польском языке под названием "Fantazja Dramatyecz-na Jordan" (Иордан, Драматическая фантазия), вышедшее сперва в 1846, а потом, вторым изданием, в 1847 году, оба раза с дозволения Виленского Цензурного Комитета; потом разрешено мне было жить в Оренбурге, и, наконец, местом жительства моего назначен был г. Уфа.

Отзывы местных начальств гг. Петрозаводска, Оренбурга и Уфы о моем поведении и образе жизни, по убеждению моей совести, не могут быть для меня невыгодны; прежде моей ссылки я вел себя, сколько могу судить, также безукоризненно, в чем ссылаюсь на самое начальство, признавшее необходимым удаление мое из родины. Все это, а равно и то, что поводом к наказанию моему было сочинение, в котором сама цензура, при двукратном рассмотрении, не нашла ничего предосудительного, дает мне смелость, после 4 1/2 лет ссылки, испрашивать облегчения моей участи и

в 1-х, избавить меня от тягостного для меня официального полицейского надзора.

во 2-х, так как я не желаю жить на родине, откуда был сослан и где вновь, будучи раз заподозрен, могу, без всякой вины, навлечь на себя подозрение, позволить мне пребывать в Москве, Петербурге или, наконец, в Варшаве; посвятивши себя литературе и занятиям наукою, я испрашиваю дозволения жить в одной из столиц, где для занятий моих предоставится более способов, чем в других местах, и где, с другой стороны, правительство будет более иметь средств, чем где-либо, следить за моим поведением и образом мыслей.

Пребывание в Петербурге я предпочел бы возможности жить в Москве или Варшаве, как потому, что совершенно расстроенное мое здоровье требует помощи искусных врачей, так и потому, что в министерстве государственных имуществ производится дело о следующих мне и братьям моим деньгах, которое требовало бы личного моего пребывания в Петербурге. Во всяком случае, где бы мне ни дозволено было жить, я испрашиваю как особенной милости дозволения заехать на родину, чтобы увидеться и проститься с престарелою моею матерью и с моим семейством.

Коллежский секретарь Эдвард Желиговский,
1855 года, июня 8 дня, г.Уфа

По поводу докладной записки, посланной в тот же адрес, что и письмо, только восемь с половиной месяцев спустя, генерал-губернатор "входил в сношение с г. Глав-ноначальствующим над 3-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии". Ответ, увы, обрадовать не мог. Граф Орлов, начальник 3-го Отделения, на запрос из Оренбурга отозвался, что он "находит неудобным ходатайствовать в настоящее время по означенному предмету". Правда, граф пообещал "иметь в виду". Но легче ли стало от такого обещания? Много ли радости?

Радости жизнь не дарила...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой оспаривается последнее утверждение предыдущей

1

И в пятьдесят четвертом, и в пятьдесят пятом Желиговский жил в Уфе.

В пятьдесят шестом, пятьдесят седьмом, наконец, пятьдесят восьмом он оставался там же.

Как жил? Представление об этом дают его деловые письма. В каких материальных условиях? Из переписки канцелярий двух губерний по поводу взыскания с Желиговского прогонных за переезд из Петрозаводска в Оренбург явствует: взыскивать было не из чего "по бедному его состоянию". Только через четыре года по приезде в Оренбург смог рассчитаться он с олонецкими властями.

Жизнь в незале, в нужде...- какие уж тут, скажите на милость, радости?

Но не хлебом единым жив такой человек.

И это заставляет меня поспорить с самим собою.

Не дарила жизнь радости? А друзей?.. Дружбу?..

Без этого Желиговский не смог бы не только писать - жить.

"По скату высокой и довольно крутой горы, разделенной большим оврагом, в глубине которого струится быстрая небольшая речка Уфа (здесь неточность, нужно: Сутолока - Л. Б.), небрежно разбросано множество домов и церквей разнообразной архитектуры. Там под железною крашеною крышею возвышается огромное каменное здание с каланчою, по всем признакам принадлежащее казне, тут видите и одноэтажный с обширным двором и садом барский дом; здесь с золотыми главами величественно возвышающийся древний соборный храм, неподалеку тянутся каменные и деревянные ряды гостиного двора... Между всеми этими предметами рассеяны без порядка дома зажиточных обывателей и хижины бедных ремесленников. Но главный предмет, обративший наше внимание, огромное каменное здание с четырьмя башнями, это губернский тюремный замок".

Приведенная мною зарисовка Уфы сделана в начале второй четверти прошлого столетия. К пятидесятым годам город изменился мало.

Он, как и Оренбург, по-прежнему оставался местом ссылки; вслед мятежным семеновцам, греческим гетери-стам, разжалованным офицерам-декабристам, участникам польского восстания 1830 года отправлялись сюда другие бойцы за свободу.

Второй город Оренбуржья постепенно становился первым по численности населения: в 50-м в Оренбурге жило 9882 человека, а в Уфе -12900. Здесь находилась резиденция гражданского губернатора - гражданская власть губернии. Здесь, наконец, был культурный центр весьма обширного края. С гимназией, духовной семинарией, институтом благородных девиц и другими учебными заведениями. С театром, который уже показывал гоголевского "Ревизора". С единственной на всю губернию газетой.¹⁴

"Оренбургские губернские ведомости" имели две части: "официальную" и "неофициальную". Среди материалов неофициальных все чаще печатались заметки о прошлом края, о его этнографии. Интерес к этому возрастал. И не только в кругах местной интеллигенции.

Именно в это время, точнее - весной 1856 года, в Уфу приехал Михайлов.

Его имя упоминается в датированном сентябре этого же года письме Бронислава Залеского к Тарасу Шевченко:

"Варнак", приготовленный к печати, то есть переписан, остался у Соы, вместе с принадлежащим ему экземпляром - он этого желал, потому что хотел передать его Михайлову, одному из теперешних писателей, с которым он очень хорош, и который пишет во многих журналах. Когда я был в Уфе, его там не было и потому "Варнак" остался на попечении Соы; ему там будет хорошо, поверь, друже мой,- и он, верно, не забудет и не затеряет его"¹⁵

К письму Залеского и, вообще, к переписке о повести "Варнак" (в переписке той имя Желиговского упоминается часто) мы с вами еще вернемся. Эти же строки приведены здесь исключительно ради того, чтобы обратить внимание на дружбу, которая родилась в Уфе - поэта польского и поэта русского.

Для Михаила Ларионовича Михайлова - поэта, романиста, переводчика и критика, сотрудника "Отечественных записок" и "Современника" - этот город был почти родным. Тут, после смерти отца и матери, он жил у родственников, учился в гимназии.

И когда в середине пятидесятых годов в морском министерстве родилась идея литературно-этнографической экспедиции ("Подыскать между молодыми даровитыми литераторами лиц, которых мы могли бы командировать на время в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озера наши для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в "Морской сборник") Михайлов охотно согласился поехать по Оренбургскому краю.¹⁶

Первым пунктом длинного маршрута стала Уфа. Вряд ли располагал он адресом Желиговского ранее (иное дело - если бы перед тем заезжал в Оренбург). Но отыскивали друг друга очень скоро.

У Михайлова издавна выработалось тонкое чутье на таких людей, как его нозый знакомый. Еще в детстве, в Илецкой Защите, подружился он с политическими ссыльными. На первой же лекции в Петербургском университете судьба свела его со студентом Чернышевским, и между ними возникла большая дружба. К своим двадцати семи (день рождения был отмечен незадолго до отъезда в Уфу) молодой литератор уже сделал выбор, уже определил главное в своей жизни: служить народу, отстаивать его права. Как революционный демократ он еще не сформировался, однако процесс этот шел быстро. Не приходится сомневаться, что Желиговский и Михайлов нашли общий язык без всяких затруднений.

И тот, и другой (первый - работая в губернской канцелярии, второй - путешествуя по краю) своими глазами видели, сколь тяжки страдания простого люда. К угнетению, к бесправию прибавлялись страшные последствия неурожая: голод и эпидемии. Помещики спасались бегством, оставляя подневольных крестьян на произвол судьбы. "Гадостей нет числа",- с гневом, с болью говорил Михайлов; это было, несомненно, мнением и самого Желиговского.

Не исключено, что какое-то время они могли ездить вместе. Прямых подтверждений в моем распоряжении нет, косвенным же ллне сдается упоминание в июньском (1856 года) письме Залеского к Шевченко о том, что их общего друга, Желиговского, "послали производить какие-то следствия в губернии и по новости и неприятности этого занятия для него он, верно, и минуты свободной и хорошей не

имеет". Тогда как раз, прожив некоторое время в Уфе, отправился по Белой, Уфе и Деме Михайлов.

Но если даже поездка была отдельной, параллельное изучение жизни губернии в одно и то же время не могло не способствовать более тесному сближению литераторов-свободолюбцев. Михайлов (это тоже сомнений не вызывает) расширил круг знакомых Желиговского, "передав" ему некоторых своих уфимских друзей. Одновременно он как бы ввел польского поэта - ввел пока заочно - в те литературные и общественные круги Петербурга, с которыми ему, опять же не без посредства Михайлова, предстояло лично сблизиться после возвращения из ссылки.

Отсюда - вполне определенный вывод Залеского об отношениях Желиговского и Михайлова, об их дружбе.

На обороте, одного из шевченковских автопортретов- того, что сделан карандашом на цветной бумаге и изображает Шевченко с бородой, с лысиной, в рубахе с большим воротом,- можно прочесть:

"Портрет этот передан мне в пятидесятых годах прошедшего столетия сосланными в Оренбургский край поляками, по поручению Т. Г. Шевченко, нарисован им самим в то время, когда томился в изгнании в пустынях Каспия с запрещением не только писать, но и рисовать. Этот дорогой мне подарок передаю, достигши 86 лет.

Обществу, основанному в память Т. Г. Шевченко. Октября 1906 года. Бывший Оренбургский губернатор Е. И. Барановский".¹⁷

Егор Иванович Барановский 8 июня 1853 года был назначен вице-губернатором, но и до назначения своего губернатором (в начале 1859-го) часто исполнял эту должность, причем подолгу. Например, с 16 февраля 1855 по 14 июня 1856 года. Обо всем этом нам сообщает его аттестат о службе).

Закономерно предположить, что автопортрет Шевченко Барановскому передали именно в Уфе - постоянной резиденции гражданского губернатора.

Сведения, сообщенные в надписи, указывают на два первостепенных обстоятельства. Первое - произошло это в годы, когда среди подчиненных ему по службе чиновников находился Желиговский. Второе - Барановский поддерживал дружеские связи с сосланными поляками и пользовался их доверием.* Он, безусловно, знал о царском приговоре Тарасу Шевченко. Тем не менее портрет, сделанный вопреки монаршему запрету, был принят. И не просто из нежелания обидеть. Слова "дорогой мне подарок" говорят сами за себя.

Можно предположить, что карандашный автопортрет, выполненный, скорее всего, во время экспедиции в Кара-Тау, был привезен в Уфу Брониславом Залеским. Не исключено, что к известному нам владельцу он попал не сразу, а первоначально был передан Желиговскому и уж им - Барановскому.

В Уфу Залеский приезжал не раз. Но, вновь и вновь

* Небезынтересно заметить, что жил тогда в Уфе и добрый знакомый Т. Г. Шевченко Людвиг Турно (его имя упоминается в "Оренбургских губернских ведомостях" за 11 мая 1857 года). На знакомство Турно с Желиговским указывается в одном из шевченковских писем, раздумывая над высказанной версией, я связываю передачу автопортрета с его поездкой в 1855 году, о которой Шевченко упоминает в сентябрьском своем письме к другу. В том же письме он искренне, сердечно благодарит за пересланный Брониславом портрет Желиговского, и это наталкивает на мысль о произведенном, с помощью общего оренбургского знакомого, обмене

портретами. Именно обмене. И один из них - тот, который позднее оказался у Барановского.

Е. И. Барановский был человеком широких взглядов.

В его личном архиве хранятся (к сожалению, не привлекая внимания исследователей) двенадцать писем от Михаила Васильевича Авдеева, популярного в то время писателя, произведения которого - особенно "Тамарин" и "Подводный камень" - пользовались в пятидесятые-шестидесятые годы довольно большой известностью.

По характеру сведений, которые сообщал Авдеев, можно судить об интересах и его адресата.

"...Что поразительно для русских (которых везде пропасть), это количество и влияние герценовских изданий,- писал Авдеев из Швейцарии в 1857 году.- Их расходуется так много, что выходит 2-е издание". О Герцене в том же письме есть еще несколько строк. Авдеев пишет, что "...все новое доходит до него и им обсуживается", с удовлетворением отмечает выход, наряду с "Полярной звездой", также и "Колокола".

С горечью думает Михаил Васильевич о родине. "Когда подумаешь, что вся подлость у нас в ходу и что это стало каким-то логическим порядком, так бы и хотелось плюнуть презрением..." - говорит он. "Скажите, пожалуйста,- спрашивает Авдеев Барановского,- что подельывается и затевается нового в нашей доброй Оренбургии? Дождалась ли она, наконец, что ее разбудят из усыпления и дадут хоть какой-нибудь ход ее развитию?.."

Нет, не зря сделал я все эти выписки. Писем Барановского- второй части переписки - в архиве нет. Но в высказываниях Авдеева мне слышатся мысли и его уфимского адресата - человека, следящего за событиями, за развитием общественной мысли.

К Желиговскому он отнесся весьма участливо. Любопытен такой факт.

В штат канцелярии гражданского губернатора его зачислили еще 20 марта 1854 года - едва ли не сразу по приезде. Но переписка об "устройстве" Желиговского (о том, что "все старания приискать службу в месте жительства бесполезны по сосредоточию в Уфе лишь мест губернского управления", а, стало быть, он должен быть возвращен в Оренбург, где мог бы "применить свои знания") продолжалась еще полгода, даже больше. Эта "хитрость", совершенно очевидно, была устроена друзьями-доброжелателями не без участия Барановского. Уж он-то знал, что Желиговский состоит в его штате! Но - знал, понимал и другое: в Оренбурге с его большой колонией политических ссыльных среда для поэта куда более благоприятная.

И впоследствии, когда Желиговский в Уфе уже утвердился, Егор Иванович не раз спрашивал у Перовского "милостивого ходатайства... об облегчении его участи".

Не без участия Барановского коллежский секретарь

Желиговский получил возможность выезжать в командировки по губернии, а это не только обогащало его представления о жизни, но и позволяло встречаться с земляками.

Частым гостем бывал поэт в доме Барановского. Искренним его другом стала супруга вице-губернатора Екатерина Карловна - человек образованный, музыкальный. "О женщина-ангел!" - обращался Желиговский в одном из своих стихотворений, ей посвященных. Таких стихов несколько, и они позволяют сделать вывод: этот дом был для изгнанника домом поистине добрым.

4.

"В свите Перовского приехал статский советник Василий Васильевич Григорьев, как отличный стилист в писании разного рода бумаг..."

Отставной генерал-майор Чернов, на любопытные записки которого я уже ссылался, достоинства Григорьева приуменьшил: он был не только стилистом, а и знатоком языков и стран, поэзии и философии, был географом, археологом, нумизматом. К тому времени за ним уже прочно утвердилась слава крупного ученого. Как талантливый ориенталист и умелый организатор, Григорьев в начале 1854-го получил назначение на пост председателя Оренбургской пограничной комиссии.

Под его начало и хотели определить Желиговского друга.

"В Оренбурге составилась у Григорьева,- писал его биограф Н. Веселовский,- свой круг знакомых, с которыми вскоре сошелся он весьма близко, беседовал по душе. Это были: правитель канцелярии Перовского П. Н. Глебов, "идеал гражданина и человека", один из ссыльных, "душа чрезвычайно чистая и теплая" - Зал-ий (Залеский - Л. Н.); чиновники особых поручений Герн и Короваев...19

И Глебов, и Герн, и, конечно, Залеский известны нам по их дружескому расположению к Шевченко, по тем симпатиям, которые питали к Тарасу Григорьевичу они, получая то же ответно.

Эти люди хлопотали и за Желиговского.

За такой перевод был сам Григорьев.

В моем распоряжении нет сколько-нибудь подробных сведений об их встречах, но личное их знакомство и личное участие Григорьева в судьбе поэта Польши подтверждаются его письмом к В. А. Перовскому, которое я нашел в уже известном читателю архивном деле.

Письмо это передо мною.

"Вашему высокопревосходительству известно, что в числе поляков, сосланных в Оренбургский край с правами на государственную службу, находится даровитый писатель Эдвард Желиговский. Не получая в настоящее время никаких пособий из дому, не имеет он и никакой надежды на определение в Уфе к должности, которая бы хотя в некоторой мере обеспечивала его существование. Такое положение может привести в отчаяние человека, которому, по образованию его и существующим общественным условиям, невозможно снискивать насущный хлеб работою поденщика. Зная Желиговского, по слуху, за поляка, по образу мыслей его безвредного для России, а по способностям и характеру за человека, который бы мог быть употреблен с пользою для службы, я бы охотно предложил ему место помощника столоначальника в Пограничной комиссии, которое, уверен, принял бы он с благодарностью; но как Желиговский состоит под надзором полиции и неизвестно мне, имеет он право служить во всем Оренбургском крае или только в одной Уфе, и как прежде всего должен я знать, угодно ли было бы Вашему высокопревосходительству, чтобы подобное лицо находилось в Оренбурге, то предварительно сообщения Желиговскому о предложении моем и официального представления об определении его на службу по Комиссии, принимаю смелость доложить Вам обо всем этом частным образом. Распространяться более о жалком положении Желиговского с целью возбудить участие к нему значило бы не понимать глубокой нежности души Вашей, для которой видеть несчастье и облегчить его - одно и то же.

3-го октября 1854 г.В. Григорьев".

Образ мыслей Желиговского известен Григорьеву (как осторожно заявил сам) "по слуху". "Способности", "характер" его, судя по всему, Григорьев знает лично.

Вот почему, говоря о тех, с кем изгнанник встречался в уфимские свои годы, я не могу не назвать и видного русского ученого Василия Васильевича Григорьева.

Увы, его хлопоты также успеха не возымели...

Жизнь в неволе, в нужде не несет с собой радостей. Тем дороже здесь дружба. Она помогает жить.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, начинающаяся с возражений против одной точки

1.

Именно - точки.

Знака препинания, о котором еще из учебника для начальной школы всем нам известно, что ставится он в конце повествовательного предложения.

В конце!.. А если нежданно-негаданно точка появляется где-то посреди предложения? На этот вопрос любой ученик ответит: ошибка. Ошибка, за которую могут снизить отметку...

Правила распространяются на всех. Даже на писателей, даже на классиков. Мы дорожим стилем замечательного прозаика, великого поэта. Мы изучаем все его особенности, вплоть до пунктуации. Но когда налицо не особенность, а ошибка или описка, можем ли, имеем ли мы право равнодушно проходить мимо?

...Академик Д. И. Яворницкий в одной из своих работ²¹ заметил, что горячо любимый им Тарас Шевченко был "невеликим грамотеем". Грамотеем в смысле соблюдения правил грамматики. Это ни в какой степени не умаляет его бессмертной роли в поэзии, его выдающегося вклада в развитие реалистического искусства, его заслуг перед филологией, философией, историей.

Надо воздать должное текстологам, комментаторам, другим ученым-шевченковедам-их работа над наследием великого поэта, над его прочтением, толкованием, изданием поистине огромна.

Но еще приходится сталкиваться с ошибками, которые кочуют из одного издания в другое.

В письме к Брониславу Залескому есть такие строки: "Переводы Сова так прекрасны, как и его оригинальная поэзия, и я не из скромности авторской, а говорю, как понимаю вещь. "Катерина" моя не так хороша, а главное не так цела, чтобы ее перезодить, и переводить Сове, а впрочем, он может быть это лучше меня знает". Смысл совершенно ясен: Шевченко восхищается переводческим искусством Желиговского и тут же сомневается, достойна ли внимания почитаемого им стихотворца и переводчика поэма его собственная.

Однако перечитываешь начальное предложение и спотыкаешься - хвалит другого, а говорит отчего-то о своей "скромности авторской" да еще добавляет: "как понимаю вещь". Прочтите сами: "Переводы Сова так прекрасны, как и его оригинальная поэзия, и я не из скромности авторской, а говорю, как понимаю вещь". Построение сомнительное, не так ли?

Виновата же во всем она - точка. Выскочила случайно из-под торопливого пера Шевченко, у которого часто не было возможности перечитать написанное, и... пошла гулять по изданиям.

Точка здесь не нужна. Нужно двоеточие - причем перед словом, за которым сейчас стоит точка. Тогда все станет на свое место: "... и я не из скромности авторской, а говорю, как понимаю (:) вещь "Катерина" моя не так хороша, а главное не так цела, чтобы ее перезодить, и переводить Сове".

Так и надо читать.

Хотя... я сомневаюсь еще в одном: в слове "цела". Здесь оно не говорит ни о чем. Иное дело - "ценна". Но это - спорное. Автограф сохранился (в Кракове, в Ягеллонской библиотеке); надо бы исследовать его внимательнее.

Письмо, над которым я раздумываю, датировано 9 октября 1854 года.

Перед ним - кроме тех двух, которые уже рассматривались,- есть еще одно: июньское.

И в июньском, и в октябрьском - в той части, где речь идет о Желиговском-говорится о его произведениях: оригинальных и переводах. Рассматривать их тоже целесообразно вместе.

Оба - ответы на письма, написанные не из Оренбурга.

Вскоре после отправки Желиговского в Уфу, с наступлением весны, Залеского командировали на уральские заводы.

Нынешней железной дороги на Свердловск и Пермь тогда не существовало. В Екатеринбург, на заводы Пермской губернии добраться можно было лишь на лошадях, по тракту. Уфимскому тракту,.. Тому, который вел через Уфу...

Здесь и состоялась новая встреча друзей-соизгнанников.

Встреча, во время которой Залеский передал теплые, сердечные приветы от Шевченко и, заодно, его поэзии (среди них - "Катерину"), а Желиговский, в свою очередь, также отдал стихи - ранее известными и новыми, рожденными в неволе. Прошло какое-то время, и стихи эти оказались в руках Тараса Григорьевича.

(Обмен сочинениями "запрещенных авторов", да еще в условиях строгого надзора, был, конечно, актом смелым, даже опасным.

За "возмутительные стихи" оказался в долгой и далекой ссылке Эдвард Желиговский, поэт Польши...

"Катерина" вошла в "Кобзарь" и, вместе с другими произведениями, навлекла страшную кару на Шевченко...

В Уфе, в Государственном архиве Башкирии, среди бумаг канцелярии Оренбургского гражданского губернатора, я нашел выразительный документ:

"Слушали: циркулярное предписание г. министра внутренних дел от 19-го минувшего июня (1847 года - Л. Б.) за № 426, последовавшее на имя г. состоящего в должности гражданского губернатора, в коем объясняет, что государь император высочайше повелеть соизволил: напечатанные сочинения: Шевченки - "Кобзарь", Кулеша - "Повесть об украинском народе", "Украина" и "Михаиле Чернышенко", Костомарова - "Украинские баллады" и "Ветка" - запретить и изъять из продажи.

Приказал и..."

Приказали принять распоряжение свыше "к надлежащему исполнению", о чем "предписать циркулярно всем, всем в губернии градским и земским полициям и сообщить в глазную контору Златоустовских заводов и Войсковое правление Оренбургского войска".

Такой была расправа над ненавистной царю книгой. Ее автор на десять лет стал солдатом.

Но... "Кобзарь" жил, переходил из дома в дом, будоражил по-прежнему.

Стихи казнить невозможно!..)

"Поэтический подарок" Шевченко получил откуда-то с Урала.

3.

О произведениях Желиговского он пишет другу Брониславу в том же письме, в котором приветствует его "на лоне девственной, торжественно прекрасной природы". С болью говоря о своей несбыточной мечте хоть недолго порисовать "дремучий сосновый лес" и раскидистую ель - "грустную и величественную царицу лесов туманного севера", он в следующую минуту гонит от себя "безнадежность... эту жестокою отраву" и несколькими строками ниже пишет:

"Благодарю я тебя и за прекрасные песни Совы: мне особенно понравилось из них "Два слова" и "Экспромт": если ты с ним в переписке, то в каждом твоём (письме) целуй его за меня всюю полнотою моего сердца".

Совершенно очевидно: стихотворений Желиговского прибыло на Мангышлак не два - больше. Вместе с прежде прочитанным (или услышанным) "Иорданом" они позволили Тарасу Григорьевичу расширить представление о польском поэте, брате по мыслям, делам и судьбе.

Желиговского Шевченко читал в подлиннике. Бронислав Залеский свидетельствует, что он "говорил хорошо по-польски", "ряд произведений (польских поэтов Адама Мицкевича, Богдана Залеского и других - Л. Б.),,, знал наизусть". Бронислав писал украинскому другу "всегда по-польски". Стало быть - чтение на этом языке не было для Шевченко делом слишком затруднительным,

"Прекрасные песни Совы..."

"Особенно понравилось из них..."

Это слово поэта о поэте. И это - от души.

Следующее письмо Бронислава - судя по ответу, написанное где-то в районе Златоуста - вновь принесло с собой поэзию.

Шевченко благодарен за "милого Богдана" - том Богдана Залеского, за год или за два до того изданный в Петербурге ("...теперь с ним не разлучаюсь; многие наизусть уже читаю, одно иногда сердце тяготит - некому слушать, некому передавать той прелести, которую заключает в себе поэзия...")

Прислал друг и еще несколько стихотворений Желиговского - на этот раз переводов.

"Переводы Соы так прекрасны, как и его оригинальная поэзия..." - пишет о них Тарас Григорьевич.

"Какие именно поэзии Шевченко перевел Э. Желиговский,- неизвестно" - читаем мы в комментариях к письму от 9 октября 1854 года.

Но из чего вытекает, что речь идет о переводах шевченковских стихотворений?

Для такого толкования оснований нет никаких.

Желиговский переводит с русского, с французского, с других языков и только собирается взяться за "Катерину".

Шевченко чувствует себя польщенным. Польщенным и смущенным. Иноязычные переводы собственной поэзии ему неизвестны - ни в списках, ни, тем более, в печати. (Да и не могли быть известны: на русском они начнут появляться с пятьдесят восьмого, на других славянских языках, прежде всего на польском, еще год или два спустя).

Намерение Желиговского волнует, но тут же Шевченко выражает сомнение: а достойна ли его "Катерина" зазвучать на другом языке? Так ли хороша и - главное - ценна (все-таки "ценна", а не "цела"), чтобы трудиться над ее переводом?

("Катерина" упоминается уже в самом первом, январском письме к Брониславу Залескому. Речь о ней идет сразу же за абзацем, начинающимся со слов: "Иордана" и Сову я знаю, как твое сердце..." Думается, что стык этот не случаен и потому хочется обратить на него внимание.

Шевченко пишет:

"Ты говоришь мне о Белозерском и о моей бедной "Катерине", как будто ты их лично знаешь; а коли знаешь, то напиши мне о Белозерском и о "Катерине". Мы с тобою поговорим, когда увидимся, и тогда я тебя с ею познакомлю..."

Упоминание о Белозерском тотчас после "глухого" намека на человека, который "остался один из трех", лично знакомых с Шевченко в Петрозаводске, кажется мне дополнительным подтверждением, что человеком тем был никто иной, как Белозерский.

Это первое.

Второе, в данном случае, еще важнее: упоминание проливает свет на путь "Катерины". Путь, думается, был таким: Белозерский еще на Онеге прочел поэму Желиговскому... Тот рассказал о ней Залескому в бытность их обоих в Оренбурге... Бронислав написал Шевченко обо всем этом и тут же выразил желание получить список... Шевченко ответил: "Поговорим, когда увидимся, и тогда я тебя с ею познакомлю",- но вскоре, потеряв надежду на скорую встречу, отправил поэму с какой-то очередной оказией... Наконец, Залеский приезжает к Желиговскому, и он настолько увлекся идеей перевода "Катерины" на польский, что Бронислав не преминул написать об этом автору...)

Задуманный перевод смущает Шевченко и еще одним, не высказанным здесь, обстоятельством: получится ли "Катерина" на польском? Передаст ли перевод идею и вообще весь строй его поэмы?

Сомнение это слышится в строках о присланном Залеским (кем же еще?) переводе одного из стихотворений самого Желиговского:

"Два слова" - эта идея так возвышенно прекрасна и так просто высказана у Совы, что Плещеева перевод, хотя и передает идею верно, но хотелось бы изящнее стиха, хотелось бы, чтобы стих легче и глубже ложился в сердце, как это делается у Совы". Перевод Плещеева - вот:

Над кладбищем, над могильными плитами Солнышко весною всходит
каждый год, Каждый год пестреет мягкий луг цветами, Птичка божия так весело поет.

Голос бога с каждою весною Говорит природе: "Радуйся, живи; Громы в небесах глубоко я сокрою; Пой любовь и знай, источник я любви".

Над кладбищем, над могильными плитами В тучи солнышко заходит каждый год,
И, с поблекшими от холода цветами Расставаясь, птичка жалобно поет... Слышит голос бога каждый год природз:

"Плач и сокрушайся.."

Смерть есть твой ззион".

И гремит гроза, и воеет непогода,

В мире тленье все, а вечность - только он.

Знакомый со стихотворением "Два слова" в подлиннике, Шевченко испытал неудовлетворенность переводом; он высказал ее деликатно, но - определенно. В основе оценки этого, плещеевского, перевода - и высокая требовательность гениального поэта Украины к художественным переводам вообще, и уважение к таланту Желиговского.

(Почему талант его недооценивается современными переводчиками? Ни на русском, ни на украинском языках переводов почти нет, не говоря уже о сборниках избранного. Не странно ли такое отношение?)

...Перевод "Катерины", затеянный тогда Желиговским, нам не известен. Кое-кто утверждает, что он осуществлен не был. Свидетельством этому служит только отсутствие... свидетельств: ни в последующих письмах, ни в источниках мемуарных речи о переводе более нет. И все-таки хочется сказать о нем: "пока не известен". Еще не заговорил - и в главной своей части даже не разыскан- личный архив поэта. Не хранит ли первой польской "Катерины" он?

Увы, сейчас это вопрос без ответа...

Я 'закончил бы главу им, но непреодолимо желание привести слова Шевченко, которые, думается, относятся и к Залескому, и к Желиговскому. Слова из того же письма от 9 октября 1854 года:

"Великая вещь - сочувствие ко всему благородному и прекрасному в природе, и если это сочувствие разделяется с кем бы то ни было, тогда человек не может быть несчастлив;).

Они относятся и к Желиговскому. Шевченко продолжает раздумье-и в том же абзаце, буквально вслед за приведенными словами о сочувствии, идут другие: "Если будешь писать Сове, то целуй его за меня и пожелай ему много-много возвышенных мыслей и стихов".

Это, разумеется, не случайно...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, продолжающая наши поиски старых писем

1.

Сколько шевченковских писем до нас не дошло! И какое счастье, что сохранились, дожили эти - обращенные к Залесному... Низкий поклон ему, истинному другу,- за то, что сделал он для Шевченко при жизни, за письма, сбереженные для потомства.

Писем этих-шестнадцать. Только в четырех из них не упомянут Желиговский. В ноябрьском пятьдесят четвертого (написанном в спешке, под поторапливания почтаря) да еще в трех последних, датированных февралем, маем и августом пятьдесят седьмого и отправленных в Рачкевичи - на новое место жительства "прощенного"

Залеского.

Сам Шевченко сумел сберечь, сохранить одиннадцать писем верного своего Бронислава. Эти письма - с датами последних лет (начиная со середины пятьдесят шестого). Желиговский фигурирует в четырех; но если учесть, что большинство происхождения не оренбургского, то все, вероятно, закономерно.

Переписка друзей - главный источник наших сведений о дружбе Шевченко с Желиговским. Не сохрани За-леский дорогие письма, навсегда нераскрытыми остались бы чудесные страницы сердечной близости сыновей и поэтов братских народов.

Год 1855-й. Залеский только-только вернулся с Урала. Позади Богословский завод, Златоуст, Пермь, Уфа. Он - в Оренбурге. 10 февраля.

...Мне отраднo думать, что ты ко мне хоть не совсем близко, а все-таки приблизился на несколько десятков миль и теперь (завидую тебе, друже мой единый) любишь добрыми и сердцу милыми лицами Карла и Михаила, и мне самому грустно думать, что для полной твоей радости недостает тебе вдохновенного Сова..."

Шевченко спешит поделиться своими переживаниями. Горькими, тяжкими - "мне иногда кажется, что я и кости свои здесь положу". Светлыми - "какое чудное, дивное создание непорочная женщина!" (Новые, необычные для последних лет переживания порождены встречей с Агатой Усковой, женой коменданта Новопетровского укрепления). С удовольствием говорит Тарас Григорьевич о живописи, дает советы неопытному еще художнику Залескому, описывает для Герна способ смазывания форм перед отливкой скульптур. Его интересует жизнь друзей - всех вместе и каждого в отдельности.

И снова о Желиговском:

"А если увидишь Сова или будешь писать ему, то расцелуй его за меня, за его прекрасные сердечные стихи. Мне грустно, что я ему не могу ничего прислать своего произведения. Он должен быть в высшей степени симпатичный человек. Как бы я был счастлив, если бы мне удалось когда-нибудь обнять и поцеловать его!"

Желиговский-Сова продолжает писать, творить, а написанное, с помощью друзей, пересылает украинскому собрату.

"Прекрасные сердечные стихи..."

Быть может, я субъективен, но в строчках этого шевченковского письма мне слышится какая-то особенная взволнованность. Не только читателя и ценителя - человека, к которому стихи обращены непосредственно.

Иными словами, строки из февральского, пятьдесят пятого года, письма Тараса Шевченко я отношу к стихотворению Эдварда Желиговского "К народному поэту":

Сын народа - вождь народный,
Мученик, твой путь прекрасен,
Лавр славы благородный,
Как и песни, скорбен, ясен.
Два венца обрел сплетенных,
Оба дивны, но кровавы,-
Ты трудился не для славы,
А для братьев угнетенных.*

Да-да, имеется в виду стихотворение это. Оно известно нам под названием "Брату Тарасу Шевченко"; именно так вписал в шевченковский Дневник сам Желиговский, когда им, наконец, посчастливилось встретиться в Петербурге. Но стихотворение создано явно ранее того дня (13 мая 1858 года), под которым записано в Дневнике. Хотя бы потому явно, что в пятьдесят восьмом же оно появилось в печатном виде, в петербургском сборнике "Поэзии Антония Сова". Да и шевченковский комментарий таков, что непосредственным откликом быть не может. "Вечером был у Желиговского, и он мне записал свое прекрасное стихотворение".²⁴ Вот и все. "Записал" дорогое, близкое, но... известное гораздо ранее. С Мангышлака? С пятьдесят пятого? Я - за это и только за это.

Тот же 1855-й, но уже весна.

Еще одна надежда на облегчение участи развеялась как дым, как мираж. Перовский не принял представления

* Перевод Г. Вержбицкого.

О производстве Шевченко в унтер-офицеры, а оно хоть как-то могло приоткрыть двери свободы. "Настоящее горе так страшно потрясло меня, что я едва владея собою..." Наступило и разочарование в той, которую он считал своей нравственной опорой: "Агата... вдруг сделалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше!"

Обо всем этом - в письме, отправленном 10 апреля. О Желиговском есть и тут:

"Когда будешь писать Сове, кланяйся ему, а мне об нем напиши подробнее, потому что я знаю его как поэта, и ничего больше". ?!

Не удивиться нельзя.

В первом письме к Залескому Шевченко писал: "Иордана" и Сову я знаю, как твое сердце..." Это было почти полтора года тому назад. О Желиговском сообщал ему в каждом своем письме Бронислав. Сами за себя - и, конечно, за их автора - говорят стихи Желиговского-Совы.

И после всего этого: "...ничего больше"... Что же нужно еще? Для чего - "подробнее"?

...Шевченко получает обращенное к нему стихотворение. Он растроган, взволнован. Хочется ответить как поэт поэту. Возникает желание написать о Желиговском и для Желиговского. Вот для этого-то нужно знать о нем больше, нужно представлять себе его лучше. Как гражданина. Как человека. Внутренне и... внешне. Да, и внешне - ведь он его никогда не видел...

Таков, на мой взгляд, смысл этой просьбы. Единственно возможный, как сдается мне, смысл. В Тарасе Шевченко поселился новый художественный замысел.

О чем сообщал Залеский в письме своем, которое Шевченко получил 10 июня?

Оно, как и многие другие, до нас не дошло. О сути его приходится догадываться по содержанию самого ответа из Новопетровского.

О Желиговском в том, июньском, письме Шевченко всего несколько слов: "...целуй от меня Сову".

Зато в следующем...

Письмом, датированным 25 сентября 1855 года, он отвечает сразу на два. На первое - с опозданием, на второе - не медля ни часа.

Трехмесячный перерыв в переписке кажется Тарасу Григорьевичу очень большим. Он раздумывает над тем, почему так получилось, искренне пеняет на себя, но находит успокоительный довод: "...письмо мое все равно дожидало бы тебя на почте, пока ты возвратился из Уфы"...

(После пятьдесят четвертого это вторая поездка Бронислава. Добрым связным был Залеский между членами оренбургского кружка и уфимским их единомышленником, между Шевченко и Желиговским. Связным не только в переписке...)

Уфа для Шевченко это, прежде всего, Желиговский. И просьба, высказанная весной, повторяется: "Напиши мне подробнее, добрый мой друже, о бедном нашем Сове: как и чем он живет и что он делает? Напиши все: меня глубоко трогает этот страдалец".

Сколько нежности, участия, тревоги... И это исходит от человека, которого загнали в пустыню, лишили самого дорогого, обрекли на творческую и физическую гибель!

Но долгожданное письмо Залеского уже в пути, на подходе к Мангышлаку. С ответом и на давний, и на вновь повторенный вопрос. И не только с ответом словесным.

..."Вчера не дали мне кончить письмо, а сегодня, вопреки ожиданию, пришла почта и привезла твое второе письмо с драгоценным для меня подарком, с портретом Сова. Я не знаю, как тебя и благодарить, друже мой, за этот подарок. Что-то близкое, родное я вижу в этом добром, задумчивом лице; мне так любо, так отрадно смотреть на это изображение, что я нахожу в нем самого искреннего, самого задушевного собеседника! О, с каким бы наслаждением я прочитал бы теперь его "Иордана"! Но это желание несбыточное. Благодарю тебя, тысячу раз благодарю за этот сердечный подарок.

Ты пишешь, что желал бы сблизить меня с ним покороче. Дай бог, чтобы все люди были так коротко близки между собою, как мы с ним; тогда бы на земле было счастье! Пиши ему и целуй его за меня, как моего родного брата..."

Перед подарком Бронислава отступило на второй план даже то, что заботило Шевченко всего более; и лишь в самом конце он приписывает: "Не знаю, имел ли какое влияние на судьбу мою всемилостивейший манифест. Если узнаешь, то сообщи мне".

"Всемилоостивейший манифест"- это манифест 19 февраля 1855 года. Николай I, "неудобозабываемый Тормоз", умер: на престол вступил Александр II. Поэт надеялся на амнистию...

...Желиговский на портрете стал для Шевченко "самым задушевым собеседником". Немало дум передумал он, вглядываясь в это "доброе, задумчивое" лицо. Немало перед ним прочел, - а, может, и сложил - Стихов. Было ли среди них то, которое так хотелось посвятить заочному знакомому и искреннему другу? Ответить на этот вопрос, пожалуй, невозможно. Но мне на кажется случайным, что посвящение "Эдуарду Сове" появилось над стихотворением, которое, как установлено современными исследователями, является перепевом поэзии польского поэта Чечета. Яна Чечета - близкого друга Мицкевича, сосланного в Оренбургский край почти за четверть века до Шевченко, до Желиговского и некогда отбывавшего наказание в Уфе. Там, где и Желиговский...

То одно, то другое становилось на пути Шевченко, когда он задумывал написать в Уфу.

Так получилось и на этот раз.

...Год 1856-й, апрель. Несколько дней тому назад, после долгого зимнего перерыва, возобновилось водное сообщение между "большой землей" и далеким, пустынным полуостровом. Первая весенняя оказия принесла письма, но не принесла желанного: свободы. Как жить дальше? На что рассчитывать?

"С следующей почтой, если буду в силах, напишу Сове, а в настоящее время я так встревожен, так нравственно убит, что не могу простой мысли связать в голове моей бедной, а не то, чтобы написать что-нибудь похожее на дело. Пиши ему, целуй его за меня, желай ему, как я желаю, полного здоровья и всякого счастья".

Приводя эти строки, исследователи нередко высказывают предположение: в пятьдесят шестом, наконец, переписка между поэтами началась. Правда, всякий раз добавляют: "возможно".

Но не отрицает ли установление такой, личной, переписки хотя бы то, что после отъезда Залеского в его родные Рачкевичи, Шевченко в одном из писем к другу (8 ноября 1856 года) просит: "Пиши Сове и его целуй"?

Каких-либо указаний на возникновение переписки с Желиговским в письмах к Залескому нет.

Нет их и в письмах Бронислава...

На одно я уже ссылался. Первое из тех, что до нас дошли.

"Сова твой подарок принял со слезами - так мне писал..."

Речь в этом письме - о повести "Варнак".

Тарас Григорьевич написал ее в Новопетровском. В какой из тяжких своих годов - установить невозможно. Известно только, что до апреля 1856-го упоминаний о повести ни в письмах ее автора, ни в письмах к нему самому обнаружить не удалось.

Но друзья в Оренбурге о повести знали раньше.

"Еще посылаю тебе "Варнака" и "Княгиню",- писал Шевченко Залескому без всяких пояснений, как о хорошо известном,- прочитай их и поправь, где нужно, отдай переписать и пошли..."

Послать он просил в Петербург, художнику Осипову, для последующей передачи в один из журналов.

Однако месяц спустя, когда трудоемкая переписка рукописей еще не могла быть окончена, Шевченко спешно решает распорядиться ими по другому.

Чем это вызвано?

Ранее посланный в "Отечественные записки" и там затерянный первоначальный экземпляр "Княгини" теперь отыскался. Повесть в редакции не понравилась, и Осипов, сочтя такую оценку неправильной, передал произведение в "Современник".

Следовательно, посылать "Княгиню" вторично необходимости не было. Отправить в Петербург он наказывает только "Варнака",

Что касается подлинников, оригиналов, то их Тарас Григорьевич дарит друзьям: "Княгиню" - Залескому, "Варнака" - Желиговскому.

"На "Варнаке" напиши "Желяховскому" или оставь так..."

Это - не только о подарке, а и о посвящении.

На мой взгляд, налицо прямое указание на то, кому хотел бы посвятить свою повесть автор.

Но окончательное решение он предоставляет Залескому: "Как найдешь нужным, так и сделай".

Желиговский - опальный, ссыльный поэт, политический изгнанник. Его имя в начале повести неведомого "К. Дармограя" может привести и к излишней настороженности в отношении произведения, и к неприятным последствиям для человека, который без того натерпелся достаточно.

"Как найдешь нужным..."

Нужным этот шаг друзья не сочли.

"Официальное" посвящение не состоялось.

Подарок же, как сообщал в начале июня Залеский, был принят "со слезами".

Желиговский хотел написать Шевченко сам ("верно, получишь от него об этом послание..."). Но дела службы заставили его срочно выехать по губернии и - письма такого мы не знаем.

Зато известно, что в дальнейшей судьбе повести участие он принял деятельное.

Упомянутое письмо на Мангышлак еще не было отправлено, когда Залеский получил полное увольнение и долгожданное право возвратиться на родину. Это случилось 8-9 июня. Три недели спустя, 4 июля, оформив все необходимые документы, он выехал в направлении Москвы. Выехал вместе с Зыгмунтом Сераковским, который следовал в Петербург: "...с ним благословил я на дорогу и твоего "Варнака".

(Приведенные здесь даты позволяют более точно пометить письмо к Бр. Залескому, которое в академическом шеститомнике напечатано под номером 84-м. Шевченковское письмо не могло быть написано ни в сентяб- ре, ни в августе, ни даже в июле. Поэт отвечает на письмо от 8-9 июня и старается, чтобы ответ застал друзей в Оренбурге. Датировать, следовательно, нужно второй половиной июня. А то, что до Залеского он дошел лишь в сентябре, объясняется трудностями пересылки. Тот, кто переотправлял письмо, должен был ожидать подтверждения о приезде Залеского в Рачкевичи; добрался же Бронислав на родину не сразу).

Дорога друзей пролегла через Уфу. Там, в один из июльских дней, и состоялась встреча оренбургских со-изгнанников - Сераковского, Залеского, Желиговского.

"Варнак", приготовленный к печати, то есть переписан, остался у Совы вместе с принадлежащим ему экземпляром- он этого желал, потому что хотел передать его Михайлову, одному из теперешних писателей, с которым он очень хорош, и который пишет во многих журналах. Когда я был в Уфе, его там не было, и потому "Варнак" остался на попечении Совы; ему там будет хорошо, поверь, друже мой,- и он, верно, не забудет и не затеряет его".

То, что я сейчас вторично привел уже однажды цитированные мною слова, вызвано необходимостью.

Эти строки из письма Бронислава Залеского - отголосок уфимской встречи.

На ней незримо присутствовал и Тарас Григорьевич Шевченко.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ о "Сатрапе и Дервише"

Во избежание неточностей я начну с цитаты.

"Вероятно, что через Желигозского и других ссыльных поляков,- пишет Н. Мещерский в уже цитированной статье своей в журнале "На рубеже",- до Шевченко мог дойти и рассказ о "битом" губернаторе Писареве, которого он хорошо знал еще по Киеву..."

Таким образом, исследователь утверждает самую прямую причастность польского поэта к возникновению у Шевченко замысла поэмы "Сатрап и Дервиш".

Но при всей яркости (и потому, скажу честно, "выгодности") этого факта для характеристики отношений Шевченко и Желиговского, пора уже внести ясность.

...Том Тараса Шевченко, который лежит передо мною, раскрыт на страницах, где публикуется "Юродивый".

Во дни фельдфебеля-царя Капрал Гаврилович Безрукий Да унтер пьяный Долгорукий Украиной правили. Добра Они изрядно натворили,- Немало в рекруты забрали Людей сатрапы-унтера. А всех усерднее Гаврилыч С меньшим ефрейтором своим, Отменно шустрым и лихим, Так весь народ замуштровали, Что сам фельдфебель любовались Муштровкою и всем другим И "благосклонны пребывали" Всегда к ефрейторам своим.

Нашелся все ж таки казак Из миллиона свинопасов, Что всю империю смутил: в морду закатил. А вы, юродстзую, тем часом, Покуда мучился капрал, Вы объявили юродивым Святого рыцаря. А бывый Фельдфебель ваш, Сарданапал, Послал на каторгу святого, А для побитого, седого Сатрапа "вечно" пребывал Преблагосклонным...

Сколько в этом произведении революционной страсти, сколько ненависти к душителям свободы!... Читаешь, перечитываешь - и думаешь: какой же могучей, нестигаемой силой духа надо было обладать, чтобы после десяти лет мучений найти такие разящие, наповал бьющие слова против царя и его прислужников...

"Юродивый" - осуществленная часть так и ненаписанной большой поэмы. Скорее всего - вступление к ней, ее запев, за которым должна была последовать новая великая песня поэта-цареборца, поэта-народолюбца. О муках людских... О "безбожных делах" царских... О боге, которому безразличны народные страдания... И о них-истинных "поборниках священной воли"...

Я думой полечу в Сибирь, Я за Байкалом гляну в горы, В вертепы темные и норы Без дна, глубокие, и вас, Поборников священной воли, Из тьмы, и смрада, и неволи Царям и людям напоказ, Вперед вас выведу, суровых, Рядами длинными, в оковах...

Таков его замысел. А родился, произрос он из небольшого зернышка, из одного - правда, небезынтересного - эпизода. Того самого, на который ссылается Н. Мещерский и который не вызывает сомнений ни у одного из шевченковедов.

Да и может ли вызывать, если он засвидетельствован самим Шевченко?!

"Дневник".., 19 июля 1857 года...

..."Морфей исполнил мою молитву, только не совсем. Он перенес меня в какой-то восточный город, утыканный, как иглами, высокими минаретами. В тесной улице этого восточного города встречаю я будто ренегата Николая Эврестовича Писарева в зеленой чалме и с длинной бородою. А безрукий Бибиков и рядом с ним Софья Гавриловна Писарева сидят на балконе и тоже в турецком костюме. Они чего-то говорили о Киевском пашалыке. Но мне на лицо вскочила холодная лягушка, и я проснулся. Перенеся одр свой в беседку, я снова было скорчился под шинелью, но при всем старании заснуть не мог. У меня все вертелся перед глазами ренегат Писарев с своим всемогущим покровителем и с своею бездушной красавицей супругой. Где он? И что теперь с этим гениальным взяточником и с его целомудренной помощницей? Я слышал здесь уже, что он из Киева переведен был в Вологду гражданским губернатором и что в Вологде какой-то подчиненный ему чиновник публично в церкви во время обедни дал ему пощечину. И после этой истинно торжественной сцены неизвестно куда скрылся так громогласно уличенный взяточник.

В ожидании утра я на этом полновесном фундаменте построил каркас поэмы вроде "Анджело" Пушкина, перенеся каркас действия на Восток, И назвал ее "Сатрап и Дервиш". При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно

проектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски.

Есть еще у меня в запасе один план, основанный на происшествии в Оренбургской сатрапии. Не присоединить ли его как яркий эпизод к "Сатрапу и Дервишу"?.."

Итак, рождение замысла произошло в ночь на 19 июля 1857 года, за две недели до отъезда из Новопетровского, в мучительно-тяжелые часы ожидания официального уведомления о свободе.

Тогда же, в эти именно дни, Шевченко, как представляется мне, и начал писать свою поэму. Но сумел он создать лишь запев - "Юродивого". Запев, в котором звучит глубокая личная ненависть к царю и царским приспешникам.

Они продолжали мучить его даже теперь, когда, скрепя сердце, приняли решение об освобождении, однако из неволи выпускать не спешили. И Шевченко думал о сатрапах - больших и малых, главных и подчиненных. О тех, чьи дела он видел на Украине... О тех, кто вертел его судьбой все эти десять долгих лет... Перед его глазами их образы соединялись, сливались воедино и, думая об "унтере пьяном Долгоруком" - губернаторе харьковском, полтавском и черниговском, он тут же представлял себе Перовского - всемогущего правителя оренбургского. Далеко и зловеще протягивалась единственная рука "Капрала Гавриловича Безрукого" - известного ему еще по Киеву Бибикова; по-прежнему творил свои бесчинства бибиковский ставленник Писарев, пощечина которому гулко прокатилась по всей России. Сколько таких бибиковых и таких Писаревых в краю его ссылки!..

О случае, который должен был послужить фактической основой будущего произведения, Шевченко узнал, конечно, задолго до той душевной ночи в пятьдесят седьмом.

Н. Мещерский рассказал об этом эпизоде еще несколько лет тому назад²⁶. Хотя изложение и слишком коротко (хочется знать все обстоятельства, все детали дела,- ведь и Шевченко эти подробности интересовали живейше), тем не менее картина вырисовывается достаточно четко.

Я позволю себе повторить самое главное. 22 июля 1850 года, когда в Петрозаводском кафедральном соборе шел молебен по случаю первой годовщины коронации Николая I, чиновник девятого класса Михаил Матвеев при всем народе дал пощечину гражданскому губернатору Олонецкой губернии Писареву.

Матвеева, конечно, схватили. Первым побуждением властей было - объявить его невменяемым, умалишенным. Это могло хоть как-то ослабить впечатление от дерзкого акта. Чиновник, однако, оказался вполне нормальным. Перед военным трибуналом (на рассмотрение дела Николай дал двадцать четыре часа) он держал себя вызывающе-независимо и повторил слова, которые до этого написал углем на стене тюремной камеры: "В России нет царя, а управляет царством сатана".

Приговор был безжалостным: вечная каторга. В тяжелых кандалах осужденного отправили в Тобольск.

Что же касается того, кто пощечину получил, то оставлять его далее в Петрозаводске оказалось невозможным. Наступил 1851-й и битый олонецкий губернатор получил увольнение, точнее - перевод. Но слава "битого" следовала за ним неотступно... Таков этот подлинный случай. ...И драму

По темным закоулкам прямо На свалку вынесли...

Шевченко решил вернуть обреченную на забвение драму людям, оживить ее своим волнением, своей мыслью, а вместе с дерзким одиночкой вывести "из тьмы, и смрада, и неволи" всех тех, кто боролся с царизмом, кто погиб или попал на каторгу - тысячи и тысячи "поборников священной воли".

Запись в дневнике, нами уже прочитанная, свидетельствует, что Тарас Григорьевич с историей Матвеева и Писарева был знаком достаточно подробно.

Но узнал ее Шевченко не от Желиговского, который, кстати говоря, прибыл в Петрозаводск много позднее происшедшего.

"Я слышал здесь уже..."

Шевченко говорит определенно: и о том, что история с пощечиной стала ему известна на Мангышлаке (или - подступах к нему), и о другом - что он ее услышал... именно услышал...

От кого?

В начале октября 1850-го, направляясь к пустынному берегу Каспия, поэт виделся-беседовал с друзьями в Оренбурге и Уральске, а к тому времени петрозаводский случай этих мест уже достиг. О нем могли рассказать и Ян Станевич, и Максимилиан Ятовт, многие новые и давние знакомые. Немаловажно заметить, что в Уральске незадолго до приезда туда Шевченко находился Зыгмунт Сераковский. Как позднее в Оренбурге, тут вокруг него группировалось немало конфирмованных, так что вести, которые узнавал он, сразу становились достоянием других. Группа ссыльных поляков встретила "новичка" и в Новопетровском укреплении; эта группа впоследствии пополнилась. (Из письма 1854 года: "...нынешнее лето прибыло сюда несколько человек конфирмованных...")

Но особенно хотелось бы подчеркнуть тот факт, что во время экспедиции в Кара-Тау, которая была предпринята из Новопетровского, в течение нескольких летних Месяцев 1851 года Шевченко жил в одной палате с Брониславом Залеским и Людвигом Турно. Люди широко информированные, связанные со множеством других - и в Оренбургском крае, и за его пределами, они не могли не знать о пощечине в Петрозаводском соборе, о судьбе гордого смельчака, а, зная все это,- не рассказать Тарасу Григорьевичу.

Желиговский прибыл в Оренбургскую губернию лишь через три года после происшествия в городе на берегу холодной Онеги. В нашем распоряжении нет никаких сведений о том, что кто-то из встречавшихся с ним в Уфе оказался затем в противоположном конце края и мог передать рассказы своего соизгнанника.

Нет, Шевченко узнал все это раньше. Подлинный эпизод жил в нем долгое время (годы!), пока не возник - и утвердился - замысел будущей поэмы.

Только удаленностью первоначального рассказа от возникновения первых строк "Юродивого", от дневниковой записи о "Сатрапе и Дервише" можно объяснить, очевидно, смещение места происшествия: из Петрозаводска - в Вологду.

(Впрочем, Вологда тоже была городом ссылки. Напомню, что в то же время, когда Желиговского отправили в Петрозаводск, а Подберезского в Архангельск, проходивший с ними по одному делу Полубинский оказался в Вологде...)

...Вот и все, что мне хотелось написать по поводу "причастности" Желиговского к возникновению замысла "Сатрапа и Дервиша".

Выходит, непричастен? И, стало быть, история эта к характеристике взаимоотношений двух поэтов ничего нового не добавляет?

Но то, что относилось к Шевченко, всегда интересовало Желиговского. Польский поэт не оставлял без внимания ни одно известие об украинском.

Оттого я и счел нужным включить эти размышления в свою исследовательскую повесть о Шевченко и Желиговском.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ или рассказ о встречах

1.

Они познакомились в
гсылке, в ссылке стали друзьями.

Друзьями - хотя никогда не встречались...

Десять лет и тридцать восемь дней продолжалась солдатская служба-каторга рядового Тараса Шевченко. Долго ждал он освобождения, но лишь 27 марта 1858 года, претерпев множество мытарств в пути, смог добраться до Петербурга.

У Желиговского подневольная его жизнь была немногим короче. Изгнанником он стал в первые дни 1850-го, выехал из Уфы в пятьдесят седьмом, перед весной.

В архивном деле, которое я сейчас закрываю, есть документ о том, что он уехал в Петербург в положенный ему, как чиновнику, отпуск и - не вернулся²⁷. Только много позже неявка была признана законной: болезнь Желиговского удостоверил главный врач петербургской полиции и скрепил своей подписью ответственный полицейский чиновник.

Когда Тарас Шевченко приехал, наконец, в столицу, Эдвард Желиговский был уже там.

Пришло время встретиться.

Шевченко написал об этой встрече немногословно. "...Вечер провели мы у В. М. Белозерского, моего соузника и соседа по каземату в 1847 году. У него встретил я моих соизгнанников оренбургских - Сераковского, Станевича и Желяковского (Сову). Радостная, веселая встреча. После сердечных речей и милых родных песен мы расстались".

Над страничкой Дневника стоит дата: 28 марта.

Второй день по приезде Шевченко в Петербург...

Ах, как коротко, как скупо записал он о том вечере!

Им было о чем вспомнить. Им было что порассказать. И встречи происходили часто...

В Дневнике отмечена, конечно, не каждая. Но всякий раз, когда упоминается Белозерский, может быть назван и Желиговский, который жил с ним в одной квартире.

Встречались они у врача Круневича, тоже в прошлом одного из оренбургских ссыльных, наверняка у Сераковского и - вероятно - во многих других местах.

Даты тут не обязательны. Куда важнее очертить круг участников встреч, подумать над поводами, которые их собирали.

И, прежде всего, хочется поразмыслить над той встречей, что состоялась 11 апреля 1858 года.

"...Вечером у Белозерского слушал новую драму Желяковского (Совы)..."

К тому же событию относится одно-единственное известное нам письмо Желиговского к Шевченко: оно и датировано на основе приведенной здесь записи.

"Брат Тарас!

Я сегодня был у князя Щербатова и на встрече этой выяснилось, что одну мою поэму нужно как можно быстрее отдать в цензуру. Перед отдачей хотел бы прочитать тебе и с тобой посоветоваться, Прошу тебя, любимый брат Тарас, придти к нам сегодня вечером на чай, может быть моя поэма не будет для тебя безынтересной, ибо предмет ее чисто народный, а мне и Василию доставишь этим большое удовольствие.

Кроме тебя, никого у нас не будет, чтобы мы свободно и просто могли себя чувствовать.

Твой брат сердцем и мыслями В. Эдуард Желиговский. Четверг"28.

Итак, во второй четверг апреля друзья собрались, чтобы слушать поэзию. Их было не трое - четверо; помимо автора, присутствовали Шевченко, Белозерский и Сераковский.

Антоний Сова читал своего "Зорского".

Поэму, продолжающую "Иордана".

Ту, которая была написана еще до ареста и всерьез всполошила власти.

"Первая часть этой фантазии напечатана в Вильне с дозволения бывшего здешнего цензора Фока (умершего в 1848 году),- доносил в декабре пятидесятого об "Иордане" виленский генерал-губернатор,- а вторую (т. е. "Зорского - Л. Б.), как я осведомился частным образом, автор намерен издать в Варшаве или в Кракове, если не успеет исполнить сего в Вильне. Сочинение это, написанное звучными и хорошими стихами, исполнено разных темных намеков и рассуждений, доказывающих неблагонадежный образ мыслей автора, давно уже возбуждившего на себя подозрение..."

Так звучала первая "рецензия".

Арест, ссылка - так "вознаградили" автора.

Но и в ссылке Желиговский не расставался со своим детищем. Он не только восстановил конфискованную поэму, а и додумал, дописал ее.

И вот после Долгих лет неволи - новая попытка опубликовать дорогой ему труд.

Уже одно это говорит о высоком гражданском мужестве поэта, сурово наказанного, но не сломленного.

Рукопись ее застряла в каком-то из сейфов. Можно сказать, что стихи посадили под арест - долгий и строгий.

Можно представить себе, с каким вниманием и воодушевлением слушал Шевченко поэму "Зорский".

Автор ее, Желиговский, сердцем своим с вооруженными крестьянами Галиции, со всеми, кто борется за лучшую жизнь.

Он не скрывает неверия в "патриотизм" магнатов-шляхтичей: "Не ищите в них любви к ближнему или нации, не собирайтесь их перевоспитывать, потому что такой труд - напрасный труд".

Главный герой поэмы уже не только призывает к борьбе, но и показывает личный пример в освобождении крестьян от угнетения.

Он не во всем и не до конца последователен, любимый герой Желиговского-Совы.

Он еще верит в возможность коренных перемен без народной революции.

Но это уже борец за свободу, готовый ради святой своей цели пожертвовать всем, даже жизнью.

...Да, то был большой, чудесный вечер. Единомышленники думали о борьбе.

Вряд ли Шевченко мог поверить в скорое опубликование поэмы друга. Кто-то, а он-то знал, как расправляются власти со стихами "возмутительного содержания"...

И на самом деле- судьба "Зорского" оказалась трагической. Сквозь рогатки цензуры поэма не прошла.

Еще одна запись, над которой стоит поразмыслить.

Она сделана 11 мая. В том же, пятьдесят восьмом.

"...Обедал с Желиговским у Белозерского, и за успех будущего польского журнала "Слово" выпили бутылку шампанского..."

Друзья по изгнанию не только познакомили Тараса Григорьевича с новыми людьми, но и раскрывали перед ним свои планы.

Передо мною фотография.²⁹ Подпись говорит, что на ней запечатлена редакция демократической газеты "Слово". В центре большой группы - Желиговский. Рядом - Зыгмунт Сераковский, Ян Станевич, Иосафат Огрызко, Балтазар Калиновский. Многих из этих двенадцати - большинство!-мы встречали в списках активных участников польского национально-освободительного восстания 1863 года. Можно твердо сказать, что страницы нового издания как раз и подготавливали людей к восстанию.

Ко дню, когда Шевченко вместе с Желиговским и другими участниками встречи поднял бокал "за успех будущего польского журнала", его издание только-только затевалось. До выхода первого номера было почти восемь месяцев. Но газета уже жила - в замыслах, в мечтах создателей; и идеям, целям ее Тарас Григорьевич не мог не сочувствовать.

...Издание имело большой успех. Оно всколыхнуло честные, по настоящему патриотические силы польского общества. Оно всерьез напугало реакционеров (один из них заявил, что, пока "Слово" выходит, "за спокойствие в Варшаве ручаться невозможно"), И по этим причинам прожила новая газета недолго. Ее закрыли после пятнадцатого номера. И. Огрызко, издатель, был арестован. Мрачные тени нависли над другими сотрудниками. "Слово" заглушили...

Мрак и холод зимней ночи Гонит солнечный восход, И к свободе путь короче, Если дал вождя народ!

Содержание стихотворения, записанного в Дневник Под названием "Брату Тарасу Шевченко", чувства, выраженные Желиговским, в комментариях не нуждаются.

Вечером 13 мая 1858 года Желиговский занес в Дневник Шевченко "свое прекрасное стихотворение". Мнение об истории этого стихотворения уже изложено в одной из предыдущих глав (девятой), так что повторяться надобности нет. Я только приведу его полностью - с первых, уже цитированных, и до последних строк.

Сын народа - вождь народный, Мученик, твой путь прекрасен, Лавр славы благородный, Кек и песни, скорбен, ясен. Два венца обрел сплетенных, Оба дивны, но кровавы,- Ты трудился не для славы, А для братьев угнетенных,.. Им сдавили стоны муки - Ах! И стоны - преступленья, Громким эхом во мгновенье Повторил ты эти

звуки. Каждый стих - предел страдания, Жгучей болью наносимый, Ты оплакал до создания, Духом свыше осененный. Скорбный! видишь чудо слова? Как никто не спрячет снова Солнца днем,- так не посмеет Слово смять рука тиранов; Слово - божье и имеет Бардов вместо капелланов;

Встречи... встречи...

Вот и еще два свидетельства их дружбы.

"У меня были... назначены вторники, на которых неизменными посетителями были в то время: Чернышевский, Кавелин, Калиновский, Желиговский, Сераковский, Бело-зерский, Шевченко и другие. Вечера эти были очень оживленные, что отчасти объясняется тем напряженным состоянием, в каком находилось тогда все петербургское общество; встречались люди и наговориться не могли. Все казалось ново, все занимало. Каких только вопросов ни касались, спорили, горячились..."

Это воспоминание давнего знакомого Тараса Шевченко Николая Ивановича Костомарова.

Следующее - тоже его.

Желиговский, "пробывши в Петербурге... около трех лет, часто виделся со мною у Белозер., с которым был дружен и неоднократно вместе с ним посещал меня. Он читал свои польские стихотворения, сколько помнится, драматической формы и при этом чтении не раз присутствовал Шевченко".

Заметки относятся к 1859 году. Не по времени их написания- по событиям.

1859... 19 ноября...

Эта дата значится под стихотворением "Подражание", посвященным "Эдуарду Сове". Заметьте: подлинное имя - и часть псевдонима. Шевченко как бы соединил на бумаге близкого сердцу друга Эдварда Желиговского и близкого по духу поэта Антония Сову.

На бумаге... В жизни они давно уже были для него неотделимы...

Ни призывов к борьбе, ни возвышенных слов вообще в стихотворении нет.

"Земная", "тихая" мечта о простом человеческом счастье - и только...

Посажу я возле дома

Для подруги милой

И яблоньку и грушеньку,

Чтобы не забыла!

Бог даст, вырастут. Подруга

Под густые ветки

Отдохнуть в прохладе сядет,

С нею вместе - детки.

А я стану груши с веток

Раать для милых деток...

С подругою-любимою

Перемолвлюсь этак:

"Помнишь, друг, я перед свадьбой

Их сажал весною...

Счастлив я!" - "И я, мой милый,

Счастлива с тобою!..."31

О нехитром человеческом счастье...

Но для Шевченко, лучшие годы которого прошли в ссылке, эта мечта не осуществима. И в простом лирическом стихотворении звучат ноты скорбные, трагедийные...

А ведь так же звучало оно в "Зорском"!

У Желиговского? Что, автор забыл, о чем писал раньше? Или переменял взгляд? Он же сам называл Чечета...

Ян Чечет под сомнение не берется. Именно им - вероятно, на основе народной песни - написано стихотворение, использованное впоследствии Тарасом Шевченко.

Спорить об этом с другими исследователями не приходится: их утверждение вполне доказательно.

Замысел "Подражания" мог возникнуть при первом знакомстве поэта Украины со сборником Яна Чечета, который вышел в свет еще в 1846-м и стал известен ему, скорее всего, в ссылке.

Но Желиговского я называю не случайно. И о "нотах скорбных, трагедийных" говорю не зря.

Дело в том, что Желиговский вложил это стихотворение-песню в уста героев своего "Зорского"; они поют ее, правда, в измененном виде, по ходу действия.

Шевченко слушал "Зорского" в чтении автора. Песня сватов Зубчинского и Ходкевича, прозвучав в драматической поэме о горе и борьбе народа, не могла не приобрести новых оттенков, новых нот. Она стала еще ближе, еще созвучнее его сердцу - сердцу Кобзаря.

Так что, если Шевченко и подражал Яну Чечету, то непосредственным "виновником" рождения стихотворения являлся Желиговский.

И посвящение "Эдуарду Сове" - закономерно...

Это стихотворение было переписано на память Эдварду Желиговскому где-то перед расставанием. В начале шестидесятого Желиговский уехал в Вильно и встречаться далее они не могли.

Шевченко умер без него...

Но до самого последнего вздоха Тарас Григорьевич ни на день не расставался со своим польским другом.

Среди немногих книг, которые постоянно находились у него под рукой, был и подаренный Желиговским том его поэзии.

Он стоял рядом с томами Белинского и Шекспира, Гоголя и Шиллера, Огарева и Полежаева...

Он стоял рядом с "Кобзарем"...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, которая не должна остаться последней

Не должна!

Я уверен в этом, я хочу этого - и буду счастлив, если в таком же мнении утвердитесь вы.

Какие использованы мною источники о жизни Желиговского в Оренбурге и Уфе, о дружбе его с Шевченко?

Дела архивные - преимущественно оренбургские.

Издания краеведческие - в том числе шевченковеда-ми не использованные.
Опубликованная переписка Тараса Шевченко и Бронислава Залеского.
Записи - тоже опубликованные - в шевченковском Дневнике 1857 - 1858 годов.

Старые и новые труды о русско-польских, украинско-польских связях, о национально-освободительном движении народа Польши и его активных деятелях.

Наконец, старые и новые статьи о Желиговском (специально или в числе других) - от небольшой заметки в изданной почти сто лет тому назад книге "Поэзия славян"³² и довольно развернутого примечания к выпущенному в 1919 году одиннадцатому тому собрания сочинений Герцена до работ наших современников Е. Кирилюка³³, В. Дьякова Б. Чайковского³⁴, С. Александрова³⁵, Н. Мещерского, Э. Мартыновой и А. Мальдзис, М. Гаско.³⁶

Все это оговорено в ссылках, и к источникам может при желании обратиться каждый.

Но есть... - да, я не оговорился, есть... - источники не раскрыты, пока подспудные.

Они подобны родникам, которые еще не забили. А забьют-и столько людей прильнет к их светлым струям, прильнет с жадностью, с восхищением!

Главным источником является, без сомнения, личный архив Эдварда Желиговского.

Следы его отыскивались в Кракове. Но, как утверждают Мартынова и Мальдзис, в библиотеке Чарторижских им удалось увидеть и прочесть не много бумаг. К сожалению, период ссылки не представлен среди них почти никак, да и последующий тоже. А это пора зрелости Желиговского- как поэта, гражданина, общественного деятеля.

Где же остальное?

Предположение исследователей о том, что и остальное может быть цело, но только еще не раскрыто, глубоко волнует, будоражит воображение.

Среди неразысканных - рукопись "Варнака", подаренная Желиговскому, стихи в оригиналах или копиях, которые он с помощью друзей получал с Мангышлака. Могут быть и неопубликованные...

Никому не известные письма Залеского и других корреспондентов польского поэта,- а сколько там может быть подробностей о жизни Шевченко в Новопетровском...

Нельзя до конца исключить существование писем Кобзаря, адресованных в Уфу, посланных туда рисунков...

А разве не важны для нас дневниковые и другие личные записи, стихи и иные произведения самого Желиговского?

Их надо искать. Их нужно найти.

Где? Как?

Жил в Вильно Леонард Совинский.

Сын поляка-шляхтича и украинки-крепостной, он в те годы, когда Шевченко и Желиговский находились в далекой ссылке, учился в Киеве, в университете.

Историк, филолог, медик, Леонард с юных своих лет почувствовал в поэзии Шевченко душу самого народа.

Именно ему суждено было стать одним из первых - и самых значительных - переводчиков шевченковских стихов и поэм на родной польский, одним из активных пропагандистов его творчества в польском народе.

Нельзя не обратить внимания, что разгар этой работы падает как раз на то время, когда рядом с Совинским появился Желиговский.

В Вильно, где Совинский жил после университета и куда Желиговский вернулся в шестидесятом, они стали по настоящему близкими, самыми близкими друзьями.

Кому же, как не ему, мог доверить Желиговский наиболее важное из своего архива, когда некоторое время спустя, уже в 1861-м, решил отправиться за границу? Его гнала туда не только болезнь - хотя она и докучала все больше. Остаться - значило обречь себя на новые преследования. Поэт постоянно пребывал под подозрением; и "Зорский" и "Слово" укрепили его славу человека неблагонадежного.

Нет, не зря тот отъезд иной раз называют эмиграцией.

Так оно и было...

Однако, покидая родину, Желиговский не мог показать и вида, что уезжает навсегда или хотя бы надолго. Ему самому, наверняка, тоже не хотелось допускать такой мысли.

Это к тому, что архив должен был остаться в Вильно. У кого? У Совинского.

Со временем бумаги могли смешаться, архивы соединиться, составив один, общий.

...Нельзя допускать и мысли, что он исчез. Просто его пока не нашли, не извлекли из великого множества дел, которые ждут внимательного глаза.

Многие, очень многие факты убеждают: шевченковской наукой еще далеко не освоены архивы Вильнюса и других городов Прибалтики, архивы Варшавы, Кракова... в общем, Польши...

Но в этом случае я (вполне согласен с белорусскими коллегами!) начал бы со старого Вильно - нынешнего Вильнюса.

С его государственных архивов. С его музеев, библиотек. И с объявления в газете: "Дорогие земляки, не храните ли вы у себя старые бумаги Леонарда Совинского? Кто хоть что-то знает об их судьбе - откликнитесь".

В счастье бесценных находок -верю!..

Это не единственная из возможных версий.

Есть другая, параллельная.

...Желиговский, как я уже сказал, оставил родину в шестьдесят первом. Жил в Италии, Швейцарии. И всюду, куда ни забрасывала его судьба, он всечасно интересовался событиями, которые бушевали в России, в Польше. Как огромное личное горе перенес он подавление восстания 1863 года, гибель самых близких своих друзей - и среди них вдохновенного Зыгмунта.

Его жизнь оборвала не пуля и не петля - болезнь, поселившаяся в Желиговском еще со времен ареста, а затем ссылки. Но умер он бойцом. Уже после его смерти в одном из прогрессивных эмигрантских изданий вышла статья, в которой поэт и патриот возвысил свой голос против тех, кто старался извратить суть и значение национально-освободительной борьбы польского народа.

Он умер 28 декабря 1864 года, в Женеве.

...Я не пишу биографию - ни Шевченко, ни Желиговского. Но мне хотелось бы проследить (и проследить до деталей) весь путь польского поэта в последние годы его жизни. В каких городах он жил? С кем встречался и дружил? Кто был с ним рядом в роковой, последний день, когда навсегда остановилось его мужественное сердце?

Все это нити... нити поиска материалов, которые могли быть с Желиговским...

Польские коллеги, литературоведы и библиографы, архивисты и просто энтузиасты, не бросайте эту нить, где-то впереди клубочек, а, может, и клубок, который предстоит размотать!

Ищите!

И еще одно.

Тут уж речь о кладе почти фантастическом.

Среди польских поэтов, творчество которых Шевченко знал и любил, одним из первых должен быть назван Юзеф-Богдан Залеский.

Надо сказать, что уважение, любовь были взаимными. В тысячах верст от берегов Каспия Богдан Залеский следил за жизнью, за творчеством Шевченко и не из страсти коллекционера, а просто из человеческой симпатии просил у своего родственника Бронислава, а затем хранил долгие-долгие годы автографы Кобзаря - его рисунки и письма.

Они дошли до нас и хорошо теперь известны.

Но есть одна загадка - и какая загадка!

"От Бронислава и от уважаемого господина Эдварда Желиговского мы получили несколько тетрадей поэм и песен Шевченко, нигде, как видно, не опубликованных".

Это свидетельство самого поэта, данное им в примечании к стихотворению "Могила Тараса" и цитируемое во многих книгах, здесь упомянутых.

Несколько тетрадей... Поэм и песен... Не опубликованных...

Где, куда замуровало этот клад время?

В предвкушении новых поисков и новых находок заканчиваю я свою повесть.

Я не хочу, чтобы эта глава всегда оставалась последней. Искать, искать - и тогда родятся новые страницы о большой и прекрасной дружбе двух народных поэтов.

Мне верится: продолжение следует...

ГДЕ-ТО НА УРАЛЕ ...

"Двое путников в разное время вышли из противоположных пунктов, наметив для себя различные направления. Когда и где, спрашивается, могли они встретиться, если..."

Впрочем, цифровые, да и всякие прочие, условия в этой задаче ни к чему.

Не для того, чтобы измерять расстояния и подсчитывать время, отправлялся я из пункта Н., иначе говоря - из Оренбурга.

Не для этого выходил из своего Копейска, что под Челябинском, незнакомый мне архитектор Семенов.

Орск. У памятника Т. Г. Шевченко

Нас позвала в путь одна и та же загадка.

Если бы я сочинял детектив, то, вероятно, назвал его так: "Повесть о таинственной шкатулке, тринадцати бесценных документах и рядовом Шевченко".

К судьбе Кобзаря документы те имеют самое прямое отношение,

1. Беды и загадки Орского архива

Чем дальше продвигаюсь я в своих поисках, тем ближе, тем осязаемее для меня Тарас Шевченко.

Подняты и пересмотрены сотни архивных дел - тысячи, даже десятки тысяч листов. На заметку взято множество фактов и людей - до имен детей оренбургского приятеля, до фамилий купцов, которые торговали в Орской крепости.

Увы, "орский фонд" в архиве Оренбургской области до обидного скуден. Здесь-то и кроются причины недомолвок, недоразумений, пробелов в биографии Шевченко периода орской его солдатчины.

Сколько о ней, той поре, написано! А начнешь собирать все воедино - и всякий раз сокрушенно вздыхаешь: "Архив бы... архив..."

Речь идет об архиве орского коменданта, орского уездного воинского начальника. Его нынче не существует. А ведь был - и богатейший. Где же тот архив? Куда исчез-подевался?

...Накануне первой мировой войны - в мае 1914 года- в Петербурге проходил первый Всероссийский съезд губернских ученых архивных комиссий. Участвовал в нем и представитель оренбургских любителей старины А. В. Попов. Ему было о чем

рассказать. Комиссия в Оренбурге действовала с 1887 года и успела сделать многое: в какой-то мере упорядочить архив канцелярии генерал-губернатора, собрать ценные документы и экспонаты, выпустить более тридцати сборников (или, как их именовали,- томов).

Но была та комиссия бедной, даже нищей. Ни денежных ассигнований, ни штатных работников, ни помещений для хранения накопленного, ни сколько-нибудь узаконенных прав.

Горькие ноты звучали в выступлении Попова на съезде.

- Особенно грустна,- рассказывал он,- была для нас гибель комендантского архива Орской крепости - более 200 пудов дел было продано на наших глазах, потому что не было никакого способа воздействовать на военное начальство. Между тем в этом архиве заключались дела о военной экспедиции, о выступлении Аральской флотилии, которая играла столь большую роль, помогая с воды, с Аральского моря и с Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи нашим войскам; здесь были дела сосланных разных национальностей, между прочим о французских пленниках, дела о поэте Шевченко и многие другие,- и все это погибло на наших глазах.

Ценнейшие дела продаются как ненужный хлам - на пуды... И это несмотря на то, что "непременным попечителем" архивной комиссии являлся губернатор, а "высочайшим покровителем" - представитель царской семьи!

А, может, попечители да покровители и не желали этому архиву иной участи?..

...Среди двухсот пудов дел погибло не все.

При загадочных обстоятельствах документы, касающиеся Тараса Шевченко, начали исчезать из Орского архива еще в восьмидесятые годы.

И до сих пор жива версия, будто в 1888 году многие бумаги сгорели во время пожара. Однако утверждение Это опровергается свидетельством жившего в Орске Ссылного студента Г. П. Даценко. Попав - не по своей воле - туда, где некогда томился его великий земляк, Даценко проявил особый и вполне закономерный интерес к документальным источникам шевченковских лет.

Впоследствии, в 1893 году, он опубликовал статью "Несколько слов о Тарасе Григорьевиче Шевченко".

"С 1886 года по 1889 г.,- писал автор,- мне пришлось служить в военной службе в Орске в управлении уездного воинского начальника. При управлении оказался архив, в котором хранятся дела нескольких частей войск, бывших в 40 и 50 годах в крепости Орской, и других ближайших укреплений. Архив был в большом беспорядке, так что мне в 1888 году пришлось приводить его в порядок. Зная, что Тарас Григор. был первоначально на службе в Орске в № 5 батальоне, я стал просматривать дела с целью отыскать что-нибудь, имеющее биографическое значение. Хотя меня предупреждали, что все уже, что только было, вынута из дел и отослано будто бы в Петербург по чьему-то требованию, но это меня нисколько не остановило. Впрочем, действительно я стал замечать, что некоторые бумаги, и по-видимому относящиеся к жизни поэта,- вынуты из дел. Но мне все-таки попалось несколько бумаг, о которых я и намерен сообщить..."

Сообщение об этих "нескольких бумагах" носит весьма беглый характер. Неопытному исследователю документы "показались известными", и он даже не стал их переписывать. С одного листа снял копию, остальное же просто "попытался запомнить",

По словам Даценко, в архиве был рапорт батальонного командира о том, что прибывший в Орскую крепость Шевченко заявил претензию о невозвращении ему изъятого при аресте на Украине портфеля с бумагами и рисунками. Был, свидетельствовал он, ответ киевского губернатора, что портфель и вещи поэта отосланы в III Отделение. Нашелся, вспоминал автор заметок, "лист, на котором Тарас Григорьевич был приведен к присяге". Запомнилось ему - и оказалось взятым на заметку - распоряжение командира Отдельного Оренбургского корпуса от 27 апреля 1850 года о том, что перевод Шевченко в Новопетровское укрепление "отставляется" и он переводится из 4-го в 5-й линейный батальон, то есть снова в ту же Орскую, которую ранее успел не только узнать, но и возненавидеть. Попадались на глаза Даценко "списки нижним чинам, отданным в военную службу... за политические преступления".

Но... обнаруженное и прочтенное его разочаровало.

Рассчитывал он, надо понимать, на большее. "Других важных документальных сведений о пребывании Шевченко в войсках не попадалось мне, несмотря на то, что я чуть ли не по листам пересмотрел многие дела",- писал Даценко в конце статьи и снова с досадой подчеркивал, что ценные бумаги "вынуты раньше по чьему-то требованию из С.-Петербурга".²

Сожаление об утраченных документах заслоняет все. Только о них он и думает, только они его и занимают. Даценко даже на ум не приходит, что найденное нужно сберечь, что о находках надо позаботиться и, -конечно, следует снять копии. Мало ли что может случиться...

И ведь случилось! Случилось самое худшее - дела, которые Даценко держал в руках, исчезли, пропали...

2. Туманный намек... и сомнительный вывод

Известный провинциальный журналист А. Матов, статьи которого в свое время привлекали внимание Горького и Короленко, оказался в Орске уже после Даценко.

В 1895-1896 годах он на протяжении многих месяцев специально разыскивал материалы и свидетельства о пребывании здесь Тараса Шевченко. Заметка его предшественника к тому времени была напечатана в "Киевской старине", журналист о ней знал, для него она, в определенной степени, являлась компасом. Однако... компас этот привел к пустому месту.

"Масса дел (о Шевченко - все) выкрадены...- писал Матов в одном из январских номеров (1897 года) газеты "Камско-Волжский край".- Кто похитил эти драгоценные дела - один бог то ведает. Правда, носятся среди обывателей кое-какие слухи, но трудно придавать им вероятие, так как похитителем называют одну интеллигентную личность, успевшую, будто бы, документы эти выгодно эксплуатировать..."

Значит, во-первых, Матов документов не нашел. Значит, во-вторых, он пытался что-то об их судьбе узнать. Но - дальше смутных подозрений пойти не смог. Намек на "интеллигентную личность" слишком туманен...

Не туманным оказался этот намек лишь для Л. Хинкулова - автора книги "Тарас Шевченко и его современники". "По всем данным,- писал он, пытаюсь

прояснить судьбу орских документов,- автор этого сообщения (т. е. Матов) намекал на библиографа П. Л. Юдина".

Юдина? Из чего это следует? Чем современный исследователь мотивирует свой вывод?

Прочтем до конца: "...намекал на библиографа П. Л. Юдина, который на цитированную статью А. И. Матова откликнулся очень резкой по своему тону, раздраженной статьей, ссылаясь тут же на некоторые документы о Шевченко, ныне нам в оригиналах неизвестные".

Итак - Юдин рылся в Орском архиве, обнаружил документы, утаил и использовал их, а когда его обвинили, выказал публичное раздражение, в пылу которого еще более себя выдал.

Сколько это место из книги Л. Хинкулова ни читай - понять можно только так.

Но где факты? Где доказательства? Речь идет о преступлении, а, значит, расследование необходимо...

Первый довод обвинителя (Хинкулова)-юдинская статья в "Русском архиве".

Да, Матовым Юдин и впрямь недоволен, его выступлением действительно раздражен.

"Живя около года в Орске, г. Матов разобрал (по его словам) весь архив Орского уездного воинского начальника; но как и следовало ожидать, ничего не нашел там; ибо известно уже, что все дела о Шевченко сосредотачивались в штабах 23-й пехотной дивизии и корпусном, о чем г. Матов, конечно, не знал..."

"Никому не представлялось никакой выгоды эксплуатировать дело о Шевченко именно орского архива, когда гораздо интереснее дела о нем, хранившиеся в Оренбургском корпусном и центральном архивах, частью уже опубликованные..."

Юдин обвиняет Матова и в том, что он "не потрудился прочитать что-либо ранее напечатанное о поэте", и в незнакомстве "с порядками письменных дел военных управлений", и в доверчивости к "сомнительным свидетельствам".

В общем, он возмущен искренне.

Означает ли это, что резкость и раздражение в адрес Матова вызваны завуалированным обвинением его, Юдина, в делах недостойных?

Я склонен рассуждать иначе, чем Л. Хинкулов.

Павел Львович Юдин, сотрудник "Русской старины" и ряда других изданий, не библиограф, но книголюб, затратил много сил и времени для отыскания в Оренбургской губернии материалов о Шевченко. Он немало потрудился в архивах Оренбурга и извлек ряд интересных документов. Эти документы были им прочитаны и истолкованы в единственно верном, по его мнению, плане. Теперь же оказывается, что "новоявленный Матов" ставит вопрос совершенно иначе, тем самым отказывая ему, знатоку, в признании полноты и полновесности проведенных им разысканий. И он пытается зачеркнуть доводы Матова, беря под сомнение все: и его компетентность, и его серьезность, и даже использованную "новым биографом" статью Даценко. Такой подход чести не делает, но... случается даже в наше время, и всякий раз в таких случаях вместо доказательств приходит резкость.

...Я перечитываю юдинскую статью и все более утверждаюсь в мысли: Юдин незнакомился с Орским архивом. Во всяком случае до или вскоре после Даценко. В противном случае, он не ставил бы вопросительные знаки, говоря, например, о "присяжном листе", о котором (ссылаясь на статью в "Киевской старине") не преминул

написать и Матов. "Что касается присяжного листа,- доказывал мнимую несостоятельность этого документа Юдин,- то, во-первых, весьма сомнительно, чтобы политический ссыльный приводился к присяге; а, во-вторых, если бы таковой лист существовал, то, согласно воинским законоположениям, его обязательно должны были переслать к корпусному командиру для представления шефу жандармов".

Но если бы такого листа не существовало, Даценко о нем и не упомянул...

Идя дальше, Л. Хинкулоз категорически заявляет, что в своей статье Юдин ссылается на некоторые документы о Шевченко, затем исчезнувшие. Вот она, та самая "выгодная эксплуатация"! Вот он, обвинительный довод № 1!

Однако этот довод оказывается всего более несостоятельным. Да, документы Юдиным приводятся, и касаются они преимущественно пребывания поэта в Орской крепости. Но все эти документы - оренбургского происхождения. Не вызывает сомнения, что взяты они из дивизионного, корпусного штабов. "Исчезнуть" из Орска ни один из них не мог, так как там и не находился. Уместно заметить, что оригиналы, по крайней мере некоторые, благополучно сохранились до наших дней и находятся там, где им и быть надлежит.

Нет, "интеллигентная личность", о которой слыхивал Матов, это не Юдин. Обвинение не подтверждается.

...А пропажа была!

Документы, увиденные и прочитанные в 1888 году Даценко, к 1895-му, то есть ко времени приезда в Орск Матова, из архива исчезли.

Исчезли до того, как свершилась черная расправа над двумястами пудов бесценных дел о прошлом Орской крепости. Гибель этих двухсот пудов лишь закончила ранее начатое расхищение дорогих документов, исчезавших бесследно.

3. Встреча на журнальной странице

И вот я читаю:

"Золотоискателями треста "Миассзолото" (Урал) недалеко от Орска обнаружены документы, которые относятся к периоду пребывания Т. Г. Шевченко в Орской крепости... Документы прекрасно сохранились..."

О чем речь? Золотоискатели - и вдруг историко-литературная находка?

"Среди документов имеется оригинал присяги, которую с принуждением дал Шевченко по требованию командира корпуса. Сохранилась вся переписка по делу об отказе Шевченко от присяги..."

"Присяжный лист"? Тот, который видел в Орском архиве Даценко и существование которого взял под сомнение Юдин? Тот, что был и исчез?

"Среди найденных документов имеется такой интересный документ, как сопроводительное письмо, направленное из министерства внутренних дел при пересылке Шевченко в Орскую крепость. В этом документе говорится: "Содержать Шевченко под строжайшим надзором и чтобы от него ни под каким видом не выходило возмутительных и пасквильных сочинений..."

Даценко об этом документе не упоминает. Но мог ли он все запомнить, если полагался только на свою память? Впрочем, какое имею я право на основании одного, возможно случайного, совпадения отождествлять виденное им с тем, что нашли золотоискатели?

И все-таки...

"Большой интерес представляет документ о том, что во время ареста Шевченко его буквально ограбила киевская охранка. У него отобрали альбом, кисти, зарисовки, одежду... Эти вещи так и исчезли в петербургской охранке..."

Как тут не вспомнить пересказанный Даценко рапорт батальонного командира о шевченковской претензии по поводу изъятия "портфеля и вещей"? Снова совпадение?

Или...

Надо, во что бы то ни стало надо узнать все обстоятельства этой находки.

Что говорится о ней еще?

"Все эти, найденные под Орском, документы попали к руководителю треста "Миассзолото" т. Г. Чухрито и привезены редактором золотопромышленной газеты "Шахтерский натиск" т. Швецовым в Москву..."

С Урала, значит, шевченковские бумаги перевезли в столицу. А дальше?

Дальше их судьба сплелась с именем замечательного человека - нестигаемого бойца из славной ленинской когорты.

Постышев... Людям моего поколения он памятен и дорог, как один из тех, с кого мы брали пример, с кого "делали" жизнь свою. О нем ходили легенды. Как и подобает истинному коммунисту, он всегда был впереди - и в партизанских боях на Дальнем Востоке, и в битвах за уголь в Донбассе. Его не миновали пули, не щадили болезни, но не было силы, которая могла бы заставить большевика свернуть с пути или приостановиться.

Заметка, что перед моими глазами, датирована 1935-м. В ней он еще живой. Живой и деятельный.

"...9 июня Павел Петрович Постышев получил от т. Швецова тринадцать (1) документов на двадцати одном (!) листе, чтобы передать Научно-исследовательскому институту им. Т. Г. Шевченко.

Тов. Постышев придает этой находке исключительное значение. На место находки украинское правительство командировало специальных работников для установления полной картины отыскания этих документов и выявления остальных вещей, которые были найдены в шкатулке".

Последние строки заметки составляет короткое письмо: "Благодарю товарищей золотоискателей за исключительно ценную историческую находку - документы о великом украинском поэте Т. Г. Шевченко. П. Постышев"б.

Заметка в журнале невелика, и ничего более в ней не сообщается. Но и без того она рассказала мне о многом.

Журнал выходил в Харькове. В Харькове же находился Шевченковский институт. Информация могла быть получена здесь. Стало быть, документы к тому времени уже оказались на украинской земле.

Официальных сообщений, однако, по этому поводу не было. Я буквально обшарил двухтомную библиографию написанного и напечатанного о Тарасе Шевченко, но нашел лишь еще одну заметку, совсем крохотную. Она обнаружилась в том же журнале, за тот же год, только двумя книгами дальше.

Если в июльской сообщалось, что украинское правительство выслало на место находки специальных своих представителей, то в девятой, сентябрьской, речь

шла об их возвращении. Они побывали в Орске, где нашли "ряд материалов, которые характеризуют быт николаевской крепости". Кроме того, экспедиция "записала серию легенд, связанных с пребыванием Шевченко" в этих местах.⁷

О документах и обстоятельствах их обнаружения - ни слова. Будто не ради этого экспедицию снаряжали...

Почему к "шевченковскому кладу" так внезапно охладели? Почему не стали расследовать загадку его возникновения и открытия? Почему...

Этих "почему" можно задать много.

Не важнее ли убедиться, что документы в полной сохранности и, как говорится, в "научном обороте"?

Это, конечно, самое главное.

Но что-то ни разу не читал я текста присяги, к которой был приведен рядовой Шевченко... что-то нигде не приходилось мне встречать ссылок на находку тридцать пятого...

И отправились из Оренбурга первые письма. Письма по всему пути следования документов - от Миасса и Ор-ска до Москвы, до Украины. Не простое любопытство - тревога за судьбу ценнейших бумаг нашептывала мне возможно более убедительные слова запросов,

...Не без труда удалось установить: бесценные документы находятся в Киеве. И, одновременно, узнал: такие же письма-запросы, как я, рассылал еще один человек - Михаил Семенов.

4. Архитектор из Копейска

Наше знакомство - и поныне заочное - состоялось гораздо позднее. Но расскажу я о Семенове сразу, не откладывая.

До окончания школы жизнь его шла, как и у большинства сверстников. Достаточно прямым обещал быть путь дальнейший: институт... диплом... любимое дело... Все смешала война. Студент-архитектор эвакуироваться с институтом отказался - остался защищать Москву. Потом - военное училище с сокращенным сроком обучения, по Ладоге - в осажденный Ленинград, и снова - бой. Молодого офицера война провела через половину Европы, до самого Будапешта. Много было дерзких вылазок, стремительных налетов. Всякий раз возвращался живой и невредимый. Но после одного, особенно глубокого рейда на родину ушла похоронная: "Погиб смертью храбрых".

Он и сам думал, что погиб. А оказался в плену, в концлагере строгого режима. Это было хуже смерти. И, сидя за колючей проволокой, Семенов жалел об одном - о том, что остался жив.

Но - живые боролись. И, при первой возможности, он вместе с группой товарищей бежал.

Теперь у Семенова добрая слава строителя и архитектора, лауреата конкурсов на лучшие здания. В течение многих лет он является главным архитектором краснознаменного шахтерского Копейска. Работает самозабвенно, увлеченно. Именно любовь к своему городу сделала его и энтузиастом-краеведом. Это он, страница за страницей, раскрыл людям чудесную жизнь Ивана Ивановича Редикорцева - первооткрывателя каменного угля на Южном Урале - и подарил Копейску монумент-

памятник русскому искателю-инженеру. Это он вернул своим землякам забытые и полузабытые имена тех, кто работал для славы России вместе с отцом булатной стали П. П. Аносовым. Это он... он оказался моим "соперником" в новом "шевченковском поиске", к рассказу о котором пришло время вернуться.

...Мы выходили в разное время и из противоположных пунктов, наметив для себя к тому же направления различные. Но - встретились.

Однако теперь я передаю слово Михаилу Семенову. Человек живой, остроумный, он в письме ко мне изложил ход своих поисков в духе и стиле детектива. Даже подзаголовками снабдил по образцам этого жанра. Например, "Лошадь и хризантемы".

Итак, на время я отступаю в сторону. Прошу, Михаил Григорьевич. Рассказывайте.

..."ЛОШАДЬ И ХРИЗАНТЕМЫ. Вы уже знаете, что по специальности я архитектор, а поэтому равнодушен ко всему красивому. И вот представьте себе такую картину: около здания горсовета, купаясь в лучах солнца, цветут эти самые хризантемы, поодаль стоит серая лошадь, и вдруг, от нечего делать, она подходит к цветам и преспо-койненько начинает их пожирать... Огрел я лошадь тихохонько в морду и стал дожидаться ее хозяина. Ждать долго не пришлось. Массивная дверь открылась и из нее показался... нет-нет, не человек... ворох старых газет на человеческих ногах. Газеты улеглись на дно телеги, подняв столб пыли, и предо мною оказался возчик с довольной улыбкой на губах... Пришлось объяснять, что такое цветы и как их охранять. А между делом узрел, что газеты - местные, за тридцать пятый год. Неужели в макулатуру?.. Чтобы как-то сгладить конфликт, я пригласил заготовителя за угол, где находится моя контора, и быстро совершил обмен: газеты на какие-то старые, действительно ненужные бумаги. И у старых газет началась новая жизнь.

ИСТОРИЯ КОМСОМОЛА И... ШЕВЧЕНКО. Работала у нас бойкая дивчина-украинка, геодезист по профессии. Увлекалась самодеятельностью и прочими делами общественными. Отпускать ее "а концерты и другие мероприятия мне надоело и засадил я дивчину за разбор газет, дав для целеустремленности тему: история комсомола. И вот однажды вечером Нэля вихрем врывается в мой кабинет и... с большим трудом удается мне понять, что в газете, местной нашей газете "Копейский рабочий" за 1 июня 1935 года ее поразило сообщение: некто Воронцов, работник золотых промыслов, передал управляющему трестом "Миассзолото" по фамилии Чухрито документы... Тараса Шевченко. "А вдруг они пропали?!" - "Проверьте..." - "А как это сделать?" Действительно, как?

КАПИТАН ИДЕТ ПО СЛЕДУ. На фронте я командовал взводом разведки, кое-что в делах затруднительных "кумекаю". Первый шаг был сделан в направлении... милиции. Там ответили, что ни Воронцовых, ни Чухрито в нашем городе нет. Стал искать архив треста "Миассзолото". Нашел. Но о Воронцове и Чухрито узнал лишь то, что их следы теряются где-то в 1937-1938 годах. Попросил разыскать кого-нибудь из тех, кто их знал и хоть что-нибудь слышал о "шевченковском кладе". И вдруг... о, радость!.. милицейский работник отыскал пенсионера-бухгалтера, который не только знал интересующих меня людей, но даже держал у себя в сейфе найденные бумаги. Потом Чухрито передал их в местный музей. Музей? Не скажут ли что-то интересное там? Ответ был, однако, неутешительным: "Ищем сами, да безрезультатно"... Еще раз побеседовали с бухгалтером. Но узнали только биографические подробности: Воронцов в прошлом был дворянином, владельцем Непряхинских золотых промыслов,

после революции работал золотых дел штейгером в системе "Миассзолото", в тридцатых годах подвергся аресту, находился в ссылке, вернулся в Непряхино, поселился у старушки, бывшей своей прислуги и... тихо по-мере...

ПОХОД ПО СЛЕДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Разыскали старушку, что Воронцова приютила, а она, бедная, читать-писать никогда не умела, а память потеряла от древности лет. Одно только сообщить могла, что у "хозяина" ее "гумаг разных целый сундук был и все-то он чегой-то писал и писал". И сколько ни бились - тупик. Тем временем пенсионер-бухгалтер вспомнил, как единожды слышал от Василия Эмильевича (это Воронцова так звали), что "бумаги Тараса Григорьевича" он выиграл в городе Екатеринбурге >в карты у офицера. Вначале офицер хотел бумаги Воронцову продать, так как тот почему-то интересовался темой "Воронцов и Шевченко", но... карты изменили и, вместо продажи, получился проигрыш... Интересовался, значит, темой? Любопытно! Тут же я запросил Ленинскую библиотеку и получил ответ: во время ссылки одним из командиров у поэта был некий подпоручик Воронцов, который, по сведениям его супруги, долго жившей в Орске и именно там поделившейся воспоминаниями с журналистом Матовым, относился к Шевченко чуть ли не по-отцовски. Не был ли Василий Эмильевич потомком того подпоручика?

СЛЕДЫ ВЕДУТ В КИЕВ. В одном из писем, сейчас уже не помню от кого, я прочел, что, примерно в одно -время с найденной мною, в местных газетах печаталась другая заметка о тех же документах. Удалось установить: действительно, в "Колхозной газете" за 2 июля 1935 года (то есть через месяц после сообщения "Копейского рабочего") была помещена информация "Че-лябТАСС" о том, что документы, хранившиеся у Воронцова и отданные Чухрито сначала в Миасский музей, вскоре были директором этого музея Черных пересланы товарищу Постышеву. И на этом месте розыск документов застопорился.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. А документы - те самые, тринадцать, на двадцати одном листе - преспокойно лежали с довоенных времен в Шевченковском институте Академии наук Украины, только историю их позабыли. Об этом мне сообщил Е. П. Кирилюк. Теперь там находится и толстый том моей двухлетней переписки. Искал, кажется, зря. Но "разочарованным" я себя не считаю. Всякий поиск дает обильную пищу для размышлений. Как собрату, признаюсь: посвящать досуг делам такого рода - радость превеликая".

Именно - радость! Я испытал ее множество раз - столько, сколько отправлялся в поиск сам.

Стала она моей спутницей и теперь. С того самого дня, когда я впервые прочел заметку в давнишнем номере украинского журнала. С того часа, когда написал первые письма, продиктованные тревогой за судьбу бумаг.

И разве теперь мне достаточно убедиться, что они целы, зарегистрированы и пронумерованы?

А до конца ли восстановлена их история? Прочитаны ли они во всей полноте?

...Архитектор из Копейска отправил переписку в архив. Я этого сделать не могу, не считаю себя вправе. Поиск не закончен. Ни его, ни мой.

5. Итан: Воронцов и Шевченко...

Одна из версий Семенова увлекла меня больше всего.

Воронцов и Шевченко... Шевченко и Воронцов...

Соединение этих фамилий, этих судеб могло, казалось, весьма убедительно объяснить, каким образом важные для биографов шевченковские документы попали, притом на долгое время, в руки неизвестного "частного лица". Не литературоведа и не историка - золотоискателя, а в прошлом золотопромышленника...

Но версия только версией и останется, если не найти в пользу (или против) ее доказательств достаточно веских.

...В последние годы изданы две объемистые книги воспоминаний о Тарасе Шевченко.

Листаю киевский сборник. И вот - первое упоминание о Воронцове. Со слов поручика Фролова, который служил на Мангышлаке, некий Ф. Пискунов записал, что "во время пребывания Шевченко в Новопетровском укреплении он, несмотря на запрещение, иногда все-таки рисовал, и между прочим нарисовал портреты с Фролова и подпоручика Воронцова, которого очень любил".

"Очень любил..." Для начала это немало.

К сожалению, нигде далее о Воронцове не сказано ничего. Может, подробнее можно узнать о нем из московского издания?

Уже в оглавлении бросается в глаза фамилия одного из авторов: А. Матов. Того самого, который искал шевченковские материалы в Орском архиве. Того, что встречался в Орске с супругой Воронцова и беседовал с ней о Тарасе Григорьевиче.

А вот и изложение ее рассказа - оно приведено составителями сборника почти полностью, так, как некогда публиковалось в газете "Камско-Волжский край".

Тут названо имя Воронцова - Владимир Петрович; читателю становится известным, что во время строительства Новопетровского укрепления он заведовал "материальной частью", а позднее командовал ротой, в которой служил рядовой Шевченко.

"...Воронцов не был поклонником фухтелей и шпицрутенгов. Это был человек просвещенный, с хорошими порывами, артист в душе и при всем том мягкий и добрый начальник. Он великолепно рисовал акварелью и масляными красками... Разумеется, ссыльный солдат и командир-художник очень скоро узнали друг друга и сошлись, насколько было возможно "сойтись" начальнику с подчиненным при тогдашнем воинском режиме... Сам Воронцов, под тем или другим предлогом, нередко брал с собой Шевченко, и они уходили в степь, за крепостную стену. Здесь обыкновенно наскоро натягивалась грунтовка, появлялись кисти и краски, и два художника на полной свободе отдавались своей общей страсти..."

Вот какой характер носила эта дружба. Можно добавить, что Воронцов был еще и любителем поэзии; как вспоминала его супруга, "стихи Шевченко он впоследствии добросовестно заучивал наизусть и долго их помнил".

Что ж, подтверждения, выходит, есть... Но - стоп! Подтверждения чему? Тому, что у Шевченко и впрямь был знакомый по фамилии Воронцов. Тому, что у них оказались общие интересы и это способствовало укреплению дружеских отношений. Но имеем ли мы основания протягивать какую-то нить от Воронцова-подпоручика к Воронцову-золотоискателю, от знакомства в Новопетровском укреплении к документам, найденным на Южном Урале?

Давайте порассуждаем, и прежде всего - о документах.

Допустим, что они и впрямь оказались в семье офицера Воронцова. При той постановке архивного дела, да еще в таком медвежьем углу, как Орская крепость, это не исключено. Тем более, ежели учесть, что Воронцов, переведенный сюда по службе и здесь оставшийся доживать век, имел достаточно знакомых в кругах военных. Но вот владелец документов умирает. К его вдове приходит весьма искусный в поисках журналист. Он вызывает ее на воспоминания. Он по крупицам собирает факты, которые сохранила память женщины. Он записывает, переспрашивает, выпытывает. Может ли супруга покойного Воронцова не показать семейных реликвий, связанных с именем Шевченко, не вспомнить, наконец, о том, что в семье имелось, но по той или иной причине оказалось у кого-то из других наследников или даже утрачено? А Матов не услышал об этом ни слова. Не услышал по одной-единственной причине: собеседница не могла сообщить ничего.

Продолжим цепь рассуждений.

Человека занимает конкретный вопрос: "Воронцов и Шевченко". Ему лестно иметь документы, подтверждающие причастность своего предка к судьбе выдающейся личности. Что же из этого вытекает? Да раньше всего то, что собранные (или разом полученные) бумаги должны пусть где-то содержать упоминание Воронцова - хоть подпись, что ли. Но эта фамилия могла войти в шевченковские документы новопетровского, а никак не ор-ского периода жизни поэта. К первым четырем годам ссылки Шевченко Владимир Петрович Воронцов отношения не имел. Между тем, судя по журнальной заметке, только этот период в находке и представлен. Да, 1847- 1850...

... - По вашему запросу прибыла единица хранения из Института украинской литературы имени Шевченко,- позвонили мне из Оренбургского областного архива.

О, значит с перепиской копейского моего собрата я смогу познакомиться не в ироническом его изложении, а, так сказать, в подлинниках!

И почти в ту минуту, когда раздался этот телефонный звонок, почтальон принес пакет. Тоже из Киева. Тоже из института. Опись документов о Т. Г. Шевченко... Документ... Документ... Документ... Все тринадцать!

Не знаю почему, но прежде всего я стал искать упоминания о Воронцове - оттого, наверное, что мысли мои были заняты именно этой версией. Среди множества фамилий Воронцова не оказалось.

А документы интересные - и, кажется, до конца не прочитанные, не использованные...

6. Говорят документы

Ни в первом, ни во втором изданиях "Документов и материалов о Т. Г. Шевченко" почти ни один из них не приведен.

Аналогичные есть, этих - нет.

Например, такого:

"Государь император высочайше повелеть соизволил бывшего художника С.-Петербургской Академии художеств Тараса Шевченко за сочинение возмутительных стихов определить в Отдельный Оренбургский корпус рядовым с правом выслуги под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

О таковой монаршей воле сообщая Вашему превосходительству и препровождая рядового Шевченко, по-корнейше прошу зачислить его в Оренбургский линейный № 5 батальон, учредив за ним - далее повторяется снова- строжайший надзор с запрещением ему писать и рисовать и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений".

Это - предписание командующего Отдельным Оренбургским корпусом и Оренбургского военного губернатора командиру 23-й пехотной дивизии. Его подписали генерал-лейтенант Толмачев, который заменял выехавшего "в степь" Обручева, и начальник корпусного штаба генерал-майор Прибытков. Указание Толмачева адресовалось... самому Толмачеву: командующим дивизией являлся именно он.

(Кстати, для соблюдения точности, которая важна в любой публикации, хотелось бы заметить, что о прибытии Т. Г. Шевченко в Оренбург Толмачев доносил военному министерству как исполняющий должности военного губернатора и корпусного командира, а не как начальник дивизии - это было бы нарушением субординации. Так что заголовок над известным рапортом его от 11 июня 1847 года¹¹ нуждается в уточнении).

Следующий лист вводит в наш оборот новую в шевченковской литературе фамилию: Дударь. Она принадлежит старшему адъютанту, который и препроводил Шевченко в штаб дивизии. Его принял подполковник Чигирь. "Командующий 5-м батальоном капитан Мешков находится ныне в городе Оренбурге",- сообщил он.

Все биографы рассказывают, как добивался Шевченко возвращения отобранных у него во время ареста рисовальных принадлежностей. В Оренбурге с такой просьбой он обратился к поручику Почешеву,* когда тот принял его под свое начало для пересылки в Орскую.

Передо мною - копия рапорта названного поручика, адресованного капитану Мешкову: "Определенный на службу в командуемый Вашим благородием батальон... Тарас Шевченко объявил мне претензию, что по отбытии его из г. Киева остались там собственные его вещи..." После перечисления утраченного, излагается суть просьбы: "снести с кем следует о высылке тех вещей для удовлетворения претензии".

Под рапортом - дата: "20 июня 1847 года". Тут же значится: "Оренбург". О, это особенно интересно!..

Некоторые исследователи-шевченковеды, ссылаясь на свидетельства современников, утверждают, что пребывание Шевченко в Оренбурге в первый раз продолжалось всего дня три-четыре, от силы - пять. Им представляется все таким образом, будто не позднее 14-15 июня Тараса Григорьевича вывели в этапной колонне и отправили к месту назначения пешком. Правда, в последних работах все чаще высказываются возражения. В свидетели призывают самого Шевченко, который, основываясь, конечно, на собственных впечатлениях, в повести "Близнецы" описал путь своего героя из Оренбурга в Орскую на перекладных. Но спор продолжается - есть доводы и "за", и "против".

Между тем рапорт Почешева, "20 июня" и "Оренбург" под ним должны бы помочь этот спор прекратить.

Что я имею в виду?

Рапорт, по глубокому моему убеждению, мог быть написан либо в пункте, из которого начался путь, либо по прибытии на место, но никак не в дороге. Для

поспешного сочинения рапорта во время остановки на промежуточной станции не было никаких оснований: отправка его с маршрута не вызывалась срочностью, да и осуществлена быть не могла. Будь рапорт написан уже в крепости - стояла бы иная географическая помета, не говоря о другой дате. Так что остается сам Оренбург.

Почешев, скорее всего, писал непосредственно перед отправлением. В таком случае, 20-е июня - это день выезда Шевченко из Оренбурга, где он, стало быть, находился не три-пять, а десять дней.

Выезд 20-го не исключает прибытия 23-го или даже 22-го в конце дня. Вспомним, что из Петербурга в Оренбург его привезли на восьмые сутки. Тут же расстояние в несколько раз короче - менее трехсот верст.

Можно ли отмахиваться от этого документа, от этого свидетельства - хотя бы даже косвенного? Не следует ли внести поправку в летопись шевченковской ссылки?

...Почешевский рапорт срочным документом не был. Об этом можно судить уже по тому, что ход ему капитан Мешков дал лишь в середине июля; в тот день, 14-го, он обратился к Киевскому гражданскому губернатору Фун-дуклею. Ответ из Киева (о том, что "вещи, принадлежавшие бывшему художнику Тарасу Шевченко, отправлены... в III Отделение собственной Его величества канцелярии") датирован 19-м августа. Он тут же: изъят, как видно, из одного и того же дела...

Нам важно знать, какие были у Шевченко в то время друзья, какие недруги, с кем свела его нелегкая судьба изгнанника. Ценнейшим приобретением явился бы полный список "личного состава" Орской крепости. Но списки, в большинстве своем, исчезли - скорее всего, среди тех "двухсот пудов дел", о трагической судьбе которых речь шла вначале. Кое-что, однако, оказалось изъято до этого. Вот и здесь, среди бумаг уральской находки, есть "Список нижним чинам Оренбургского линейного № 5 батальона" - тем "нижним чинам", которые поступили сюда либо "по высочайшему повелению", либо "по кон-фирмациям главнокомандующего действующею ар-миею". По какой-то надобности список был составлен в январе 1848 года. Шевченко в нем значится за Гаврилой Павловым, сосланным "в крепостную работу" после пребывания в Кронштадтской арестантской роте, перед Михаилом Чемердой, попавшим в Орскую "за нахождение с давнего времени в бегах".

Вчитываешься лист за листом в документы и как бы погружаешься в засасывающий омут далекой, третьеразрядной военной крепости, ощущаешь удушающую атмосферу тех тяжелых для вольнолюбивого Тараса дней. Много о них написано. Но исчерпано не все. Надо собирать факт за фактом. По крупницам. Упорно. Не жалея времени.

...Этот же вопрос надо решить сейчас, сразу.

"Воронцов и Шевченко"...

Нет, пожалуй, ничего опаснее,, чем попасть в плен одной - правдоподобной и ошибочной - версии!

Вечером в архиве я получил возможность в полной мере оценить кропотливый, увлеченный труд архитектора Семенова - моего коллеги по этому поиску¹². oo- Он писал в юный Южноуральск, возникший только в 1963-м, и в древний, тысячелетний Киев., Он связывался с десятками учреждений - от столичного архива до маленькой сельской школы, от академического института до районного отделения милиции...

Семенов искал Чухрито, Черных, Воронцовых. Воронцовых- настойчивее всего. Еще бы - ведь находка связана, прежде всего, с этой фамилией!

...Но связана она не потому, что документы представляли собой какую-то "фамильную" реликвию. Чем больше вчитывался я в материалы, тем яснее становилось: налицо заблуждение. Случайное совпадение фамилий, причем весьма распространенных, было воспринято как нечто важное, решающее загадку необычной находки.

За недоказанностью версия принята быть не может.

7. Как представляется мне

Зачеркнуть версию не просто, но легче, нежели выдвинуть - и утвердить - новую.

А все же я попытаюсь.

...Читая бумаги, собранные Семеновым, я выделил для себя свидетельства Михаила Федоровича Фролова - человека, судя по всему, к недавнему владельцу бумаг наиболее близкого.

Память, да еще в пожилом возрасте, отдает впитанное ею не сразу. Так получилось и с Фроловым. Расспросы незнакомца, вдруг заинтересовавшегося событиями тридцатилетней давности, поначалу застали его врасплох. Как попали шевченковские документы к Воронцову? Воронцов что-то на сей счет говорил...

Сдается, они представляли семейную ценность - кто-то из рода Воронцовых вроде бы служил с Шевченко. (Отсюда и пошла та, ныне развенчанная, версия.)

У Василия Эмильевича было немало старых бумаг. Ими он дорожил, как памятью о прошлом, о молодых своих годах. А не об этих ли рассказывал, что выиграл их в карты у некоего офицера в Екатеринбурге? Да-да... Хотел купить заинтересовавшие его документы, но получил бесплатно - повезло в игре...

Выиграл, может, и не эти - другие. Он, Фролов, слышал еще, что какие-то важные бумаги Воронцову передал знакомый офицер. Вот-вот, можете даже записать: "...знакомый офицер, который сознавал их ценность, их историческое значение и доверил сохранить для народа".

Клубок распутывается медленно. Но ниточка тянется... тянется... И вот небольшое, но существенное уточнение: не просто "знакомый офицер", а человек, причастный к полиции, даже начальник полицейского управления. "В каком-то крупном городе в дореволюционное время начальник полицейского управления отдал Воронцову документы на хранение..."

Это заявление - не из частного письма. Архитектор из Копейска не имел возможности многократно встречаться с Фроловым со станции Полетаево. С просьбой уточнить обстоятельства находки он обратился в районное отделение милиции и вскоре получил официальный ответ: "Участковый уполномоченный Загидуллин сего числа взял объяснение от гр-на Фролова Михаила Федоровича, 1903 года рождения, уроженца гор. Челябинска, русского, беспартийного, образование 7 классов, женатого, работающего бухгалтером лесопитомника..." В этом "объяснении" и приведены слова о том, что документы Воронцову передал важный чин полиции. "С моих слов записано верно, мною прочитано" - значится в конце.

Память-память... Долго же приходится ожидать, пока выложишь то, что тебе известно!

Но теперь, все собрав и сопоставив, можно сделать более определенные выводы.

Первый. Бумаги действительно были похищены. Не отправлены "по официальному запросу" в Петербург - украдены прямо из дел. Иначе они находились бы в другом хранилище, но отнюдь не в руках офицера - полицейского или армейского, все равно.

Второй. Никакого отношения к пропаже этих документов Юдин, на которого пали подозрения, не имел и иметь не мог. В его руках они не были. Долгом считаю оградить от подозрений доброе имя журналиста-краеведа, в то время еще весьма молодого (и потому в споре с Матовым излишне горячего).

Третий - и главный - вывод заключается в том, что непосредственными виновниками варварского расхищения дорогих народу документов были царские власти.

Для быстрой ликвидации материалов о борцах за свободу, которые томились в неволе Орской крепости, они сделали все...

8. Дыхание времени

Суждено было исчезнуть и этим.

...В те дни, когда экспедиция А. И. Бутакова, заканчивая описание Аральского моря, собиралась в Раим, чтобы оттуда начать путь к Оренбургу, командир четвертого линейного батальона запрашивал у командира пятого сведения на "переведенных по распоряжению начальника дивизии в 1848 году из командуемого вами во вверенный мне батальон нижних чинов, в прилагаемом при сем списке поименованных".

Запрос датирован 1-м сентября 1849 года. В Орской крепости его получили 23 сентября. Но ответить сразу Мешков, к тому времени уже майор, не мог. О том, где именно находятся и чем точно занимаются эти самые "нижние чины", отправленные за пятнадцать месяцев до того на неизведанный Арал, он имел самое смутное представление.

"Именной список" - тоже из бумаг воронцовских - называет нам тех, кто в трудном походе через пустынные степи шел рядом с Шевченко. Это тот же Михаил Чемерда, попавший в далекую крепость за побег с военной службы... Авдей Медведсков... Ефрем Букови-ков... Терентий Битинев... Степан Ткачев... Двадцатый - он, поэт-свободолюбец. Два командира батальонов, два майора потеряли его из виду.

К сожалению, не надолго. Скоро Шевченко снова, и еще острее, почувствовал все несправие солдата.

Обстоятельств оренбургской его жизни в 1849-1850 годах я касаться не намерен. Мне уже довелось о них писать. Напомню только, что достаточно было пустякового повода, ничтожного доноса, и Шевченко вновь оказался на гауптвахте, а затем...

Формулярные списки о службе "нижних чинов" - среди них и его, "рядового № 191" - из крепости Орской в Оренбург командиру четвертого линейного батальона были отосланы лишь 8 февраля 1850 года. А три месяца спустя, даже того меньше,

документам Шевченко, вместе с ним самим, довелось проделать путь обратный - в ту же Орскую крепость.

"...Покорнейше прошу Вас,- предписывал генерал от инфантерии Обручев командиру 23-й пехотной дивизии,- сделать распоряжение о переводе его (Шевченко - Л. Б.) из Оренбургского линейного батальона № 4 по-прежнему в батальон № 5 с учреждением над ним строжайшего надзора, с запрещением писать и рисовать и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений, как было сообщено мною Вашему превосходительству..."

На документе-несколько дат. Дата составления предписания - 27 апреля, отправления его из штаба бригады - 2 мая, получения в канцелярии пятого батальона-4-го.

(Не могу не подчеркнуть, что предписание генерала Обручева было отправлено из Оренбурга 2-го, а места назначения, Орской крепости, достигло 4-го. Это к тому, что ранее высказанное мною предположение о первом переезде поэта в ту же крепость в течение 20-22 или 20-23 июня 1847 года вполне закономерно).

Шевченко находился под караулом в Оренбурге, "в сдешней главной гауптвахте", а майор Мешков просил "не оставить уведомить меня, как именно показывать по отчетам рядового Шевченка, ибо он зачислен в списочное состояние командуемого мною батальона". Переписка по инстанции - от корпуса до батальона и от батальона до корпуса - не затянулась. Судьбу солдата решили быстро.

...Двадцать с лишним лет прожито мною в Орске - одном из крупных индустриальных и культурных центров на Южном Урале. Все эти годы я искал места, связанные с пребыванием в бывшей крепости Тараса Шевченко. Удалось установить и где находилась Орская гауптвахта. Это угол нынешних улиц Советской и Энгельса, там, где сейчас двухэтажный дом детского сада.

И вот сейчас я как бы вхожу в стоявшее тут когда-то мрачное здание крепостного застенка, знакомлюсь с теми, кто оказался на гауптвахте в одно время с Шевченко.

Разные это люди.

Иван Попов не первый месяц сидит по подозрению в краже разных предметов у казаха Сагитова... Максим Журавлев с Тимофеем Дмитриевым - тоже по подозрению, тоже в краже, только у плац-майора... И Гуляев Иван - с таким же обвинением: его поймали в квартире писаря комендантского управления "с выкраденной у сего последнего рубашкой".

А как не вспомнить зарисовки крепостных обитателей, сделанные Тарасом Григорьевичем в его русских повестях, читая в списке находящихся под следствием о Сергее Степанове, наказанном за пьянство и продажу казенной шинели, о Александре Антонове - владельце фальшивых билетов, о... Перечислить всех нелегко - список довольно длинен. Но не могу не упомянуть тех, обвинения которых отличаются от других: Павла Нечаева, посаженного на гауптвахту за то, что он отказался выполнять ружейные приемы и посмел возразить своему ротному, Константина Горшкова, осмелившегося на побег из крепости, вернее - доведенного до этого. Им подобных тоже немало. Не опустившихся, не погрязших в крепостной тине- протестующих.

Среди них - Тарас Шевченко, который оказался под стражей "по высочайшему повелению, за неисполнение воспрещения писать и рисовать".

Я знакомлюсь со "Списком нижним чинам Оренбургского линейного батальона № 5, над коими производится следствие" - еще одним документом из тех, что исчезли из комендантского архива, а затем оказались у золотоискателя Воронцова.

Список составлен через месяц после того, как Шевченко снова отправили из Оренбурга в Орскую крепость. Отправили одновременно с некоторыми другими, отданными в солдаты "за политические преступления". Среди них - Александр Бем, Юрий Лисозич, Адам Никольский, Станислав Цешейко и другие, в основном поляки.

Но только Шевченко прямо с дороги препроводили под арест. Он оказался в застенке, под следствием, которое вел подполковник Чигирь. И в результате дотошных расследований обнаружилось новое нарушение. Да еще какое!

Тут же командир четвертой роты пятого батальона подпоручик Растопчин получил распоряжение от командующего батальоном майора Мешкова:

"Переведенный из 4-го батальона в таковой же, коман-дуемый мною, рядовой вверенной Вам роты Тарас Шез-ченко при отобрании от него показания следователем г. подполковником Чигирем, между прочим показал, что при поступлении первоначально в службу на верность оной не присягал. Вследствие чего предлагаю Вашему благородию немедленно привести этого рядового на верность службе к присяге, а как он в настоящее время содержится под арестом, то к присяге вести его за строжайшим караулом - и мне по исполнении с представлением присяжного листа на сем же донести".

И вот-принятие присяги. На четвертом году солдатской службы. С конвоирами за спиной. Трагически-горькая церемония, полная глумления над его мыслями и его душой... Писатели-романисты, какие яркие и гневные страницы можно написать об этом! Художники-живописцы, да ведь это же само просится на полотно - муки Шевченко и его неодолимая гордость!

Ни распоряжение майора Мешкова, ни само "клятвенное обещание" среди шевченковских документов и материалов почему-то не публикуются. Почему? Разве не интересны, не важны они нам? Разве не расширяют наше представление об издевательствах, выпавших на долю Шевченко, но не сломивших его духа?!

"Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим богом...". На бумаге - слова о преданности государю императору и наследнику престола, о защите самодержавия от всяких врагов, о готовности немедленно объявить обо всех злых умыслах, о решимости "так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит". Напыщенно-торжественные славословия престолу, громкие и пустые заявления, составленные для тысяч и тысяч людей, облаченных в серые шинели. Ставя свою фамилию под "присяжным листом", он выполнял пустейшую формальность, которая ничего не меняла ни в его судьбе, ни в его взглядах. Священник Тимашев и подпоручик Растопчин могли порадоваться исправлению ранее допущенной оплошности: присяга принята, все в порядке. А рядовой Шевченко не собирался служить престолу. И, кажется мне, в тот день - 3 июля 1850 года - родились в нем самые гневные и горячие слова изо всех, что затем разошлись по свету...

Да, документы эти дороги, оч*ень дороги народу. И все больше убеждаешься: не случайно военное начальство, при поддержке верховной власти, делало все для того, чтобы такие свидетельства не сохранялись, не оставались потомкам...

Академик Дмитрий Иванович Яворницкий, сделавший для сбора шевченковских документов бесконечно много, отыскал однажды в Ростове-на-Дону ряд официальных бумаг о ссылке Тараса Григорьевича на берег Каспия. Букинист, который продал их Яворницкому, сказал, что приобрел бумаги у своего знакомого - офицера, который ездил в Новопетровское укрепление принимать дела после закрытия крепости.

Еще одна, аналогичная история. В 1883 году преподаватель института благородных девиц Вавилов зашел в Оренбурге в небольшую лавку, чтобы купить табаку. Мальчик, который отпускал покупку, завернул ее в половину листа, исписанного с двух сторон быстрым писарским почерком. Когда дома Вавилов развернул покупку и машинально стал просматривать лист, он увидел, что это часть документа, касающегося перевода Шевченко в отдаленные места Оренбургского края. Вавилов тотчас бросился в магазин. Но хозяин ничем его не порадовал. Он сказал, что бумаги куплены на пуды и все уже разошлось.

В то, примерно, время видел ссыльный студент Да-ценко исчезнувшие впоследствии документы.

К счастью, многие из них, после сложных перипетий, попали в руки человека, который, хотя и не давал им долгое время хода, но от гибели уберег, спас.

9. Самородок должен сверкать

Над Воронцовым тучи сгущались не раз и не два. Как же - бывший дворянин, бывший золотопромышленник...

"Волк в овечьей шкуре" - так назывался фельетон, напечатанный в местной газете. Фельетон - о нем.

Чувствуя приближение беды, Воронцов решил отдать дорогие документы в руки государства, под его охрану. Трезвый, рассудительный, он не позволил себе поддаться обиде, не дал возобладать чувствам низменным.

Низкий ему за это поклон и глубокая благодарность!

Низкий поклон и вам, Георгий Войцехович Чухрито- управляющий трестом "Миассзолото". Много и хорошо говорят о вас люди, с которыми вы работали рука об руку. Ленинградец, человек образованный, внимательно следивший за развитием всех отраслей знаний, за литературой и литературной наукой, вы одним из первых узнали о неожиданных богатствах старого золотоискателя. Узнали - и сделали все, чтобы они достались народу.

Мы вспоминаем бухгалтера Фролова, первым получившего документы из заветного "воронцовского ящика" (вот она, та загадочная шкатулка) и переправившего их в управление треста. Вспоминаем директора Миасского музея Черных - ему довелось непосредственно участвовать в первой "экспертизе" шевченковских бумаг. И безымянных авторов первых сообщений о находке. И редактора золотопромышленной газеты Швецова - он привез ее Постышеву. И самого Постышева...

Сколько людей - несхожих, различных - заинтересовал тогда этот клад!

Не по их вине судьба бесценных документов оказалась трудной, а их история осталась загадкой на десятилетия.

"Украинское правительство высылает на место находки специальных своих представителей..." Так сообщалось в заметке журнала "Червоный шлях". По приезде своем представители не успели даже отчитаться. Один из них вернулся к жизни лишь

двадцать лет спустя. Несмотря на все испытания, он не растерял чистоты и щедрости души своей, не изменил шевченковской науке и ныне талантливо, неустанно обогащает ее новыми трудами. Для меня было праздником присуждение ему, в ряду наших виднейших шевченковедов, высокой и заслуженной награды- Ленинской премии. Я говорю о Евгении Степановиче Шаблювском.

Не один шквал потряс тех, кто был причастен к уральской находке. Самородок будто растворился, стал менее заметен. О нем никто не писал и даже сами документы, кажется, глубоко читать не стали. Во всяком случае, мимо них прошли многие авторы работ об оренбургской ссылке Шевченко...

А он, самородок, впитавший в себя и слезы Тараса и любовь к нему, должен быть на виду, должен сверкать всеми своими гранями!

Для того я и рассказал об истории и судьбе шевченковских документов, обнаруженных тридцать с лишним лет назад на Южном Урале - этой, по словам П. П. Постышева, "исключительно ценной исторической находке".

..."Двое путников в разное время вышли из противоположных пунктов, наметив для себя различные направления. Когда и где, спрашивается..."

Но к чему повторять условия, если задача решена?

В нашем поиске мы с Семеновым могли встретиться только в Киеве. Именно там находятся те тринадцать документов на двадцати одном листе. Там, где им и быть надлежит.

А архитектор из Копейска и литератор из Оренбурга ведут другие поиски: первый - исторические (надо узнать всех открывателей уральских горных богатств), второй- литературные (шевченковские - прежде всего).

Не всегда удача приходит сразу, порой она не приходит вовсе. И все-таки продолжаешь копать, думать, искать. Искать - это прекрасно!

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Русские повести Т. Г. Шевченко цитируются по полному собранию сочинений в шести томах (юбилейное издание 1963-1964 гг., изд. АН УССР). "Близнецы" - в томе четвертом, стр. 7-138. Далее ссылки на это произведение только в тексте.

2 "Русская старина", журнал, 1903 г., май, стр. 267-289 ("Записки Н. Г. Залесова").

3 "Исторический вестник", журнал, 1905 г., апрель, стр. 74-75 ("Из воспоминаний оренбургского старожилы").

4 Государственный архив Оренбургской области (далее всюду - ГАОО). Фонд 96, оп. I, ед. хр. 92.

6 "Оренбургская жизнь", газета, 1914 г., 25 февраля.

6 В. Анисов, Е. Середа. "Летопись жизни и творчества Т. Г. Шевченко" (на украинском языке). Государственное издательство художественной литературы, Киев, 1959 г., стр. 166-167.

7 "Тарас Шевченко. Документы и материалы". Государственное издательство политической литературы УССР, Киев, 1963 г., стр. 58.

8 "Русский архив", журнал, 1898 г., книга третья, стр. 470 (статья П. Юдина "К биографии Т. Г. Шевченко").

9 "Народ и Шевченко" (на украинском языке). Из-во АН УССР, Киев, 1963 г., стр. 111-112.

10 "Биография Т. Г. Шевченко по воспоминаниям современников" (на украинском языке). Изд. АН УССР, Киев, 1958 г., стр. 152.

11 Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ), ф. 4, ед. хр. 82.

12 "Биография Т. Г. Шевченко по воспоминаниям...", стр. 152.

13 Там же, стр. 150.

14 Там же, стр. 155.

15 ГАОО, ф. 233, оп. I, ед. хр. 42.

15 ГАОО, ф. 233, оп. I, ед. хр. 228.

17 «Биография Т. Г. Шевченко по воспоминаниям...», стр. 152.

18 Это и последующие письма Т. Г. Шевченко цитируются по шестому тому полного собрания сочинений в шести томах издания АН УССР; стр. 92. Далее при ссылке на это издание указываются только том и страницы.

19 ГАОО, ф. 38, оп. I, ед. хр. 264.

20 "Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников". Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1962 г., стр. 202.

21 "Тарас Шевченко. Документы и материалы", стр. 51.

22 ГАОО, ф. 6, оп. 6, ед. хр. 12266.

23 Том шестой, стр. 66-67.

** Цитируется по публикации Д. Иофанова в его книге "Материалы о жизни и творчестве Тараса Шевченко" (на украинском языке). Государственное издательство художественной литературы, Киев, 1957 г., стр. 22.

25 ГАОО, ф. 6, оп. 12, ед. хр. 664.

28 ГАОО, ф. 6, оп. 12, ед. хр. 2651/4.

27 "Письма к Т. Г. Шевченко" (на украинском языке). Изд-во АН УССР, Киев, 1962 г., стр. 77.

28 "Биография Т. Г. Шевченко по воспоминаниям...", стр. 134. 28 ГАОО, ф. 191, оп. I, ед. хр. I.

30 ГАОО, ф. 6, оп. 6, ед. хр. 13761.

31 Том шестой, стр. 438 (цитируется в переводе с украинского).

32 Там же, стр. 143.

33 "Письма к Т. Г. Шевченко", стр. 110.

34 ГАОО, ф. 173, оп. II, ед. хр. 188.

35 Наиболее подробно писали об этом рисунке и изображенных на нем лицах В. Дьяков ("Тарас Шевченко и его польские друзья", изд. "Наука", Москва, 1964 г.), Л. Хинкулов ("Тарас Шевченко и его современники" - на украинском языке, Государственное издательство художественной литературы, Киев, 1962 г.), Л. Владич - "История одного рисунка" (в журналах "Советская Украина" - 1954 г., № 5 и "Огонек" - 1954 г., № 20).

36 ГАОО, ф. 6, оп. 6, ед. хр. 11651.

37 "Тарас Шевченко. Документы и материалы", стр. 59. 33 За сообщение ряда интересных сведений о Чернышевых автор глубоко признателен доктору исторических наук Г. Н. Чаброву.

- 39 Том шестой, стр. 89.
40 ГАОО, ф. 7, оп. 6, ед. хр. 13848.
41 ГАОО, ф. 6, оп. 5, ед. хр. 10732,
42 "Оренбургский листок", газета, 1889 г., 16 апреля.
43 Н. Н. Модестов. "Бывший префект Гродненской гимназии, ие-
222

ромонах Доминиканского ордена Кандид Зелёнка в Оренбурге". Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, выпуск 28, Оренбург, 1913 г.

44 Ф. М. Лазаревский. "Из воспоминаний о Шевченко". В сборнике "Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр. 176-187.

45 ГАОО, ф. 222, оп. I, ед. хр. 30.

46 ГАОО, ф. 191, оп. I, ед. хр. I.

47 "Т. Г. Шевченко в документах и материалах" (на украинском языке). Государственное издательство политической литературы УССР, Киев, 1950 г., стр. 167.

48 "Русские ведомости", газета, 1914 г., 25 февраля.

49 ГАОО, ф. 6, оп. 5, ед. хр. 10684.

50 ГАОО, ф. 6, оп. 6, ед. хр. 13055.

51 К. И. Герн. "Письмо к М. М. Лазаревскому о Шевченко". В сборнике "Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр. 202-205.

52 ГАОО, ф. 77, оп. I, ед. хр. I.

53 "Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 год". Оренбург, стр. 89.

54 Том шестой, стр. 60.

55 Все стихотворения цитируются по второму тому "Собрания сочинений в пяти томах", Москва, 1955 г., том второй, стр. 216-246. 66 Том шестой, стр. 62-64.

57 Г. Вязовский, К. Данилко, И. Дузь, М. Левченко, А. Нездвецкий и В. Несторенко - "Тарас Григорьевич Шевченко" (на украинском языке). Издательство Киевского университета, 1960 г., стр. 230.

58 Том шестой, стр. 67 (перевод с украинского).

ПОБРАТИМЫ

1 О С. В. Трубецком более подробно рассказано в книге П. Е. Щеголева "Алексеевский равелин" (глава "Любовь в равелине"), изд-во "Федерация", Москва, 1929 г., и в книге Эммы Герштейн "Судьба Лермонтова" (главы "О кружке "шестнадцати" и "Дуэль и смерть"), изд-во "Советский писатель", Москва, 1964 г.

2 А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М. К. Лемке. Том XI, Петербург, 1919 г. Заметка в отделе "Дополнения" (стр. 471-478), комментируя одно из писем к И. С. Тургеневу, излагает, на основе некоторых архивных материалов, историю преследования Э. Желиговского и его друзей.

3 ГАОО, ф. 6, оп. 18, ед. хр. 253. Листы (в порядке опубликования): 10-10 об., 12, 13-13 об., 14, 15-15 об., 19, 22-22 об., 25, 28-28 об., 32, 37.

4 Том шестой, стр. 88-90. Последующие письма к Б. Залеско-му - на стр. 91-143 (даты каждого обозначены в тексте).

5 ГАОО, ф. 7, оп. 12, ед. хр. 734.

6 "Тарас Шевченко и белорусская литература" (на белорусском языке). Изд-во "Наука и технике", Минск, 1964 г., стр. 171-192.

- 7 Н. Мещерский. "Тарас Шевченко и Эдвард Желиговский". Журнал "На рубеже" (Петрозаводск), 1964 г., № 2, стр. 106-109.
- 8 Бронислав Залеский. "Из заметок о Шевченко". В книге "Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр. 239.
- 9 В. А. Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья". Изд-во "Наука", Москва, 1964 г. О дружбе Шевченко с Желиговским в период ссылки - на стр. 69-72.
- 10 "Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова". Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XVIII. Оренбург, 1907 г., глава "Граф В. А. Перовский".
- 11 "Тургайская иллюстрированная газета", 1896 г., 3 марта.
- 12 ГАОО, ф. 6, оп. 18, ед. хр. 253. Листы (в порядке опубликования): 47-47 об.- 48, 58-58 об., 60-60 об.
- 13 В. П. Колесников. "Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату". Петербург, 1914 г., стр. 59-60.
- 14 "Очерки по истории Башкирской АССР". Том первый, часть вторая. Башкирское книжное издательство, Уфа, 1959 г.
- 15 Это и все последующие письма Бр. Залеского цитируются по книге "Письма к Т. Г. Шевченко". Ссылка на даты писем - в тексте.
- 16 Н. Мещерский. "М. Л. Михайлов и его литературная командировка в Оренбургский край". Альманах "Степные огни", № 4, Чкалов (Оренбург), 1941 г., стр. 152-181.
- 17 "Летопись жизни и творчества Т. Г. Шевченко", стр. 189-190. (Составители допустили ошибку в возрасте Барановского, напечатав вместо "86"- "56").
- 18 ГАОО, ф. 171, оп. 1, ед. хр. 5.
- 19 "Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816-1881". Составил Н. И. Веселовский. Петербург, 1887 г., стр. 122.
- 20 ГАОО, ф. 6, оп. 18, ед. хр. 253/лл. 46-46-об,
- 21 Д. Яворницкий. "Материалы к биографии Т. Г. Шевченко" (на украинском языке). Екатеринослав, 1909 г.
- 22 Государственный архив Башкирской АССР. Фонд I, оп. I, ед. хр. 2268.
- 23 А. Н. Плещеев. "Полное собрание стихотворений". Изд-во "Советский писатель". Москва-Ленинград, 1964 г., стр. 277.
- 224
- 24 Записи из Дневника Т. Г. Шевченко цитируются по пятому тому полного собрания сочинений Т. Г. Шевченко в шести томах (изд. АН УССР, Киев, 1963 г.) Даты каждой из записей оговариваются в тексте.
- 25 Цитируется в переводе А. Суркова. Тарас Шевченко. "Собрание сочинений в пяти томах". Том 2, стр. 276-278.
- 26 Н. Мещерский. "К источникам стихотворения Шевченко "Юродивый". Журнал "Советское литературоведение" (на украинском языке), 1962 г., № 6, стр.129-130.
- 27 ГАОО, ф. 6, оп. 18, ед. хр. 253, л. 72.
- 28 Упомянутый сборник "Письма к Т. К. Шевченко", стр. 140.
- 29 "Русско-польские революционные связи". Изд-во АН СССР, Москва, 1963 г., т. I, стр. 309.

30 Особенно подробно освещает связи поэта Украины в эти годы Е. С. Шаблюковский в книге "Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы". Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1962 г.

31 Упомянутое пятитомное собрание сочинений на русском языке, том 2, стр. 317.

32 "Поэзия славян". Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. Под редакцией Н. В. Гербеля. Петербург, 1871 г.

33 Е. П. Кирилюк. "Шевченко и славянские народы" (на украинском языке). Изд-во АН УССР, Киев, 1958 г.

34 Б. Чайковский. "Незабываемая страница дружбы" (на украинском языке). Изд-во "Днипро", Киев, 1965 г.

35 С. Александров. "Страницы братской дружбы" (на белорусском языке). Государственное издательство БССР, Минск, 1960 г.

36 М. Гаско. "История одного портрета". Журнал "Всесвіт", 1965г., №6, стр. 122-125.

ГДЕ-ТО НА УРАЛЕ...

1 "Оренбургский архив" (информационный бюллетень). Оренбург, 1958 г., стр. 6.

2 "Киевская старина", журнал, 1893 г., книга вторая, стр. 257-261.

3 "Камско-Волжский край", газета, 1897 г., 11 января.

4 Л. Хинкулов. "Тарас Шевченко и его современники" (на украинском языке), стр. 179-180.

1 "Русский архив", журнал, 1898 г., книга третья, стр. 463-476, 275

6 "Червоный шлях" ("Красный путь"), журнал. Харьков, 1935 г., №7, стр. 201.

7 "Червоный шлях", 1935 г., № 9, стр. 188.

8 "Биография Т. Г. Шевченко по воспоминаниям...", стр. 165.

9 "Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников", стр. 212-213.

10 Подлинники хранятся в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко (Київ). Инд. №№ 1616-1628.

11 "Тарас Шевченко. Документы и материалы", стр. 51.

12 Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. "Переписка по вопросу поисков документов Т. Г. Шевченко на Южном Урале (1 декабря 1960 г.- 29 июля 1963 г.)"